

ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ

Молотовское книжное
издательство
Молотов
1955

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ

Повесть

*Молотовское
книжное издательство
г. Молотов — 1955 г.*

К читателям.

*Молотовское книжное издательство
просит присылать свои отзывы о содержа-
нии книги и ее оформлении, а также свои
пожелания по адресу:*

г. Молотов, областной, К. Маркса, 30.

Глава первая

Утро в редакции начиналось с телефонных звонков. Из отдаленных районов уставшие в командировках корреспонденты торопились продиктовать стенографистке срочные материалы. Читатели настойчиво требовали «поднять важный вопрос» или «проработать» кого-нибудь на страницах газеты. Многочисленные физкультурники старались обогнать друг друга с отчетом о вчерашних соревнованиях. Жаловались и возмущались обиженные, которых газета критиковала в последних номерах. Стоило только снять трубку, чтобы услышать голос, с благородным негодованием сообщавший о найденной «крупной опечатке».

Редакционные телефоны терпеливо, изо дня в день, передавали этот нескончаемый поток взволнованных слов.

Звонки начинали раздаваться еще до того, как приходили литературные сотрудники. Первым обычно звонил телефон заведующего спортивным отделом; ему принимались вторить другие и, казалось, каждый — на свой манер. Телефон отдела пропаганды и агитации звонил солидно, с достоинством, долго; телефон отдела писем — обиженно, настойчиво; телефон редактора — осторожно, с уважением.

После технического секретаря по лестнице неторопливо поднялся Николай Рогов, заведующий отделом рабочей молодежи. Войдя в кабинет, он недовольно покосился на трезвонивший телефон, разделся, пухлой рукой пригладил коротко остриженные волосы и снял трубку. Из нее донесся приглушенный коммутаторной установкой злой голос:

— Редакция? «Смена»? Максимов с паровозоремонтного позвонил. Тут про меня ваш Вишняков статью написал. Не дело получилось. Я думал, он со мной просто так, из интереса, беседует, а он вон сколько настрочил! И поднаврал, как у вас водится. Никакого дружка у меня в Каховке нету!

— Товарищ Максимов, вы, дорогой мой, не волнуйтесь, не горячитесь,— спокойно проговорил Николай. — Сами знаете, случаются иногда недоразумения. Не стоит из-за такой мелочи... Ну, если так, то приходите в редакцию, разберемся... Нет, никаких свидетелей не надо, побеседуем, выясним.

Николай бросил трубку на рычаг и зашагал по комнате, яростно насвистывая.

— Здравствуйте, Николай Александрович! — не сказала, а словно пропела неслышно вошедшая Маро Гаркарян, технический секретарь редакции. Высокая, черноволосая, в ярком голубом платье, она точно вот-вот сошла с цветной обложки спортивного журнала.

— Привет, привет, Маро, — ответил Николай, быстро взглянув на девушку, и отвернулся: она не любила, чтобы ее разглядывали.

Когда Николай впервые увидел Маро и уставился на нее близорукими глазами, она насмешливо спросила, нетерпеливо поводя плечами:

— Совсем все посмотрел? Все на месте? А?

Об этом эпизоде он не забывал и в присутствии Маро старался выглядеть строгим, разговаривал с ней подчеркнуто вежливо.

— Простите, Маро, вы не знаете, Вишняков не приходил?

Она кончила разносить по столам газеты и, уже выходя, бросила презрительно:

— Часа два подожди.

«Ну, что делать? — растерянно подумал Николай и постучал по столу короткими толстыми пальцами. — Правда, я его очерка в набор не подписывал... Или сказать редактору, что звонил Максимов?»

В соседней комнате глухо простучали по ковровой дорожке каблуки. Николай поднял голову, прислушался. Его румяное, с лоснящимися щеками лицо сделалось грустным, потом сморщилось, словно у него заныли все зубы. Николай поймал себя на том, что думает о пустя-

ках, и развернул свежий номер газеты. Скользнув глазами по заголовкам, он вздохнул и начал читать очерк Олега Вишнякова «Таков советский человек».

В очерке была найдена удачная композиция: слесарь паровозоремонтного завода Максим Максимов, задержавшись после смены у Доски почета, мысленно пишет письмо товарищу в Каховку о своих друзьях, портреты которых он видит перед собой.

Сделан был счерк отлично. Но беда в том, что никакого товарища в Каховке у Максимова не оказалось. Мелочь, конечно, но читатели таких выдумок не любят. А Олег на них мастер.

Услышав стук пишущей машинки, Николай оторвался от размышлений и стал записывать в журнал опубликованные в номере авторские письма.

— Хороший очерк Олег написал?

Он поднял голову и увидел перед своим столом Ларису, тонкую, пышноволосую девушку. Рядом с ней стоял Павел Павлович Полуяров, ответственный секретарь редакции.

— Умеет работать, — восхищенно, с детской завистью продолжала Лариса, щури темносиние глаза.

— Не надо, — произнес Полуяров, — не надо захваливать. Самый обыкновенный очерк, даже средненький. Книжностью припахивает.

— Вы просто всегда придираетесь к Олегу, — возмущенно сказала Лариса. — Чем очерк плох?

— Я придираюсь ко всем — должность у меня такая, — медленно проговорил Полуяров. — А очерк плох тем, что плохо написан... Коля, строк тридцать под редакцию.

Полуяров скрылся в дверях.

«Нет, он ничего не знает о Максимове», — подумал Николай и сказал Ларисе:

— Олег несколько небрежен к фактам. Я много раз говорил ему...

Лариса вышла. «Гордячка! — обиделся Николай. — Трясется над своим Олегом, как наседка над цыпленком!» Он встал и тяжело заходил по комнате. Николаю было двадцать семь лет, но преждевременная полнота старила его.

Дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошел высокий белокурый молодой человек.

— Приветствую вас, уважаемый зав! — продекламировал он. — Как очерк? Недурно, по-моему, получилось. Давно ждал случая использовать этот прием. Главное, правка была небольшая, самая либеральная. Каждый раз в таких случаях убеждаюсь, что от вмешательства чужого пера твоё творение не улучшается. Представляю удовольствие этого Максимова. Не меньше десятка номеров, наверное, скупил.

— Почему опоздал? — Николай попытался изобразить на своём лице недовольство.

— Проспал, — с веселой беззаботностью отозвался Олег. — Вчера мамаша халат купила, ну, я его, соответственно, обмыл.

— Все-таки к работе надо относиться...

— Без лекций, дорогуша. Основные принципы коммунистического воспитания я знаю со школьной скамьи. Ты что, с левой ноги встал?

— Звонил Максимов.

— Ну и что? Сказал, что никакого друга у него в Каховке нет?

— Точно.

— Я это предчувствовал! — Олег махнул рукой. — Ерунда!.. Мне, пожалуй, пора в командировочку. Засиделся я в городе. Куда бы махнуть? К шахтерам или к лесорубам?

— Ты сначала из этой истории выкрутись.

— Ничего. Подумаешь, одну детальку выдумал! Зато очерк интересным получился... Все заняты, все пишут, стараются, на работу приходят без опозданий, а газета серенькая. Так-то. Плохи наши дела. Набрали нас без разбора с разных участков идеологического фронта, а теперь извольте удивляться, почему газета плохая. Оторвись на минутку от трудов праведных, взгляни на номер. Сухие, как листы в гербарии, отчеты, близнецы информации и нудная передовая. Что читать?

— Очерк О. Вишнякова.

— А что? Вполне согласен с тобой, не сочти за хвастовство. Во всяком случае, не так бледно и невыразительно, как остальное.

Вошел Полуяров. Поздоровавшись, Олег продолжал:

— На одних фактах в очерке далеко не уедешь. Сооруженный из фактов и фактиков, он будет мертворожденным. Очерк — результат творческого отношения к

фактам, он должен быть интересным во что бы то ни стало. Не грех, если в очерке герой сделает то, чего в жизни не делал.

— Короче говоря, скажите мне имя вашей бабушки, и я напишу о вас очерк... Выдумывать легко. А вот писать о невыдуманном — трудно, — сказал Полуяров, и в его серых, всегда прищуренных глазах появилось суровое выражение. — Ты слишком самонадеян, Олег.

— Я просто имею свое мнение, — раздраженно ответил Олег, но сразу же переменял тон: — Впрочем, в данный момент я думаю о парикмахерской, куда и удаляюсь с вашего разрешения.

Когда он ушел, Полуяров сказал:

— Боюсь я за него. Сорвется он со своими приемами.

«Сказать или не сказать? — мучительно раздумывал Николай. — Вроде бы пустяковый случай...»

— Как по-твоему, Николай, если мы на партийном собрании обсудим еще раз вопрос... — Полуяров облокотился на стол. — Лариса опять бушует.

— Смотрите, вам виднее, — уклончиво отозвался Николай, — я к редакции претензий не имею.

— Учту. Я советуюсь со всеми коммунистами.

Оставшись один, Николай долго крутил в руках пресс-папье... «А вдруг история с очерком только начинается?.. Сказать или не сказать? Не хочется Олега зря подводить. А не скажешь...» Он думал, и перед глазами вставало сосредоточенное лицо Олега — круглый, гладко выбритый подбородок, в зубах папирosa с изжеванным мундштуком. Взгляд голубых глаз то насмешливый, то пренебрежительный. Волнистые русые волосы уложены старательно... Легко живет, весело. Вот убежал в парикмахерскую, а он, Николай, сидит и переживает. Он завидовал Олегу с первого дня знакомства, когда сотрудники областной комсомольской газеты «Смена» встретились на совещании в обкоме комсомола. Все чувствовали себя немного неуверенно, и лишь Олег держался так, будто газетная работа успела уже ему надоесть. Второй раз молодые журналисты встретились в кабинете редактора, обсудили планы ближайших номеров и разъехались по районам — корреспондентами несуществующей газеты. Редакция была — газеты еще не было.

Лучшим материалом в первом номере «Смены» единодушно признали очерк Олега. Николай вздыхал: есть же,

талантливые люди! Он почтительно выслушивал рассуждения нового приятеля о газетной работе. Для Олега не было неразрешенных вопросов, он жил легко и уверенно. Все его любили, со всеми он был запанибрата. Но постепенно в его поведении стало проглядывать ироническое отношение и к работе, и к товарищам. Он едко высмеивал начинающих журналистов и их статьи. Николай начал побаиваться Олега.

— Николай Александрович! К Сергею Ивановичу! — крикнула из дверей Маро.

«Что там еще?»

Николай испуганно встал и быстро пошел к кабинету редактора.

У Сергея Ивановича Копытова, длинного, узкоплечего мужчины, было небритое, обветренное лицо и полуседые, с короткой мальчишеской челкой на лбу волосы. Очки не шли ему, представлялось, что он надел их по ошибке и сейчас снимет. Работал он добросовестно, уходил из редакции последним. Казалось, у него просто не хватает времени причесаться, правильно завязать галстук, привести в порядок костюм.

— Новый сотрудник, знакомься, — сказал редактор Николаю, едва тот открыл двери.

Из кресла поднялся молодой человек в темносиней куртке, в ее распахнутом вороте — голубой галстук. Подчеркнутая аккуратность обращала на себя внимание с первого взгляда. Юноша был худощав, но широкоплеч. Серые глаза смотрели с любопытством, и это придавало лицу, привлекательность, какая нередко бывает у некрасивых.

Он протянул руку и сказал негромко:

— Валентин Лесной.

— Псевдоним? — недружелюбно спросил Николай. — Красиво придумано.

— Нет, по паспорту, псевдонимов не признаю, — так же негромко ответил Валентин, а глаза, казалось, предупреждали: «Меня не сразу укусишь».

— Вишнякова от тебя в секретариат заберу, — озабоченно проговорил Копытов. — Ты попробуй Лесного. Посмотрим, на что горазд.

У выхода Валентин приостановился, пропустив Николая вперед.

— Вот, Маро, наш новый сотрудник, в мой отдел,— удовлетворенно сказал Николай.— Нравится?

— Не скажу,— рассмеялась Маро,— совсем ничего.

Валентин внимательно посмотрел на нее, и — странно — она смущенно улыбнулась и поправила воротник платья.

— Идем завтракать,— оживленно предложил Николай,— поболтаем за бутылкой нарзана.

— На нарзан у меня еще деньги есть, но вместо завтрака мне предстоит разговор с администратором гостиницы.

— Вы откуда?

Валентин назвал соседний областной центр.

— А почему решили к нам? Извините за несколько нескромный вопрос.

— Так... есть причины, много причин.

— Почти ясно. В четыре часа летучка, не забудьте.

Весь день Николай потратил на правку одного письма. Можно было поступить иначе: вызвать автора и предложить ему доработать, но редактор приказал дать письмо в следующий номер. Никогда из этой чертовой газетной текучки не вырвешься. Вот будет в отделе Лесной, попросим развернуться. Вроде ничего парень, скромный.

— На совещание! — пригласила Маро таким радостным голосом, будто звала гостей к столу.

Сначала совещание шло мирно. Рецензент не то ругал, не то хвалил номер. Очерк «Таков советский человек» ему понравился. Николай смотрел то на раздумавшуюся Ларису, то на сосредоточенного, внимательного Валентина. Когда рецензент кончил говорить, Лариса резко поджала полусогнутую по школьной привычке руку.

Копытов кивнул. Лариса встала, одернула платье и заговорила, запинаясь от волнения:

— Я буду говорить не о номере.

— А мы номер обсуждаем,— перебил Копытов.

— Я буду говорить о том, о чем все шепчутся после летучки, а на летучке молчат. Сергей Иванович, вы слишком яростно правите. Ведь от автора буквально ничего не остается. В письмо пятиклассника вы вписали фразу: «Хорошо сознавая важность внеклассного чтения...» и так далее.

— По существу, Антонова, говори. Мелочи мы в рабочем порядке обсудим.

— Правка — не мелочь. Надо либо заворачивать рукописи, либо править бережно. Почему-то никто не жалуются на правку Павла Павловича. Он выправит фразу и докажет, что это надо было сделать.

— Учтем, учтем,—пробормотал Копытов.—Очерк Вишнякова понравился тебе?

— Понравился. Читается с большим интересом.

Слово попросил Полуяров. Хотя на летучке разрешалось говорить сидя, он всегда вставал. У него была привычка смотреть в глаза тому, кого он хвалил или ругал. Чуть склонив голову набок, он говорил негромко, почти не повышая голоса. Новичкам он казался равнодушным, холодным человеком.

— Вишняков написал гладкое литературное сочинение,— смотря на Олега, начал Полуяров.— Кроме литературных приемов, в очерке ничего нет. Ты можешь писать лучше. Подожди, я тебя как-нибудь на твоих приемчиках поймаю.

«Значит, Максимов ему не звонил,— облегченно подумал Николай,— обошлось, пронесло».

Он произвольно взглянул на Ларису и брезгливо пожевал губами: ему не нравилось, что она ни от кого не скрывала своих чувств к Олегу и даже сейчас, на летучке, не сводила с него своих задумчивых темносиних глаз.

— Войти можно?

В дверях стоял высокий широкоплечий парень с кепкой в руке, в засаленной телогрейке. Николай мысленно чертыхнулся.

— У нас совещание. Вы к кому? — спросил Копытов.

 Знаю, знаю, что совещание,— глуховатым баском ответил парень.— Мне секретарша, чернявенькая такая, сказала... Но я прорвался. Максимов я. Тот самый.

— А-а, — оживился Копытов. — Во-время подошли. Проходите, присаживайтесь. Как встретили очерк на заводе?

Максимов, видимо, не расслышал, осторожно сел на крайний стул, положил рядом кепку, посидел, встал, поздоровался и снова сел.

В редакции действовало неписанное правило: тот, кому летучка портила кровь, мог закурить. Николай и Олег задымили одновременно.

— Слушаем вас, товарищ Максимов,— предложил Копытов.

— Ладно,— сказал Максимов,— слушайте. Пусть товарищ, как его, Вишняков послушает. Брехню он написал. Самую настоящую брехню. Я человек простой, рабочий и говорить буду прямо. Вы меня, товарищи корреспонденты, извините, конечно, но по-своему рассуждаю так. Ежели я хорош, пиши обо мне так, какой я есть на самом деле. Ежели во мне изъяны нашел, не пиши. А присочинять никто не имеет права. Нет у меня дружка в Каховке. Нет. Ну, смех один получился! Все думают, что я сбрехнул. Просьба: поправочку дайте небольшую, так, мол, и так — неладно вышло.

— Можно вопрос? — небрежным тоном спросил Олег. — Товарищ Максимов, припомните-ка наш разговор.

Максимов удивленно посмотрел на него, помолчал и ответил вопросом:

— Чего припоминать? Я не пьяный был... И не говорил я вам про мечту про эту... не помню, как там, в очерке...

— Сейчас, сейчас, — произнес Копытов и прочитал: — «И еще есть у Максима Максимова, простого советского человека, мечта, — чтобы слава о его трудовых делах вылетела за пределы завода и...»

— Никогда у меня такой мечты не было! — возмущенно перебил Максимов. — Нет у меня славы и не надо мне ее! Я не ради нее работаю! И про Кольку Чугунова вы присочинили! Будто бы он с отцом соревнуется. Отец у него в охране работает.

— У вас все? — пренебрежительно спросил Олег. — Мне остается только поражаться. То, что вы говорили мне тогда, на заводе, и то, что говорили сейчас, — не одно и то же. Либо там вы запутали меня, либо здесь путаете.

— Да брось ты! — вспылil Максимов. — Да мне-то не горе! Я свое сказал! А коли не в прок... тогда будьте здоровы!

Максимов стремительно вышел.

— Попробуй разберись, — мрачно произнес Копытов. — Ведь сколько раз говорил: проверяйте, понимаете ли, каждое слово, с оглядкой пишите. Фраза, будь она неладна, в сторону увести может. Лучше уж без всяких этих... эпитетов, что ли, писать.

— Если вы не верите мне, воля ваша. — Олег обиженно замолчал.

— Мы тебе верим, Олег Филиппович, — втянув голову в плечи, стал объяснять Копытов, — но правоту надо

доказать. И не нам, а Максимову. Он молчать не будет. Он жаловаться пойдет. И не куда-нибудь, а в обком. На пятый этаж. Не надо ждать, пока он жалобу организует. Назначая комиссию, она разберется. Рогов и Антонова — комиссия.

Решение редактора было не очень тактичным: Копытов знал, конечно, об отношениях между Ларисой и Олегом.

После летучки Николай подсел к Валентину Лесному, спросил:

— Как устроились?

— Великолепно. Но в копеечку встанет... Тоска смертная, ни одного знакомого.

— Это дело поправимое. Я тоже живу не особенно весело. А двое грустных — это уже не очень грустно.

Николаю показалось, что Валентин взглянул на него недружелюбно. Лесной и говорил-то отвернувшись в сторону:

— Что ж вам грустно? Вы ведь женаты.

— Ха! — воскликнул Николай. — Как раз женатые редко бывают веселыми.

— В моем представлении жена — понятие довольно приятное, радостное.

— Говорят, бывает такое. Подождите, а вы откуда знаете, что я женат? И давайте — на ты.

— Знаю, — Валентин старательно размял папиросу. — Я тоже мечтал на спортсменке жениться, красивой, загорелой, черноволосой. Вроде твоей Ольги. Живете как?

— Средне. Почему мечтал? А сейчас не мечтаешь? Раздумал?

— Нет, до сих пор мечтаю.

— Все-таки откуда ты Ольгу знаешь?

— Встречались на соревнованиях. Я о ней очерк писал. Повезло тебе.

— Куда там! — Николай снял очки, и Валентин увидел, что глаза у него маленькие, будто спрятавшиеся. — Зайдешь как-нибудь, увидишь вблизи семейное счастье. Вот вечер наступает, а моей жены дома нет. Трудится...

Валентин не ответил. Николай стал собираться домой. По дороге он зашел в гастроном, протолкался к прилавку и сказал:

— Стаканчик пятнадцатого, Зочка.

Портвейн был холодный и сначала показался безвкус-

ным. Потом в горле потеплело, в нос ударил винный аромат.

— Еще стаканчик.

Расплатившись, Николай постоял в нерешительности и вышел на улицу. Настроение было тоскливое. Хотелось поговорить с кем-нибудь по душам, пожаловаться... Кому? Не Олегу же?! Николай сделал круг по Комсомольскому скверу и остановился, смотря на темный силуэт семиэтажной гостиницы. Честно говоря, ему хотелось напиться, но нужен был повод. Без повода не позволяла совесть. Николай не пьяница, он не разрешал себе пить просто так, без причины.

В буфете он купил бутылку «Ленкорани» и, расспросив дежурную, поднялся на второй этаж.

В номере, где остановился Валентин, было уютно, хотя два чемодана и тюк лежали на полу еще неразобранными. Несколько извлеченных из них вещей придавали комнате обжитой вид. На письменном столе с портрета в самодельной рамке улыбался Юлиус Фучик; аккуратными стопками были разложены книги и бумаги; над кроватью — цветная фотография сцены из «Лебединого озера».

— Балет любишь? — удивленно спросил Николай.

— Я все люблю, — тихо, задумчиво ответил Валентин, — театр, музыку, газету, спорт — все... Чаю хочешь?

Неизвестно почему, Николай боялся вытащить бутылку. Стоя у стены, он разглядывал Валентина. Черные волосы его были острижены ровно настолько, что при наклоне головы не падали на глаза. Он привычно, со знанием дела, накрывал на стол.

— Спортом занимаешься? — с неприязнью спросил Николай, ощущая острое желание выпить глоток вина.

Валентин перестал резать хлеб, поднял глаза.

— Ты пьян, что ли?

— Выпил немного, — гордо отозвался Николай. — А ты трезвенник?

— Значит, чай тебя не привлекает?

— Нет. Я пришел поговорить с тобой.

— О чем? Мы же не знаем друг друга.

Явный отказ Николай воспринял как оскорбление. Разгоряченный вином, он заговорил возбужденно:

— Я не напрашиваюсь на знакомство. Я считаю, что по некоторым причинам тебе просто надо познакомиться

со мной.— Николай вытащил бутылку.— Отличное вино! Выпьем за встречу? За совместную работу?

— Нет, — тихо отказался Валентин. — Извини, не буду.

Николай растерялся, спросил резко:

— Гонишь, что ли?

— И не думал. Но пить я не буду.

— Это равносильно — выйдите вон.

— В данном случае, нет.

— Я все равно уйду! — Николай взял бутылку. — Ты еще пожалеешь.

— Николай, ты просто не понял меня. Я не пью без причины. В праздники с удовольствием.

— Будьте здоровы!

Хлопнула дверь. Валентин не пошевелился. Потом начал пить чай. И только глаза, печальные и обиженные, говорили о том, что произошло что-то тяжелое для него... Не сдержался... Пора стать выдержанным и стойким. Впереди много трудностей, и нельзя сразу раскисать. Ты знал, на что идешь, когда решил приехать сюда. Назад поворачивать поздно. Значит, надо стиснуть зубы и не поддаваться настроениям.

Убрав со стола, Валентин подсел к репродуктору, взял в руки штепсель, но задумался.

...Случилось это почти шесть лет назад, на стадионе. Ничто не предвещало дурной погоды. Все пришли на футбол без плащей и зонтиков. Игра была, как потом рассказывали мальчишки, «мировой» и «нормальной». В разгар футбольной схватки над стадионом быстро собрались тучи, прокатился гром, и хлынул ливень. Пожалев новый костюм, Валентин укрылся под козырьком крыши одного из киосков. Там, плечом к плечу, приютилось несколько человек. Валентин пристроился с краю. Стоять навтыжку, не двигаясь, ощущая, как костюм прилипает к телу, и неприятно, и скучно.

Вдруг он увидел бежавшую от трибуны девушку. В ее движениях было столько ловкости и грации, что Валентин забыл о дожде. Она бежала, держа руки у груди, рассчитанными прыжками перескакивая через лужи. Подбежав к киоску, девушка остановилась. Короткие мелкозавитые волосы прилипли к смуглому лбу. «Красивая девушка», — подумал Валентин и неожиданно для самого себя взволнованно предложил:

— Пожалуйста! Вставайте на мое место! Здесь очень хорошо.

Девушка поблагодарила его кивком головы, перепрыгнула через лужу и встала на клочок сухой земли. Набравшись смелости, Валентин пододвинулся к девушке и осторожно заглянул ей в лицо.

Она была красива, особенно в профиль. Тонкий, словно точеный, нос, высокий гладкий лоб, прямые брови. В то время Валентин увлекался античным искусством. Ему показалось: в облике девушки есть что-то от очарования и недоступности древнегреческих статуй. Еще не понимая, что с ним происходит, он размышлял глубокомысленно и витиевато: «Она мне нравится, хотя я и не знаю ее. Почему так бывает?.. Почему-то считается, что если мужчина восхищается красотой женского лица или рук, то в этом нет ничего предосудительного. Но стоит с восхищением отозваться о красоте женского тела, как тебя сочтут безнравственным, если не больше. А ведь в древних статуях — красота и радость жизни. Автора Венеры Милосской — этого гимна женской красоте — никак нельзя обвинить в безнравственности. Древние греки считали человеческое тело непревзойденным образцом красоты... А теперь черствые сухари, претендующие на понимание прекрасного, давно исключили женскую красоту из круга эстетических наслаждений. Почему? Этот ложный, ханжеский стыд — признак ограниченности, пережиток прошлого, когда женщина была предметом купли и продажи, когда сам общественный строй принижал человека, опошлял все светлое и чистое, что возвышает душу. Сейчас, когда мы боремся за нового человека, за то, чтобы он был красив во всем, женская красота должна вернуться в искусство и войти в педагогику. Так и будет!»

— Три,— сказала девушка.

— Да,— отозвался он.— А что?

— Смешной какой! Вы три папиросы выкурили.

Сосчитал. Действительно, три штуки.

— Кончается дождик, надо идти,— сказала девушка.

Пошли. Валентин шагал рядом, чувствуя, как неприятно колотится сердце. Ведь девушка в любой момент могла свернуть в переулок или сказать «до свиданья!» Значит, он больше не увидит ее!

Когда они подошли к городскому саду, Валентин пробормотал, надеясь, что она не расслышит:

— Идемте в кино.

Но она услышала и ответила:

— Холодно.

От неопределенности ответа, в котором было и согласие, и отказ, Валентин растерялся и сказал, отвернувшись в сторону:

— В кино тепло.

Девушка промолчала. Он купил билеты и пошел следом за ней, осторожно ступающей стройными ногами по размытой земле.

До начала сеанса оставался час. Валентин сбегал в буфет и вернулся с двумя черствыми пирожными.

— Ой! — обрадовалась девушка. — Я очень есть хочу.

Раньше красивые девушки, которых встречал Валентин, казались ему либо капризными, либо развязными, а эта непринужденно, с удовольствием кусала пирожное, держа ладонь лодочкой; не отказалась от второго, потом просто сказала:

— Ну вот, теперь я пить захотела.

Фильм был заграничный, с запутанным сюжетом, с выстрелами и поцелуями; читать бесконечные надписи надоело, и Валентин больше смотрел на девушку, чем на экран. Поворачивая к ней голову, он видел в темноте блестящие раскрытые глаза. Раздался выстрел, девушка вздрогнула. Он замер, почувствовав, как к руке на мгновение прикоснулось теплое девичье плечо.

— Конец фильма, — грустно прочел вслух Валентин.

Когда они вышли из кинотеатра, уже стемнело.

— Вы что, провожаете? — любопытствовала девушка.

— Да, вроде, а что?

— Ничего, просто так спросила. Смешно получается.

— Почему? — насторожился он.

— Вы бы хоть спросили, как меня зовут.

— Неудобно...

— Так я и поверила... В кино приглашать удобно, а...

— Нет, правда, честное слово! Я и сам не понимаю, как все получилось. Не верится даже.

С ее лица исчезло озорное выражение. Она посмотрела на Валентина внимательно и серьезно. Чтобы избавиться от неловкости, он резко спросил:

— Вы где живете?

— Вот здесь,— удивилась она перемене тона,— до свиданья, спасибо.

— Как вас зовут?

Если бы он спросил просто из любопытства, она бы, конечно, назвала себя, но что-то в нем ей понравилось, и она проговорила озорно и весело:

— Приходите в среду в спортзал «Динамо», узнаете!— и захлопнула парадную дверь.

Присев на каменные перила крыльца, Валентин попытался понять, что же произошло... Вспомнил, как она ела пирожное, держа левую ладонь лодочкой. Валентин выругал себя за то, что пошел в кино на глупейший фильм. Лучше бы побродить по саду, поговорить с ней. Она ведь умная, сразу видно... Валентин перепрыгнул через перила на асфальт.

Когда быстро идешь по темным пустынным улицам, думается очень легко. Валентин не мог разобраться в охвативших его мыслях и чувствах. В юношеском воображении женщины кажутся какими-то неземными существами, все, связанное с ними, бывает светлым и радостным.

Правда, появлялись иногда мысли стыдливые, тревожные. Женская красота часто напоминала о себе, Валентин отводил глаза в сторону и жалел, почему люди разучились преклоняться перед самым красивым на свете.

Эти переживания покидали Валентина, едва он начал думать о своей новой знакомой. В тот вечер она стала ему такой дорогой и близкой, такой необходимой для счастья, что он испугался. Он даже постарался доказать себе, что ничего необычайного не случилось, что все это — блажь и ерунда на постном масле, что ни в какой спортзал он не пойдет. Чего он там не видел?

До среды часы отставали. Будильник, спутник коротких студенческих ночей, во время экзаменов всегда забегавший вперед, теперь еле двигал стрелки. Иногда казалось, что больше ждать невозможно; тогда Валентин бросался на улицу и бежал, постепенно замедляя шаги, к ее дому, ходил около него, посматривая на окна. До глубокой ночи он бродил по городу, благодарно думая о той, которая доверчиво прикоснулась к нему, когда на экране раздался выстрел.

В среду он снова увидел ее.

Выстояв длинную очередь в кассу, Валентин еле отыскал свободное место на скамейках для зрителей

в большом спортивном зале. Диктор объявил, что гимнастические соревнования продолжаются. Валентин смотрел не столько на выступления гимнастов, сколько по сторонам.

— Выступает Ольга Миронова,— торжественно объявил диктор, и аплодисменты заглушили его голос.

Случайно взглянув на середину зала, Валентин на мгновение оторопел — у брусьев стояла она, Ольга, в голубом купальнике, перехваченном белым пояском. Он не узнавал ее: она казалась и выше, и стройнее, и красивее, чем он ее запомнил. «Это она,— подумал Валентин,— Оля. Ольга. Оля».

— Хорошо идет Миронова! — сказал кто-то за спиной Валентина.— На первое выходит.

И вдруг зал охнул — спрыгнув с брусьев на пол, Ольга покачнулась. Валентин проследил, в какие двери она убежала и, наступая на ноги зрителям, пробрался к выходу. В длинном коридоре было шумно, пробегали гимнастки и гимнасты. Валентин так и не осмелился спросить, где можно разыскать Ольгу Миронову.

Через некоторое время она вышла в коридор, одетая, с чемоданчиком. Валентин бросился к ней и, увидев заплаканное лицо, прошептал горячо:

— Идемте, пожалуйста, в кино!

— Какой вы...— раздраженно проговорила Ольга.— У меня такое несчастье, а вы...

И направилась к выходу. Валентин нагнал ее уже на улице и спросил:

— Куда вы? Не уходите. Может быть, вам не надо уходить...

Она шла молча, и он отстал. Это было глупо, жестоко, несправедливо, но она ушла. Спустя несколько дней Валентин узнал, что Ольга живет в другом городе, а сюда приезжала на соревнования. Ну, что ж... Значит, просто показалось... Обида на судьбу затихла.

Но вскоре он заметил: все, что он встречал в жизни хорошего, так или иначе связывалось в его представлении с Ольгой. Все, чего в жизни не доставало, он находил в Ольге. Она не забывалась, и беззаветное, самоотверженное чувство переполняло сердце. Воображение работало лихорадочно, без устали, наделяя Ольгу всеми восхитительными качествами.

Первая любовь — самая восторженная, самая искренняя, самая глупая, не тронутая ни жизненным опытом, в

котором чувство уживается с практичностью (пусть бескорыстно), ни рассудочным самоконтролем, который мешает чувству гореть в полную силу. Валентин не боялся ошибиться, потому что верил: большая любовь победит, какие бы беды ни стояли на ее пути, какие бы испытания ни принесла ей судьба. Настоящая любовь — единственная, к ней пойдешь, отказав себе во всем, к ней пойдешь, потеряв счет бессонным ночам, горестям и неудачам. И ни насмешки, ни слабость в минуты усталости не заставят свернуть в сторону. Чем больше любовь, тем труднее. Не с неба падает она в руки, а растет, мужает, крепнет в будничных делах, пропитывает жизнь стремлением стать лучше, чем ты есть, желанием созидать, работать, бороться. Большая, единственная любовь существует не сама по себе, она, как дерево, питается землей — жизнью и украшает землю — жизнь. Затихни твоя жизнь, измельчай — и любовь останется без пищи, угаснет. И, наоборот, когда любовь крепнет, растет, стыдно быть маленьким человеком.

Через два года Валентин увидел Ольгу в том же спортивном зале. Диктор сказал:

— Выступает Ольга Рогова.

Валентин едва не бросился к ней с возмущенным вопросом: «Зачем?» Действительно, зачем ей было за кого-то выходить замуж, когда он любит ее.

— Вы обиделись на меня тогда? — смеясь, спросила Ольга. — Простите меня. Я была вздорной. девчонкой, несдержанной... Неудача в соревновании, довольно нелепая, расстроила меня, и я так нехорошо отнеслась к вам.

— Вы замужем?

— Да. А вы женаты?

— Нет. Вы обидели меня... тогда... Но это сущие пустяки.

— Очень хорошо. Я изменилась?

— Нет, несколько.

— Вряд ли. Кстати, я часто вспоминаю ваши слова: «Может быть, вам не уходить.» Честно говоря, сначала я даже пыталась найти в них особый смысл.

Ольга изменилась. Она была уже не хорошенькой девушкой, а молодой красивой женщиной. Но не это угнетало Валентина. Его Ольга, с которой он мысленно советовался по всем вопросам жизни, которой доверял свои

мысли и мечты, казалась чужим человеком, равнодушным к его судьбе. Он для Ольги был просто знакомым.

— Я и сейчас могу повторить вам эти слова,— решительно проговорил Валентин.

— То есть? — недоуменно спросила Ольга.

— То есть... может быть, вы зря ушли... Не сердитесь.

— Нам не надо встречаться, потому что каждая встреча с вами кончается для меня плохо,— сказала Ольга,— не могу подняться выше третьего места.

Он ничем не выдал себя. Ольга уехала. Он был бессилен перед желанием снова увидеть, услышать ее. В любую минуту он готов был бросить все и по шпалам бежать к ней, сказать: «Здравствуй, я очень люблю тебя».

Странное чувство иногда испытывал он: ведь она живет, дышит, говорит, но где-то недосыгаемо далеко. Как же это может быть?

Настало время, когда Валентин испугался своих желаний. Он смалодушничал — пробовал влюбиться, ухаживал, притворялся перед самим собой и все сильнее убеждался в том, что не забудет Ольгу. Он писал ей чуть не каждый день, но не отправил ни одного письма.

Теперь он любил женщину, а не плод разгоряченной юношеской фантазии. Он спокойно и холодно сознавал, что от Ольги зависит вся его жизнь. Валентин имел право любить по-земному, потому что преклонение перед женщиной, перед женской красотой всегда соединялось в нем с глубоким, идущим от сердца уважением. Он ясно помнил, как родилось в нем это мужское уважение к женщине, успокоившее душу.

Началось с того, что в художественной галерее он стал подолгу задерживаться у картин и статуй, мимо которых раньше проходил с безразличным видом или рассматривал тайком, как нечто недозволенное. Теперь же он спокойно и сосредоточенно разглядывал мрамор или мазки кисти и думал, почему же уходит из искусства эта целомудренная, радующая сердце красота? Что люди нашли в ней плохого?.. И неприятная мысль приходила в голову: а вдруг только статуи и картины будят во мне хорошее? А встречу живую и уже не буду таким?

Случилось это в пионерском лагере, где Валентин работал вожатым. Вечером, когда уставшие за день ребята засыпали, в красном уголке собирались взрослые. Валентин всегда с юношеским любопытством и обожанием сле-

дил за врачом Лидией Владимировной Пожарской. Ее яркая красота смущала Валентина, заставляла непонятно отчего краснеть. Однажды Лидия Владимировна не пришла, и Валентин, словно ему чего-то недоставало, посидел, поскучал и побрел к реке. Лагерный лес окутала теплая темнота, и было приятно шагать одному и думать. Выйдя на прибрежную горку, он отпрянул назад, встав за ствол ели.

Внизу, у воды, стояла Пожарская, прямая, стройная, закинув руки за голову. Он видел ее всю. Он понимал, что надо уйти. И не уходил. Ноги будто приросли к земле. Женщина медленно вошла в реку, бросилась вперед и поплыла.

Обратно Валентин возвращался медленно. На душе было радостно, потому что он убедился в своей правоте: в отношениях с женщиной все может быть чистым и возвышенным.

С особой силой ощущал он это, думая об Ольге.

После окончания университета Валентин уехал в один из уральских городов, твердо решив перебороть страсть любой ценой.

Но удивительно: чем дальше он был от Ольги, чем безрадостнее становились мысли, тем уверенней он думал о том, что рано или поздно будет счастлив. И только с Ольгой.

В конце концов он пришел к выводу, что надо ехать туда, где она живет. А там видно будет. Он любит, он проверил свою любовь. Не может быть, чтобы она осталась безответной. Хотелось жить и работать в полную силу.

Любить хотелось. Это было просто необходимо.

И ни тяжесть в сердце после встречи с мужем любимой, ни предстоящие трудности — ничто не пугало Валентина.

Глава вторая

Лариса не поспевала за шедшим впереди Олегом. Отстань она, остановись, он и не заметит, не обернется. Лариса тяжело дышала сквозь стиснутые зубы, слабела с каждым шагом и не могла поднять руки, чтобы придерживать муфту. Показалось, что кости стали мягкими и гнутся. Муфта упала. Лариса с трудом выпрямила подкосившиеся ноги.

— Олик, — опершись о стену дома, позвала она. — Плохо мне...

— Что с тобой? — дрогнувшим голосом спросил Олег, подбегая к ней.

— Так, ничего, — пошевелила она краешками побледневших губ, — ничего, сейчас пройдет.

К горлу подстудила тошнота. Лариса, закинув голову назад, старалась не дышать. Олег поднял ее на руки, пронес в подъезд и опустил на ступеньку.

— Ну, что? Что? Что случилось?

От того, что голос его стал тревожным, растерянным, она повеселела, хотя и не могла открыть глаза. Олик рядом — значит, все хорошо... Все равно хорошо... хотя и не хорошо. Очень хорошо. Замечательно.

Думать было больно. Она подняла веки и увидела Олега. «До чего нелепо! — промелькнула ясная мысль. — У него ужасное настроение, а тут еще я с глупым обмороком!»

— Олик, прости, я сейчас...

— Отдохни, я поищу машину.

Слабым движением руки Лариса остановила его. Силы возвращались к ней. Держась за стену и опираясь на руку Олега, она сделала несколько шагов, пошатнулась, но пошла дальше. Октябрьский ветер, летящий с реки, продавал улицу, как трубу.

— Какой чудесный ветер, — проговорила Лариса. — Взлететь хочется.

Что же произошло? Наверное, это от волнения, усталости и голода — ведь она не обедала; до летучки отвечала на письма юнкоров, а вот вычитать ответы после машинки не смогла. Строчки прыгали перед глазами. Она написала на листе бумаги большими буквами: «ОЛЕГ. МОЙ. ЛЮБЛЮ». Она сжимала голову руками, терла лоб. После летучки, на которой выступил Максимов, она почувствовала себя хуже, хотелось увидеть Олега, а он не появлялся. Вечером ее вызвал Полуяров, усадил на диван рядом с собой и прямо спросил:

— Что у вас с Олегом творится? Нервные вы какие-то оба.

— Что творится? — обиженно ответила Лариса. — Жениться нам пора.

— В каком смысле — пора?

— Во всех смыслах, Павел Павлович.

— Я вот почему об этом заговорил, — осторожно сказал Полуяров. — Что бы там с тобой ни случилось, держи себя в руках, пожалуйста. Привыкай. Пригодится на будущее. Понимаешь, надо настолько полюбить работу, чтобы всегда, при всех обстоятельствах можно было найти в ней радость. Радость, а не только забвение.

Ларисе было неприятно, что посторонний человек обо всем догадался. Именно мысль о том, что она не может забыться даже в работе, и беспокоила Ларису последнее время.

— Вам легко говорить, — жалобно сказала она. — А я растерялась от всяких...

— Зря, — Полуяров встал и повторил, сжав кулак: — Зря! Растерянность — самое вредное для человека состояние. Ты что это, Лариса? Ты почему, извини меня за неподходящее выражение, нюни распустила? А?

— Знаете, Павел Павлович! — Лариса встала, тряхнула головой, вздохнула и проговорила: — Правильно. Неприятно, но факт.

Только вечером, когда в редакции уже никого не было, Олег зашел и нетвердым шепотом сообщил:

— Иду к шефу. Уточнять меру наказания. Как и следовало ожидать, Максимов пожаловался куда полагается. Шеф испугался и решил кончить дело побыстрее. Я каяться не намерен.

Она провела ласковыми пальцами по его шевелюре, распутала пряди густых русых волос, прошла с ним до кабинета редактора; оставшись одна, упала на диван и, приложившись щекой к холодной клеенке, разрыдалась. Выплакавшись, она ходила по комнате, думая о том, о чем догадывалась только сама, о чем пока никто не знал.

Олег вышел от Копытова около девяти часов. У него было усталое, безучастное лицо, и она сразу поняла: плохо.

А по дороге домой она убедилась, что ее подозрения оправдались. И от этого она зашагала увереннее, тверже. Дома Лариса, надев синий халатик и вытащив из волос шпильки, стала накрывать на стол. Ей очень хотелось походить на жену. Подав Олегу пепельницу, она замерла, прижавшись к его голове. Ей было весело и она оттягивала удовольствие порадовать любимого своей большой новостью. Она разлила чай, посмотрела на хмурившегося

Олега и, лукаво прищутив темносиние глаза, проговорила вкрадчиво:

— А ведь мне нельзя много пить.

— Почему? — спросил Олег.

Лариса взяла его руку и приложила к поясу халатика, на живот.

— Вот почему.

Кончик папиросы дрогнул, серый пепел упал на брюки. Олег осторожно высвободил руку, хотел стряхнуть пепел, задел сахарницу, она опрокинулась, и белые кристаллики усыпали пол.

«Соль к ссоре, — подумала Лариса, — а сахар?»

Олег встал, и сахар заскрипел под ногами.

— Испугался ты, что ли? — удивленно спросила она.

— Что ты? — возразил он. — Давно?

— Не знаю, — задумчиво протянула Лариса, — сегодня догадалась... Да ты не бойся, — она помолчала, — все еще можно исправить.

— Правда? — Олег шагнул, сахар заскрипел, и он на цыпочках отошел назад.

— Я пошутила, — грустно сказала Лариса, — но если ты не принял шутки, то... действительно, можно исправить, не поздно. Только не так, как ты подумал, — Лариса покраснела, — не так...

— Здесь не до шуток, Ларочка, — пробормотал Олег, — я еще не успел ответить, а ты уже...

— Молчу, молчу. Слушаю.

— Видишь ли...

— Не понимаю, — перебила Лариса, — подожди, подожди... Ты не рад?

— Не пойми меня превратно, — горячо произнес Олег, — но почему я должен радоваться? Я люблю тебя, но...

— Все ясно, — она скривила губы, сказала резко: — Я просить ни о чем не буду. Не бойся.

— О чем ты говоришь? — обиженно спросил Олег.

— Пока никто не знает его отца, — твердо и решительно проговорила Лариса, бережно расправив складки на халатике, — и если отец не хочет нас, проживем и без него!

И вдруг, в одно мгновение поверив в то, что может случиться, Лариса прижалась к Олегу и сквозь внезапно подступившие слезы зашептала:

— Нет, не надо, не надо бросать нас! Останься с нами, мы без тебя не можем. Ведь ты мой первый.

— Ну, успокойся, что ты? — растроганно ответил Олег. — Успокойся, не надо плакать.

— Я не плачу, Олик. Ты сегодня не уходи, ты мне сегодня очень нужен. Тяжело мне. Не уйдешь?

— Уйду, — он виновато улыбнулся. — Ты не знаешь моих родителей. Я ведь не предупредил их. Они не уснут.

— Иди, — оттолкнув его от себя, с сожалением сказала Лариса. — А я тогда... помнишь... осталась. И маму не предупредила.

— Только не обижайся, — умоляюще произнес Олег, — у меня земли под ногами нет. На работе, сама знаешь, сплошные неприятности, здесь тоже... неожиданность. Мне нужно подумать. Все не так просто, как ты предполагаешь. И потом, может быть... может быть, ничего и нет? Показалось?

— Я завтра схожу к врачу, если тебе будет легче от этого. Я другого боюсь... Почему ты не рад? А почему я обрадовалась?

Олег долго убеждал ее, что она просто изнервничалась, что надо успокоиться и хладнокровно обсудить случившееся. Она согласилась, хотя и не понимала, что же нужно обсуждать. Проводив его, Лариса крепко сжала губы, чтобы не закричать.

Нет, так не годится. Павел Павлович прав — надо держать себя в руках. Случайно взглянув в зеркало, Лариса замерла: на нее смотрела стройная девочка. Она покраснела, подумав, что девочка стала матерью, что скоро от ее стройности не останется и следа.

Напевая, Лариса сняла футляр со швейной машины: пока есть время и охота, надо выкроить из старых платьев новые — широкие. Она доставала их из шкафа и каждое, рассматривая, подержала в руках. С платьями было связано много воспоминаний. Вот в этом, коричневом, с белым воротником, она защищала в университете диплом; в голубом ездила в Москву; желтое купила на свой первый гонорар. Она выросла из них, но они еще послужат хозяйке.

Брызнули слезы. Зажав зубами кончик платья, Лариса беззвучно заплакала. Она сделала все, чтобы не выдать Олегу своего истинного состояния. Некому пожаловаться. Никто не поймет. В лучшем случае, пожалеет, и только

А то еще пристыдят, осудят. Сказать, что из любви отда-лась — усмехнутся. А другого оправдания нет, и искать его она не будет. Права она.

Ничего, лишь бы Олег не струсил, остальное — ерунда. А он любит. В это она всегда верила, особенно тогда, когда, вскрикнув, еще крепче обняла его.

Но что с ним случилось? Почему задрожали губы, когда она хотела поцеловать его, сообщив радостную новость? Он испугался? Но чего? Ведь это ее и его ребенок. Это счастье. Это радость. А он... Искусанные губы горели. Надо спать. Она выключила свет, забралась под одеяло, зажмурила глаза... Говорят, в пять месяцев можно определить, мальчик будет или девочка. Все равно... А как хорошо было той нехорошей ночью! Какую радость узнала она. Только утром было очень стыдно и немножко грустно. Она и не подозревала, что проснулась уже матерью.

Лариса легла поудобнее и, смирившись с тем, что сон не приходит, стала думать обо всем, о чем думалось.

Отца она не помнила, знала только по фотографиям и рассказам матери. Александра Яковлевна всегда говорила о нем, как о живом, и дочери казалось, что он просто куда-то уехал и вот-вот снова появится в их квартире.

От Александры Яковлевны, высокой, полной, словно не стареющей женщины, дочь унаследовала характер, большие задумчивые темносиние глаза да манеру держать голову прямо, чуть откинув назад.

Потеряв мужа, когда ей не было и тридцати лет, Александра Яковлевна осталась одинокой, хотя обладала общительным характером, любила быть среди людей и в пятьдесят лет еще нравилась мужчинам. Она никогда не подчеркивала своего одиночества, но и не считала, что жизнь удалась ей.

Как-то, наслушавшись пересудов соседок на кухне, Лариса по простоте душевной спросила:

— Мама, а почему ты замуж не выходишь?

Александра Яковлевна нахмурилась, долго молчала и ответила:

— Вырастешь, полюбишь и поймешь. Мы с Алешей так жили, что ни о ком больше ни разу и не подумалось.

Учительство отнимало у матери все время: бесконечные стопки тетрадей, конспекты, планы, собрания, заседания, педсоветы, курсы усовершенствования. «Заусовер-

шенствовала», — невесело шутила Александра Яковлевна. Когда ее перевели на работу в областной отдел народного образования, начались командировки в районы.

Мать не стремилась держать дочь в строгости, но Лариса никогда не злоупотребляла ее доверчивостью.

— Вот тебе мое мнение, — говорила Александра Яковлевна, — поступай, как знаешь, дело твое. Тебе перед собой отвечать.

Она приучила дочь принимать самостоятельные решения, отвечать за них. В доме было правило: вечером Лариса рассказывала матери обо всем, что сделала за день. За проступки Александра Яковлевна наказывала жестоко. Каждое наказание Лариса запоминала на всю жизнь. Ей было лет двенадцать, когда мать попросила ее отнести в мастерскую туфли. Лариса забыла, вечером спрятала их под кровать, а на вопрос матери ответила:

— Отнесла, мамочка, отнесла.

Утром Лариса увидела, что туфли стоят на столе. Это было так ужасно, Ларисе стало так стыдно, что закружилась голова. Мать два дня не разговаривала с дочерью. Больше Лариса ни разу не лгала матери.

Живость характера и общительность не мешали Ларисе быть серьезной и задумчивой. В школе у нее был блокнот, в который она старательно переписывала понравившиеся стихи, афоризмы, цитаты из книг. Сначала она занималась этим лишь потому, что такие книжки имелись у всех девочек, выписывала без разбора: «Как мало прожито, как много пережито», «Если мужчина решил отдать за женщину жизнь, значит, он недооценил либо жизнь, либо женщину», «Только тот потерянное ищет, кто не может нового найти».

Веселая Лариса любила грустные стихи и песни. Красивые, казавшиеся мудрыми слова будили воображение, сеяли тревогу, были первыми вестниками того, что не все в жизни легко и просто, что нельзя прожить свой век, не испытав тоски и горя. Пока не пришли настоящие беды и радости, их заменяли стихи и изречения. Потом записная книжка стала смешным воспоминанием: отчеканенные афоризмы не выдержали проверки жизнью, она оказалась сложнее и не любила пышных слов.

Лариса много думала о любви. Она равнодушно отвергала ухаживания бойких хорошеньких мальчиков, из-за которых рыдали школьные красавицы, и мечтала

о настоящей любви, которая зовет на подвиг. Лариса даже готовилась к ней: много читала, чтобы не быть заурядной, следила за собой, училась жить безупречно, чтобы любимый мог гордиться ею. Лариса не вздыхала над фотографиями местных и столичных теноров, как некоторые подружки, но часто просыпалась, разбуженная одним и тем же сном — она стоит на берегу моря, и сердце ликует, потому что рядом любимый. Она поворачивала голову, чтобы взглянуть на него, и — просыпалась.

С детства в характере Ларисы проявилась черта, позднее ставшая основной. Веря, что любовь и дружба делают людей стойкими в борьбе с недостатками и несправедливостью, она водилась с мальчишками, на которых махнули рукой учителя и родители, терпеливо наставляла на путь истинный нерадивых подружек. Лариса приходила на помощь, не ожидая, когда ее позовут, была счастлива оказать кому-нибудь услугу, большую или маленькую. Она не могла оставаться равнодушной к тому, что рядом живет плохой человек, она должна была помочь ему выправиться. Она мечтала о том, что наступит время, когда не будет злых людей, когда люди разучатся делать плохое.

Поступить на факультет журналистики Лариса решила еще в школе, читая статьи Эренбурга и видя, как читают их другие. Тогда ей казалось, что работа журналиста — только страстная, сжигающая сердце публицистика. Потом, уже в университете, газета постепенно предстала перед ней в своем будничном трудовом облике; она требовала знаний, жизненного опыта, честной души, упрямого характера, ненасытного стремления вторгаться в жизнь.

Выбор профессии Лариса считала самым важным шагом в жизни. И не было, по ее мнению, другой работы, где она могла бы проявить любовь к людям в полную силу, — кроме работы в газете.

На факультете журналистики училось много случайно попавших туда юношей и девушек, которым их будущая профессия представлялась легкой и эффектной. Кое-кто из них благоразумно бросал учебу, другие же, получив дипломы (что не требует любви к профессии), уходили в редакции, увеличивая число средненьких журналистов, которые любят в газете лишь гонорарную ведомость или звучный псевдоним. К таким Лариса относилась с неприимимой враждебностью. Работая в редколлегии факуль-

тетской стенной газеты, она организовала серию статей на тему: «Будущий журналист, проверь себя на студенческой скамье!» В статьях, которые стали предметом ожесточенных споров, обсуждался вопрос о том, какими качествами должны обладать люди, решившие стать журналистами. Вопрос оказался важным и злободневным. Лариса выступила со статьей «Они не будут журналистами». Герои статьи — несколько франтоватых юношей и развязных девиц с выщипанными бровями — писали жалобы, устраивали Ларисе скандалы, нашли даже себе защитников. Ларисе буквально не давали прохода. И хотя редколлегия держалась дружно, положение было напряженным. Но вот в многотиражной газете появилась резкая, остроумная статья «И все-таки они не будут журналистами!»

«Олег Вишняков» — она и сейчас видит подпись под статьей, набранную темным петитом.

Автора она знала и раньше, читала его очерки и рецензии в областной газете. Они нравились ей, но самим автором, юношей высокомерным и насмешливым, она не интересовалась. После статьи, так удачно выразившей ее мысли, она вдруг стала подолгу думать об Олеге, отыскала в нем много хороших качеств и решила, что он лучше других.

Сначала тихая и светлая любовь не приносила особенных хлопот и огорчений. Лариса ждала, что чувство пройдет, потом забеспокоилась. Любовь оказалась настойчивой и властной, такой, от которой не сбежишь, не спрячешься.

Они познакомились. Чтобы не выдать своего чувства, она держалась неестественно заносчиво, но Олег увлекся ею, легко понял, чем ее можно покорить: он говорил с ней больше о газете, помогал обрабатывать материалы, рассказывал о работе в редакциях много смешного, интересного, полезного. Они вместе написали несколько корреспонденций для областной газеты.

Бывая с ним на заводах и в учреждениях, Лариса поражалась его умению быстро ориентироваться в обстановке, принимать решения, делать правильные выводы. Выполняя задания редакции, хотя бы незначительные, Олег не знал усталости. Не было случая, чтобы он не справился с порученной ему темой.

Однажды Лариса несколько дней по заданию газеты разбиралась в междоуведомственном споре. Статья была

срочной, но как назло Лариса запуталась в противоречивых сведениях. Ответа на вопрос, кто виноват, не было. Вечером зашел Олег и положил на стол билеты в театр. Одеваясь, Лариса рассказала ему о неудаче.

— Когда сдавать? — быстро спросил Олег.

— Завтра.

— Давай блокнот! — резко попросил он, сбросил пальто и сел к столу. — Предложи билеты соседкам. Сегодня Филиппов поет.

Московский бас Филиппов был любимым певцом Олега. Лариса нерешительно предложила идти в театр, он огрызнулся и продолжал изучать записи в блокноте. Она сварила черный кофе, без которого Олег не мог написать ни строчки, и помогла ему разобраться в фактах. Он возмущенно указывал ей на ошибки в записях, на отсутствие некоторых сведений. Держа в руках стакан, он ходил по комнате и, обжигаясь, пил кофе.

— Ничего не получится, — заключила Лариса, — сидели бы сейчас в театре...

— Сидели бы! — пренебрежительно повторил Олег. — А что скажешь завтра в редакции? Самое постыдное для журналиста — не справиться с заданием. Идем погуляем.

Долго бродили они по ночному городу. Лариса молчала, чтобы не мешать Олегу думать.

— Все ясно, — вдруг облегченно сказал он и подставил щеку.

Оглянувшись по сторонам, Лариса быстро поцеловала его, он взял ее под руку и стал объяснять:

— Факты действительно противоречивы, оба директора с помощью цифр, проверить которые почти невозможно, утверждают прямо противоположные вещи. Разобраться в них трудно. Но мы и не будем разбираться. Статью назовем «Разберитесь, товарищи Гаврилов и Гуревич!»

Перецеловав сонных подружек по комнате, Лариса села за стол. И как легко писалось!

Они сблизились не на вечерах танцев, не на веселых, бесшабашных студенческих вечеринках, а за интересной и сложной, ответственной работой. Рядом с Олегом Лариса начала по-настоящему верить в свои силы, впервые отчетливо осознала свои способности. Олег убедил ее, что она будет журналисткой. Она не могла не полюбить его. Лариса видела, что он способен вдохновляться, доро-

жит работой, не жалеет на нее сил и времени, понимает радость труда. Все остальное — самовлюбленность и высокомерие — было наносным, не пугало ее. Это можно было убрать, подобно тому, как художник исправляет портрет, убирая лишние, неудачные штрихи.

Олег относился к своему труду серьезно, он считал его делом жизни. Пока большинство студентов изучало журналистику только на лекциях, он уже сотрудничал в редакциях, набирался опыта. А чтобы совмещать работу и учебу, надо обладать твердым характером, силой воли, уметь жить нелегкой жизнью.

Лариса помогала ему и ласковой заботой, и нежным вниманием.

— Ты не представляешь, что ты за человек! — сказал Олег однажды. — Ты чудо природы. Чем я тебя отблагодарю?

— Не притворяйся, — рассмеялась она, — ты знаешь, чем меня можно и нужно отблагодарить. Вот подожди, окончим университет.... — она поцеловала Олега, взъерошила ему волосы, пропела: — Берегись меня тогда!

В ней удивительно сочетались строгость и беспечность, недоступность и умное кокетство.

Уверившись, что Лариса крепко к нему привязалась, Олег охладел к ней.

— Чудо природы скучает, — невесело шутила Лариса, — ему надо немножечко человеческого внимания.

Она никак не могла понять, что произошло с Олегом.

— Ты скажи прямо, — попросила она. — Что, надоела?

— Как тебе не стыдно? — вяло защищался Олег. — Ревность — животное чувство, а мы люди.

— Ну, смотри. Тебе же хуже будет.

И стоило Олегу отойти от Ларисы, как сразу проявились его недостатки. Курсовое собрание осудило его за пренебрежительное отношение к товарищам, стенгазета раскритиковала за высокомерные отзывы о преподавателях.

Но чем явственней проявлялись в Олеге недостатки, тем с большей верой в силу любви Лариса думала о том, что она обязана помочь ему избавиться от них. Любовь была тревожной, Лариса не могла отдаться ей целиком. Она смутно предчувствовала, что ее ждет какое-то несчастье. Но поворачивать назад было поздно — она любила, а для нее это значило на всю жизнь.

Он закончил университет на год раньше ее и, уезжая, сказал:

— Буду ждать.

Когда поезд скрылся из вида, она поняла, какая трудная любовь выпала на ее долю. Такая может и согнуть, и скрутить.

Неделю не было писем. Ларисе думалось, что Олег попал под трамвай, заболел или еще что-нибудь. Потом письма полетели одно за другим. Олег скучал. «Мне не достает тебя», — писал он. Ларисе казалось, что сердце разорвется от радости.

Встреча после разлуки, наверное, самый счастливый миг в ее жизни. Ради этого можно было и пострадать.

В редакции Ларису назначили заведующей отделом учащейся молодежи. Работа захватила ее. Счастье было слишком большим. И недолгим.

...Два часа ночи. Пришли головная боль и слабость. Лариса устала лежать и думать. А что, если завтра, то есть уже сегодня, не ходить на работу? Ой, нет! Вернется из командировки мама, она обязательно вызовет врача. Не надо. Лариса закрыла лицо руками: она сама сходит в клинику, сама обо всем расскажет... Необходимо уснуть. А что сейчас делает Олег? Хорошо, если ходит по комнате и курит, хуже — если спит. Значит, утром к врачу, днем — на паровозоремонтный завод.

А ведь смешно: только вчера узнала, что стала матерью... Ничего смешного нет. Страшно. Очень страшно. Мама заплачет... Может, проще сделать? Не поздно? Надо поговорить с Олегом, и если он не захочет... То есть как не захочет? Не мог же он взять ее просто так, как берут любую согласившуюся! Не мог же он взять ее, не любя!

И не надо ни о чем жалеть.

...Проснувшись Лариса такой же усталой и разбитой, как и легла. Было семь часов, она торопливо оделась — ей нужно первой увериться в правоте Олега. На улице сразу замерзли губы. Ресницы заиндевели, и было больно шевелить веками. Озноб охватил ее откуда-то изнутри. Чтобы согреться, Лариса почти бежала. У заводской проходной она, морщась, затопала окоченевшими ногами. Мимо пробегали и скрывались в проходной люди. Все они, казалось ей, поглядывали с удивлением: зачем она здесь. Ларисе стало неловко, она отступила назад, в тем-

ноту, но тут же шагнула вперед, увидев высокую фигуру Максимова.

— Здравствуйте, товарищ Максимов, — с трудом шевеля губами, обрадованно сказала Лариса. — Мне очень вас нужно.

— Меня? — изумился он. — Да вы кто?

— Из «Смены».

— А, — Максимов насупился, — не ждал в такую рань. Факты, значит, прибежали проверить. Валяйте! — Он пропустил Ларису вперед и сказал человеку за барьером: — Пропуск в инструментальный товарищу из газеты.

Он провел ее в цех и проговорил насмешливо:

— И почему у вас всегда так бывает — наврет один, а разбирается другой? Вишняков пусть заявится. Ребята с ним потолковать хотят. Мне за станок пора, действуйте. В партком загляните, в завком, в общем, куда хотите.

С каждой его фразой в голову Ларисы все настойчивей проникала мысль, что Максимов говорит правду. Откуда она появилась, эта мысль, было непонятно, но Лариса не могла ее отогнать.

— Извините меня... — Лариса растерянно помолчала. — Представьте, что я не сотрудник редакции, а... ну, словом, пришел к вам человек, вот я, и спрашивает: правду вы говорили в редакции или нет?

— Проверяйте, сами узнаете, чего тут рассуждать?

— Спасибо, — невпопад пробормотала Лариса, — где здесь можно погреться? У меня замерзли ноги.

— Да вон у батареи. Теплень.

У батареи центрального отопления Лариса быстро отогрелась. Ноги заныли, будто сжатые тисками.

— Подогрелись маленько? — раздался рядом веселый мужской голос. — Чайком не побалуется?

Перед ней стоял высоченный парень в короткой, чуть ли не до пояса, телогрейке, в кубанке, лихо надвинутой на левую бровь.

— Алексей Яковлев? — спросила Лариса, узнав парня по очерку Олега.

— Ага, он самый. Меня в вашей «Смене» описали. Ребята смеются.

— Что ж тут смешного?

— Да про горделивую осанку написано, а я сутулый... Так вот чаек, вот сахар, вкусно, как в буфете, — он поставил на подоконник алюминиевую кружку и объяснил:

— Меня Максимов к вам послал, говорит, замерзли... Пейте, пейте, чаек что надо. — Видно было, что парню хотелось поговорить, он переступил с ноги на ногу и продолжал: — А здорово вы наколбасили про Каховку. Хотели мы тут... Пейте, пейте. Мне пора, я с ночной, пора на боковую смену. Кружку здесь и оставьте. Пока.

Кругом шумели станки, где-то недалеко стучал молот. Обманул. Обманул. Обманул.

Неопределенность тяжелее ясного сознания беды. По крайней мере, надеяться не на что, надо действовать. Побеседовав еще с двумя инструментальщиками, упомянутыми в очерке Олега, Лариса устала и захотела спать. Теперь все понятно, и не надо создавать никакой комиссии для проверки заявления Максимова. Инструментальщики правы: Олег многое «присочинил».

По дороге в редакцию Лариса обдумывала, как будет разговаривать с Олегом. Он может убираться на все четыре стороны. Противно не то, что он сделал много неточностей в очерке и кое-что выдумал для красоты, а то, что пытался выкрутиться, изворачивался, лгал в лицо.

— Ух, глаза какие! Совсем не спала? — Маро бросилась к Ларисе, едва та вошла в редакцию. — Тебя Копытов три раза вызывал. Попадет!

Копытов, взглянув на Ларису, проворчал недружелюбно:

— Полосу о детских домах придется переделать. Ерунда получилась. Неглубоко написано, несерьезно. Ты посмотри, чего тут написано: ласка да ласка, заботливые руки... Не роман это, а газета, понимаешь? Ты с того начни, что в нашей стране... Понимаешь?

— Здравствуйте, Сергей Иванович.

— Привет. Почему опоздала? Сколько раз надо говорить: если нужно, предупредите накануне. Разболтались, понимаете ли. Новый работник наш, Лесной, сегодня отчудил. Почему, спрашиваю, опоздал. А он: вышел, дескать, из дому, а погода такая замечательная, настроение такое поэтическое. Пешком, видите ли, захотелось прогуляться. Настроение поэтическое. Тоже мне, Пушкин нашелся.

— Я плохо себя чувствую.

— Вот и надо было вчера предупредить, — уже мягче продолжал Копытов. — О полосе потом потолкуем. Может, домой отпустить?

— Нет, надо готовить докладную об очерке Вишнякова. Я только что с завода.

— Ну?

— Максимов прав. Олег виноват. Если вы уволите его... — Лариса умолкла.

— Фу ты, господи! — Копытов стукнул по столу кулаком. — И кто его за язык тянул! Иди, иди, Антонова, никто его увольнять не собирается.

— Инструментальщики уже послали письмо в «Комсомольскую правду». Они возмущены.

— Горе мне с вами, — Копытов развел руками и сел, — беда прямо... Иди, иди, Антонова. Авось, обойдется.

То, что редактор забраковал ее полосу — результат десятидневной командировки — Ларису не удивило и даже не огорчило. Копытов не любил живых, не шаблонных материалов, предпочитал им солидные, нудные статьи, которые в редакции называли «шлакоблоками». И Лариса привыкла к тому, что ее материалов Копытов не подписывал без более или менее крупного разговора.

От работы ее оторвал Николай. Он молча стоял у стола, сложив полные руки на животе, — будто пришел лишь для того, чтобы посмотреть на нее.

— Что вам? — не выдержала Лариса.

— Дело вот в чем, — вздрогнул Николай. — Выслушайте меня и не перебивайте. И не смотрите на меня так. Сергей Иванович, по-моему, настроен замять историю с очерком. Я согласен поговорить с Максимовым и уверен, что...

— Я не понимаю, Рогов, — запальчиво перебила Лариса, — куда вы гнете? Какое вам дело до Вишнякова?

— Он работает в моем отделе. Это во-первых, — Николай пожевал губами, помялся, заложил руки за спину. — Но я хочу помочь не ему, а вам. Это во-вторых. Мне... жаль вас. Я все... вижу.

— Что вы видите? — отчетливо выговаривая каждый слог, спросила Лариса.

— Как хотите, — обиженно пробормотал Николай. — Когда пойдем на завод?

— Не утруждайте себя. Я там была сегодня. Вечером подам докладную. Олег не прав.

— Сие для меня не новость, но вы непростительно беззаботны.

— Не ваше дело.

— Ясно, — пухлые щеки Николая стали пунцовыми, — как говорится, была бы честь предложена. В случае чего, пеняйте на себя.

Когда Николай ушел, на душе у Ларисы стало легче и опять же потому, что положение еще более определилось. Но почему он разговаривал с ней, а не с самим Олегом? Она заглянула в соседнюю комнату, потом в другую, зашла к Маро.

— Олег разве не приходил?

Маро, не поднимая головы, долго прижимала пресс-папье к бумаге.

— Олег не приходил?

— Приходил, — Маро виновато посмотрела на Ларису. — Хочешь ириску?

— А где он?

— Почему не хочешь? Очень вкусная ириска. Он уехал, — перешла на шепот Маро. — В командировку, в леспромхоз, вот приказ.

— Да когда же он уехал?

— Сегодня уехал. Возьми, душа, ириску, очень прошу.

«Держись, еще хуже будет, — сказала себе Лариса, — так что, держись». Она взяла ириску, положила ее в карман, проговорила мечтательно:

— Хорошо бы сейчас на лыжах скатиться. С горы. С высокой.

— Упадешь! — рассмеялась Маро.

— Не упаду, не бойся, — обиженно, но твердо ответила Лариса.

В клинике она старалась держаться с достоинством, независимо, а когда врач заполнила карточку с весьма прозаическим названием и внимательно посмотрела на Ларису, та пробормотала:

— Когда прийти в следующий раз?

Домой идти было страшно... Мама уже дома... Месяца два все будет оставаться попрежнему, а потом... Она зажмурила глаза. Ничего, ей выдержки не занимать. Прав тот, кто любит, а не тот, кто, не понимая любви, осудит ее за безрассудство. Если бы несчастье заключалось только в том, что ее ребенок вырастет без отца. Она хочет стать женой Олега, потому что родилась для того, чтобы помочь ему избавиться от всего наносного, мелкого. А он не понимает. Это страшно.

Прежде чем войти в квартиру, Лариса немного по-

стояла перед дверью, вытащила из муфты зеркальце, посмотрелась: ну, конечно, мама сразу заметит, глаза абсолютно ненормальные.

— Здравствуй, моя хорошая! — весело встретила дочь Александра Яковлевна. — Как жизнь?

— Прекрасна и удивительна. С приездом, мамочка.

— Что случилось? — сразу насторожилась мать.

— Ничего, ничего, — с хохотом проговорила Лариса, чувствуя, как холодеет грудь. — Ох, и ругать ты меня будешь!

— На работе что-нибудь?

— Пообедаем — расскажу.

— Замуж что ли собралась?

— Хуже... Беда со мной случилась. Я очень виновата перед тобой. Я на что угодно согласна, чтобы не расстраивать тебя, но...

— Если я могу помочь тебе, — взволнованно произнесла Александра Яковлевна, — говори, что бы там ни было. За меня не беспокойся. Что случилось? Ну, не мучай меня, не тяни.

«Только бы не струсить!» — подумала Лариса, негнущимися пальцами вытащила листок, который ей дали в клинике, и положила его на стол. Мать нерешительно подошла, взглянула на листок и села.

— Давно?

— Вчера узнала... Мама!

— Раньше надо было маму кричать, — глухо проговорила Александра Яковлевна. — Что ж это ты? Дочь... Лариса уткнулась ей в плечо и разрыдалась.

— Прости, мама... я убегу куда-нибудь...

— Не дури. Держи себя в руках. Он знает?

— Он боится, он бросит меня.

— И пусть его... Никаких фокусов — будешь рожать.

— Буду. Я не боюсь.

— Еще бы. В нашем положении это самое легкое, — чтобы не накричать на дочь, Александра Яковлевна старалась говорить сухо, грубовато, подчеркнуто невозмутимо. — Ты иди ложись. Ты переволновалась, изнервничалась. Поговорим завтра... Да как же ты...

— Поцелуй меня, мама... Спасибо... Не думай обо мне плохо... Просто я очень люблю его. Я напрасно расстроила тебя. Все кончится хорошо, мы поженимся. Но я не могла не рассказать тебе.

— За это спасибо. Иди, ложись.

— Иду. Мне уже легче.

Она сказала это совсем не потому, что действительно почувствовала облегчение. Сейчас Лариса думала о том, чтобы поддержать мать, ведь ей предстояло разделить беду наравне с дочерью. Только мать могла по-настоящему понять ее горе, от нее во многом зависело все дальнейшее. Понимала это и Александра Яковлевна. Отказом от справедливых упреков она как бы давала согласие разделить горе дочери, но не простить.

В эти тяжелые дни Лариса находила у матери защиту от своих сомнений и нерадостных предчувствий. Обе они стали внимательнее друг к другу, несчастье еще сильнее сдружило их. В сдержанности матери дочь видела не прощение себе, а свойство ни с чем не сравнимой материнской любви — не слепнуть от радости и не слабеть в несчастье. Но дочь могла лишь догадываться, каких усилий это стоило матери. Лариса с удивлением и обожанием смотрела на нее, словно не узнавая.

Как бы ни любил ты мать, привыкаешь к ее заботе, не догадаешься и отблагодарить, забываешь, что мать сама нуждается и в любви, и в заботе. Мамины руки отгоняют от тебя болезни, ласкают тебя в грустные минуты, гладят и штопают рубашки, пока ты еще не зарабатываешь денег на новые.

Уставшее сердце матери бьется только для тебя. Что бы ты ни делал, она думает о тебе больше, чем ты сам. Ты, забыв про поздний час, провожаешь на далекую окраину города капризную девчонку, радуешься, что она поглядывает на тебя лукавыми глазами, а мать думает, будешь ли ты счастлив со своею любовью.

Все самое лучшее желает тебе мать. И если придет к тебе несчастье, больше тебя обеспокоится она, а если радость — только мать по-настоящему переживет ее.

Милые мамины глаза. Сколько морщинок скопилось около них еще тогда, когда ты не прожил и полжизни. Каждая морщинка — это твои болезни, твои неудачи, проступки, ошибки. Только мать помнит, сколько раз ты болел, сколько раз неудачно влюблялся, сколько не сдал экзаменов.

Милые мамины глаза. И строгие, и добрые, и ласковые, и недовольные, но всегда внимательные. Ты всегда в долгу перед ними. Мать поймешь только тогда, когда

увидишь невольную, идущую от беспечности неблагодарность своих собственных детей. Тогда и вспомнишь маму, пожалеешь, что сам был таким. Поздно вспомнишь.

Привыкнешь к материнской заботе и вдруг другими глазами посмотришь на нее. Придет большое горе, такое, что и друзьям о нем не поведаешь, и лишь мать поможет. Подивишься ее силе и разуму. У матери никогда не опустятся руки. Она будет бороться с любой бедой, спасет, успокоит.

Так было и с Александрой Яковлевной. Рядом с ней Лариса чувствовала, что выстоит, выдержит, переживет беду.

— Даже если он не захочет быть твоим мужем, — говорила Александра Яковлевна, — будешь матерью. Мне кажется, что для тебя это единственная возможность исправить ошибку. Тяжело, конечно, стыдно, но ничего не поделаешь. Переедем в другой город.

Лариса не считала дни, оставшиеся до приезда Олега. Она боялась его возвращения, потому что тогда все должно было решиться окончательно и сразу. Устав ждать, она временами равнодушно повторяла: «Неважно, неважно». Но в сердце не гасла надежда: все будет хорошо.

Однажды в субботу, когда раздался стук в дверь, Лариса переменялась в лице, выскочила из-за стола, кинулась к выходу, остановилась, обернулась к матери и со страхом выговорила:

— Не... ужели?

Открывать пошла Александра Яковлевна. Хлопнула дверь, и Лариса услышала негромкий виноватый голос Олега. Она села, встала, снова села, положила руки на стол и замерла.

Олег был в старом, помятом костюме, небритый.

— Извините, — сказал он, — я прямо с поезда.

Лариса смотрела на него испуганными глазами, не в силах что-нибудь сказать. Он опустил взгляд и проговорил в сторону Александры Яковлевны:

— Прошу прощения за поздний визит.

— Садитесь пить чай, — предложила она, — мы ждали вас раньше.

— Я все объясню... Послезавтра я должен снова уехать.

В комнате повисла режущая слух, почти физически ощутимая тишина. Олег долго размешивал чай и, когда молчание стало невыносимым, а Лариса в изнеможении закрыла глаза, пробормотал:

— Я сбежал тогда... в командировку. Просто не мог представить себя... отцом. Позвольте мне говорить прямо. Александра Яковлевна, я прошу... руки вашей дочери.

Лариса вскочила и выбежала из комнаты.

— Пусть решает Лариса, — ответила Александра Яковлевна, проводив ее страдающим взглядом, — и вообще не к чему эти церемонии. Поздно. Вы с ней поговорите.

— Вы правы, — покраснев, согласился Олег. — Во всем виноват я один. Но я люблю Ларису и заглажу свою вину. Поверьте.

— Очень рада за вас, Олег. Именно за вас, а не за Ларису. Я была о вас худшего мнения. Дело не в том, кто тут виноват больше. Вам обоим оправдываться, согласитесь, нечем. Словом, я рада за вас. — Она показала глазами на дверь в соседнюю комнату, куда убежала Лариса.

Олег понимающе, радостно кивнул головой и ушел. Лариса стояла, прислонившись к стене, опустив руки. Глаза ее, печальные заплаканные, смотрели на Олега с тихой благодарностью. Он взял ее руки и поцеловал ладони.

— Я всегда верила, что ты такой... какой сейчас, — счастливым голосом прошептала она. — Ты скажи мне что-нибудь, скажи... Олик, милый, чего же ты боялся?

— Я понял, что не могу без тебя, что должен быть с тобой. А ты?

— Ты еще спрашиваешь... Мы — я и он — хотим быть с тобой. Ты его больше не боишься?

— Ничего! — Олег был взбудоражен, голубые глаза его потемнели. Он не отпускал рук Ларисы. — Правда, не представляю себя... но...

— Значит, скоро ты уже не будешь провожать меня домой. Мы будем вместе. Вместе. Понимаешь?

— Вместе. То, что будет — это хорошо, а что было — не хочется с ним расставаться.

Лариса по-настоящему еще не осознала происходящего. Охваченная сжимающей сердце радостью, она ликовала не потому, что у ее ребенка будет отец, а потому, что рядом был Олег, такой, каким она любила его.

— Ты умный, — говорила она, — ты будешь хорошим журналистом. Только надо слушаться меня. Потому что тебя еще здорово править надо, — она вздохнула ему шевелюру, — ты как письмо в редакцию, тебя надо долго дорабатывать...

— Я все сделаю, чтобы ты была счастливой.

— Пожалуйста, не возражаю, — она рассмеялась и обняла его, — ты никогда не забывай, как ты увидел меня, как мы первый раз пошли вместе, помнишь, по Театральному скверу, как мы вместе первый раз томатный сок пили... помнишь?

— Помню. Каждый день вспоминаю и не верю своему счастью.

— Счастью надо верить. Даже когда мне бывает очень плохо, когда жить не хочется, я верю в свое счастье. Чем хуже мне, тем сильнее верю... Я ведь счастливее тебя.

— Почему?

— Да потому. Я тебе легко досталась, тебе ни погрузить, ни пострадать не пришлось... Я сразу поняла, что никто мне, кроме тебя, не нужен... на всю жизнь... а ты еще не понял, вернее, не уверился, что нам с тобой... что нет тебе смысла без меня жить... Ну, идем к маме. Знаешь, я за нее больше, чем за себя, волновалась.

— А мне перед ней больше стыдно, чем перед тобой.

— Милый...

Увидев смущенных своей радостью Ларису и Олега, Александра Яковлевна сказала, взяв их за руки:

— Благословляю вас, дети мои, как в старину говорили... Все это очень хорошо, — в ее голосе появились печальные нотки, — но подумайте еще, не вредно. Не торопитесь, чтобы потом... Ну, вы у меня молодцы, сами понимаете...

— Не рассчитывайте, Александра Яковлевна, что я когда-нибудь сбегу, — пошутил Олег и добавил серьезно: — Нам давно пора быть вместе.

Провожая Олега, Лариса проговорила:

— Мама права. Подумай еще, Олик. Ведь мне не штамп в паспорте нужен, я ведь... я люблю тебя и не вынесу, если...

Когда за ним захлопнулась дверь, Лариса постояла и, не выдержав, подбежала к окну, взглянулась в темноту.

Тоскливо заныло сердце. Лариса почувствовала внезапную тревогу и, предупреждая вопрос матери, призналась.

— Он все еще боится.

— Тебе виднее. Если веришь ему, остальное само собой образуется.

— А ты, мама, веришь ему? — с надеждой спросила она.

— Это не имеет значения, — уклончиво ответила Александра Яковлевна, — я ведь не знаю его. Я верю в тебя.

Но тревожное чувство не покидало Ларису; мучило подозрение, что Олег просто пожалел ее, что его привело к ней доброе, но не любящее сердце. А любовь из жалости, даже самая искренняя, не может быть долгой, да и не нужна такая. Еще раньше Лариса замечала, что чувство Олега не ровно: то ярко вспыхнет, то погаснет, будто его и не было. После ссор он возвращался к ней неохотно. Она не звала, но он приходил, недовольный, упрямый. Что же его приводило? Любовь или жалость?

«Я люблю тебя, очень люблю, — мысленно обращалась к нему Лариса, — наш ребенок скоро будет жить у меня под сердцем. Ты мой первый и единственный — навсегда. Останься со мной. Ты полюбишь меня. Ты не знаешь меня. Никто не полюбит тебя так, как я люблю».

Лариса тряхнула головой и взялась за перо: надо работать. Надо всегда работать. Где еще она найдет такое радостное, опьяняющее вдохновение, возможность приложить свои почти не тронутые силы! И что еще на свете есть благодарнее, чем необходимый для души непрерывный труд!

Сырые, пахнущие керосином и типографской краской влажные полосы... Газета... Это тоже любовь, и тоже на всю жизнь. А главное в ней, в жизни, найти свой труд, пусть тяжелый, но всегда тебе самой нужный, такой, чтобы гордо носить голову. Тому, кто нашел свой труд, не страшны никакие напасти, против которых бессилён не нашедший призвания.

Труд должен заполнять всю жизнь, а не восемь часов в сутки, иначе человек цепко хватается за случайные увлечения, надеясь, что они завладеют им надолго. Но увлечения проходят, не оставляя следа, и тогда человек начинает метаться в поисках новых, не принося пользы ни себе, ни другим. Бесполезное, беспечное, не наполненное трудом

существование рано или поздно порождает недовольство жизнью, скуку, уныние. Счастливым может быть только тот, кто трудится.

А ведь Олег не бездельник. Он любит труд, любит газету.

Мысли о газете и об Олеге были неразрывны. Думая о нем, она вспомнила свою первую статью, первое дежурство в типографии, первую опечатку. Олег помог ей стать сильнее, увереннее, будто передал ей часть своих сил. Но теперь она была сильнее его. Руки опустились ненадолго. Он считал, что она слепо преклоняется перед ним, не видит в нем ни одного недостатка и простит все, лишь бы он остался с ней. Нет, она лучше других знала его и любила, потому что верила в целебные свойства любви.

Лариса искренне считала, что не имеет права отказываться от Олега только потому, что его недостатки могут плохо повлиять на ее житейское благополучие. Она не могла уйти от него именно потому, что никто так сильно не желал видеть его сильным, чистым, настоящим, как она. Опасность сломать свою жизнь не пугала Ларису. Она шла на этот подвиг веры — так требовала ее натура, ее образ жизни, ее мировоззрение. Лариса всегда строго проверяла каждый свой шаг и не прощала себе ошибок, за которые осудила бы других. Как журналист, она считала, что должна быть безупречной. Газету должны делать чистые руки, честные души. А любовь учит быть чистым и честным. Значит, она необходима Олегу.

Поэтому на другой день, когда пришел Олег, ласковый и тихий, Лариса поцеловала его и сказала:

— Олик, не обижайся, но меня беспокоит история с очерком.

Он недовольно скривил губы.

— Разве приказа не было? Почему именно сейчас тебе хочется говорить на эту неприятную тему? Я думаю о том, как мы будем жить, а ты...

— О том же.

— Тогда я не понимаю, какая здесь связь?

— Прямая. От того, как закончится история с очерком, во многом зависит, не удивляйся, пожалуйста, наша с тобой жизнь.

— Шеф обещал строгий выговор с предупреждением.

— Я не о мере наказания, Олик. Сам-то ты что думаешь?

— Из мухи сделали слона. Конечно, в очерке кое-что преувеличено, но в допустимых размерах.

— И только? — с возмущением воскликнула Лариса.

— Да, — раздражаясь, ответил Олег, — передовик Максимов — серенькая натурка, а очерк был нужен, шеф просил дать срочно в номер. Я не чувствую за собой особой вины.

— Почему же ты не возражаешь против выговора? Ведь он несправедлив?

— Зачем лезть на рожон? Вообще к чему этот разговор? Можно подумать, что тебя несколько не интересует твоя собственная судьба.

— Моя судьба — ты. И теперь я не хочу от тебя ничего скрывать. Незачем. Олик, Максимов не прав?

— Станный вопрос. Нет, конечно. Максимов дурак, сам не знает, что ему надо.

— Ужасно... ужасно, — с болью и отвращением повторила Лариса. — Дорогой мой, зачем ты врешь? Мне-то зачем лжешь?

Олег опустил голову, помолчал и ответил глухо:

— Перед тобой-то мне и не хотелось выглядеть дураком. Я сорвался первый и последний раз... Прости...

Ларисе показалось, что комната наполнилась светом.

Глава третья

Не по своей вине целую неделю Валентин потратил на мелкие поручения. Правда, за это время он съездил в однодневную командировку к молодому каменщику — делегату на Третью конференцию сторонников мира. Корреспонденция получилась неплохой, Валентин приободрился, но ненадолго. Он решил, что самое благоразумное — уехать сейчас в командировку. Копытов не возражал.

Валентин хорошо сознавал значение этой поездки для своей дальнейшей судьбы в редакции. От того, насколько удачно он съездит, зависело многое. Подружиться с коллективом нельзя, пока он не увидит, как ты работаешь.

Ему подсказали несколько тем; он перелистал подшивку «Смены», прочитал все корреспонденции, присланные из района, куда собрался ехать. Их было мало — три информации о молодых животноводах из укрупненного колхоза «Коллективист». В архиве нашлось два письма о трудовых успехах слесаря железнодорожных мастерских

Василия Архипова. Разумеется, сведений было недостаточно, но Валентин почитал еще областную партийную и районные газеты, выписал несколько фамилий, цифр и названий колхозов.

Он торопился уехать, хотелось поработать, набраться впечатлений, написать что-нибудь очень хорошее.

Итак, первое задание на новом месте.

Каждый раз, выходя из вагона пригородного поезда на перрон, Валентин испытывал смутную радость и каждый раз, ступив на землю, пытался определить, чем вызывается это чувство, постепенно переходящее в нетерпение.

Едва поезд затормозил, Валентин спрыгнул с подножки, постоял, осматриваясь, и быстро прошел в кабинет начальника станции через прокуренный зал ожидания, где табачный дым плавал под потолком.

За столом, освещенным лампой, темнела маленькая фигурка в непомерно большой фуражке.

— Сделаем,— ответил железнодорожник сиплым, простуженным басом,— приходите часа за два, уедете скорым.

Валентин не мог разглядеть лица начальника станции, и лишь когда тот немного наклонился вперед, свет лампы упал на кончик острого носа, седые торчащие усы и небритый подбородок.

— Товарищ корреспондент, вы бы к нам заглянули,— монотонно басил железнодорожник:— У нас на станции хорошие работники есть. Вот Архипов, например, Василий.

— Знаю.

— Ну? — удивился железнодорожник.— Архипова-то?

— Это который предложил планировку мастерских изменить?

— Он! А откуда узнали?.. Хотя понятно, корреспонденты все знают.

— Все не все, а кое-что обязаны знать. Если будет время, на обратном пути загляну к вам.

— Время опять же. Задержитесь на сутки, не беда.

Еще раз пообещав, Валентин сбежал по лестнице на привокзальную площадь, окруженную кольцом киосков, забитую подводами. Люди спешили, он сновал между ними, расспрашивал, но в сторону колхоза «Коллективист» никто не ехал. Площадь вскоре опустела, а он успел лишь узнать, что до колхоза десять с лишком верст, что, выйдя из города, надо идти сначала по тракту направо, потом свернуть «круто лево».

Поколебавшись, Валентин двинулся вперед, но вскоре пожалел об этом. Кругом была тьма, наполненная снегом и ветром. Валентину стало страшно. Он прибавил шагу, стараясь не думать о том, что дороге конца нет. Ветер плыл навстречу такой плотной лавиной, что Валентин остановился, повернулся к нему спиной. Вскинув голову вверх, он увидел в темном небе яркие точки звезд, постоял и снова зашагал вперед быстро и уверенно — он вспомнил Ольгу.

Ее лицо — черные глаза, густые прямые брови, упрямо очерченные губы — вспомнилось с удивительной отчетливостью. Выражение глаз беспрестанно менялось, а губы и брови казались неподвижными, как на портрете. Чтобы удержать всплывший в памяти образ, Валентин пошел медленнее, вспоминая встречу с Ольгой.

Встреча против всех ожиданий была радостной и непринужденной. В Ольге он не заметил ни равнодушия, ни удивления. Ее ласковый грудной голос стал еще мелодичнее, а сама она — женственнее, серьезней. Ольга держалась так просто, что, когда разговор зашел о коньках, Валентин неожиданно для себя самого пригласил ее на каток.

В тот вечер на ледяных дорожках было на редкость немного катающихся, и огней было мало. Плавно скользящие пары, стремительно пролетающие фигуры, медленно падающий густой снег и старый грустный вальс, раздающийся из репродуктора — все это воспринималось как одно целое, картина, в которой было больше звуков, чем красок.

Было и радостно, и тоскливо. Ольга казалась родной, близкой. Любовь разбивалась на множество радостных ощущений, и он наслаждался этими маленькими радостями, не думая о том, что бывают другие радости. Ольга была рядом — он видел ее, слышал, мог прикоснуться к ней, чтобы убедиться, что не спит, — и все-таки она была бесконечно далека. Захотелось взять ее за руки, чтобы она не вырвалась, не убежала, и сказать: «Смешно подумать, Оля, но я приехал сюда из-за тебя. Потому, что люблю». Он было замедлил бег, поразившись тому, что еще миг — и скажет ей это. Слова сами рвались наружу.

— Смешно подумать, — начал он, но замолчал; и вдруг опять встал на беговую дорожку, ринулся вперед, чтобы устать, забыться в головокружительном беге. Но ни скорость, ни напряжение сжавшегося в комок тела не отвле-

кали от настойчивой мысли, что Ольга где-то здесь, совсем рядом; он чувствовал ее взгляд и, чем быстрее убегал от него, тем скорее торопился вернуться.

— Поразительно,— восхищалась Ольга.— Самая посредственная техника и отличная скорость.

— Я еще не так бы мог,— тяжело дыша, сказал Валентин.

Потом в уютном буфете они пили несладкий холодный чай. Уставший, разгоряченный катаньем и близостью Ольги, Валентин разговорился. И хотя он не пытался придать словам особого, интимного значения, невольно вкладывал в них столько робких надежд, столько искренних намеков, что увлек Ольгу. Они стали вспоминать свою первую встречу (она со смехом, он — с грустью), город, в котором жил Валентин, соревнования.

— Живешь и не замечаешь, что время летит,— проговорила Ольга.— А встретишь старого знакомого, и даже не по себе станет... до старости рукой подать.

— Вот уж чего я не боюсь, так это старости,— отозвался Валентин,— а вот боюсь, как бы молодость не прозевать.

— Ты что? — поразила Ольга.— Как это?

— А вот так... Не сумею сделать всего, что полагается. Я все время, на каждом шагу чувствую, что работать могу лучше, что живу не в полную силу.

— Ой, как я тебя понимаю! — Ольга сняла рукавички, раздумав, видимо, уходить домой.— Понимаешь, просто иногда расстраиваюсь. Что-то делаешь — скучать некогда, а перед сном вспомнишь прошедший день и пожалеешь, что мало, оказывается, сделала.

Выйдя на улицу, они долго шли молча. Первым заговорил Валентин:

— Мне никогда не было так хорошо, как сегодня,— он не лгал и не преувеличивал, именно поэтому она смутилась и не ответила, а Валентин продолжал, потому что не мог молчать: — После хорошего отдыха всегда хочется работать. В университете, помню, в голове шумит после веселой вечеринки, а я за стол, заниматься. Смешно? После кино, после театра люблю работать... — Он остановился и неожиданно заговорил о другом, быстро, взволнованно: — От так называемой личной жизни многое, к сожалению, зависит. Плохо, конечно, если зависит все. Ведь какого напряжения стоит работа людям, у которых неудачно

сложилась жизнь. Забыться в работе можно, но трудно... счастливым не будешь.

— Почему ты говоришь об этом? Ты что, несчастлив?

— Иногда кажется, что да, несчастлив.

— Ты как-нибудь Расскажи мне о себе.

— Зачем? — обрадовался он. — Ничего интересного... Ты, наверное, замерзла?

— Нет, а ты?

— Нисколько, у меня теплые носки.

В этот вечер Валентин еще раз убедился, что все дороги — прямо или окольно — ведут к Ольге.

...Метель налетела неожиданно, завывала сотнями голосов и подголосков. Снежная крупа больно била по лицу, таяла и стекала за воротник. Валентин наклонил голову, шагал тяжело, медленно. Сознание было поглощено одним: надо идти вперед. Тело тупо ныло от напряжения, а он твердил: «Вперед. Вперед». Сколько он прошел, сколько еще осталось — он не знал. Чуть приподняв голову, он увидел на снегу мутный рассеянный свет, обернулся. К нему приближались две светящиеся точки.

Машина!!!

Лишь за несколько шагов от себя он различил силуэт кабины и кузова, поднял руку. Машина остановилась. Валентин подбежал.

— До «Коллективиста» подвезешь?

— Всегда пожалуйста, — отозвался приглушенный голос, — какой лешак ты сюда занес?

— Сколько возьмешь?

Шофер помедлил с ответом, потом выпалил:

— В кузове десятку, в кабине четвертную, синенькую.

— Ого! — воскликнул Валентин. — Стыда-то у тебя явно недостает.

— Во-во, совести у меня неполный комплект, — похотав, согласился шофер. — Так ведь дело любовное. Хошь — садись, хошь — тут стой. Не неволю. Не начальство.

Валентин влез в кузов, присел, подоткнув полы пальто. Десять рублей, конечно, в авансовый отчет не впишешь, но зато скоро будешь на месте... Эх, полоса-полоска, дорога корреспондентская!

Он задремал, продолжая крепко держаться за передний борт. Машину тряхнуло... Подброшенный толчком, Валентин очнулся, посмотрел вперед и увидел впереди

редкие огоньки села. Он усмехнулся пришедшей ему в голову озорной мысли, перекинул через борт ноги, повис на руках и, рассчитав прыжок, оттолкнулся.

Через несколько минут он уже миновал околицу села. Надо разыскать сельсовет и устраиваться спать где-нибудь на столе, положив под голову бухгалтерские книги или подшивки газет.

Вдруг он уловил звуки гармонь, голоса, смех и свернул за угол. Перед освещенными окнами стояли, держась друг за друга, три парня без пальто, шапок и пели: «За-а-аче-эм на-а-рушил мо-ой па-а-акой?»

— Где здесь сельсовет? — спросил. Валентин, подойдя.

От неожиданности парни умолкли. Стоявший в середине опустил руку, и меха гармони растянулись чуть не до земли.

— А ты... кто? — выговорил один.

— Ты брось, Петро! — остановил его товарищ с большим белым бантом на лацкане пиджака. — Не спрашивай! У нас двери настежь, входи, кто хочешь! Входи, гостем будешь!

Не успел Валентин раскрыть рта, как парни дружно подхватили его с двух сторон, провели через двор, втокнули в сени, и он оказался в невысокой, чисто выбеленной кухне.

— Гостя встречайте!

Две девушки в цветастых платьях и скрипящих сапожках выбежали в кухню, без слов стянули с Валентина пальто и провели в комнату.

Столы стояли в три ряда. Валентин не мог разглядеть ни одного лица: свет низко висевшей лампочки бил прямо в глаза. К Валентину подошел, пританцовывая и покачиваясь из стороны в сторону, невысокий старичок с красным лицом, седыми всклокоченными волосами и, протянув наполненный вином стакан, полуобернулся к столам и прокричал:

— Ха-арошая примета пришла! Ну-ка, добрый человек, скажи слово да выпей за молодых! До дна, до самого!

Валентин разумно решил, что отказываться нельзя — обидишь, поднял стакан и сказал:

— Здравствуйте, жених и невеста! Гости, здравствуйте!

Гости встали, отвесили ему земной поклон и сели.

— Выпьем до дна за молодых, за то, чтобы на всю жизнь им счастья хватило и на детей осталось! И на внуков! И на правнуков! Горько!

— Стакан разбей! Стакан разбей! — кричал старичок.

Валентин нерешительно поднял руку, помедлил и ударил стакан об пол.

— Ха-арашо разбил! Ха-арашо разбил! — кричал старичок. — Невесте веник! Ха-арошая примета пришла! А как сказал! А? А как сказал! Садись к столу, покушай, выпей, еще скажи, больно хорошо говоришь!

Старичок подтащил Валентина к столу, усадил и принялся угощать, не переставая говорить. Никто не обращал на них внимания. Гости веселились. Отстукивая каблуками, раскрасневшаяся девушка в голубом платье, с прыгающими на полной груди бусами, пела, задорно выкрикивая:

Сколько звездочек
На небе светится,
Да столько милых мне
Да в жизни встретится!

Наступая на нее, паренек в распахнутой косоворотке, размахивая руками, чеканил:

Ой, Ивановна,
Да ты мне нравишься,
Да поцелуй меня,
Да не отравишься!

К ним подскочил парень с белым бантом и затянул высоким тенорком, закрыв глаза:

Ой, Семеновна,
Пошто ты бойкая...

Девушки с кокетливым визгом оттащили его назад, усадили, а сами пустились в пляс. Дробно стучали каблуки. Звякала посуда на столах, вздрагивали в рамках стекла. Звуки гармони заглушались смехом, стуком, криками, песнями. Парень с белым бантом не выдержал, выскочил в круг, рванул ворот рубахи и мрачно затянул:

Ой, Семеновна,
Пошто ты бойкая...

Его опять оттащили. В следующее мгновение круг опустел; гармонист, склонясь над мехами, вывел печальный проигрыш, и чистые девичьи голоса запели:

Я не чаяла да не ведала...

Гармонь тяжело вздохнула, и девушки, откликаясь на ее вздох, продолжали:

Да ко мне сваха приехала,
Така гордая да спесивая...

Песню подхватили все. Пели старательно, выводя каждое слово:

Собирайся, голубушка,
Ты на нашу сторонушку,
Уж как наша сторонушка
На меду замешана
Да сахаром пересыпана.

Валентин не заметил, как грустная песня сменилась пляской.

— Ох, и свадьба! — кричал в ухо Валентину старичок. — Шешнадцатый раз на свадьбе гуляю, а такой не видал! Не видал, ей-бо, не видал!

Старичок не отходил от Валентина, а тот уже начал тяготиться, что сидит на празднике незванным гостем, до которого никому нет дела. Он рассматривал шумных, изрядно подвыпивших гостей и размышлял, откуда взялось это неприятное ощущение, и вдруг поймал себя на том, что думает об Ольге. Ведь и она когда-то вот так же веселилась на своей свадьбе, и если бы он пришел, то был бы лишним. Все дороги ведут к Ольге, нет ему пути назад. Валентину захотелось сейчас же уйти из избы, чтобы не слышать смеха девушек, песен и неунывающей гармонии. Сейчас ему больше была по душе метель, бушующая за окнами.

— А как звать жениха? — спросил Валентин старичка.

— Михаила-то? Белоусов он. Ха-а-ароший парень! А невеста! Тебе бы такую, не отказался бы? А? — старичок ткнул Валентина локтем. — Что надо девка! Полсела за ней бегало, одних трактористов не меньше пяти штук. И такая, я тебе скажу, тут история случилась. — Старичок

пододвинулся ближе и задышал в ухо Валентину: — Ведь тут та-а-а-кое дело получилось! И-и эх, я тебе скажу! Годов это три назад свадьбу-то затеяли сыграть, и р-раз тебе — Михаил-то заболел. А что? Бывает. И увезли его аж на самый Кавказ. Врачей там видимо-невидимо живет, лечат, значит... А Танюха издеся осталась. Три года для красивой девки, сам понимаешь, усидеть трудно. А парни наши похоже с умов посходили — все к ней сватаются, как по расписанию, по очереди. Сватаются и сватаются. А она, Танюха-то наша... вот другим наука... Михаила ждала. И дождалась! Потому как любовь, она к любви и ведет — люди проверили... А когда Михаил-от приехал, еще история случилась. И-их, я бы их... Тоже послушай, другим Расскажи. Бабы-дуры слухи пустили, будто Танюха, тьфу в сторону, будто Танюха, ты только послушай, — будто она Михаилу неверная. Вот те раз про запас! Ведь сплетней погубить хоть кого можно. Сплетницы мозоли на языках натерли, а он будто уши в починку отнес, никого, кроме Танюхи своей, не слушал. И вот те свадьба! Шешнадцатый раз на свадьбе гуляю...

В это время жених, коренастый, немного сутулый парень медленно, вразвалочку направился к выходу. Валентин нагнал его в сенях.

— Покурить захотелось, — сказал Михаил. — Устал я.

— От чего? — удивился Валентин.

— Смотреть надо. Чтоб всем всего хватило. С одним поговорить, другого уговорить... Вы к нам из города? Может, отдохнуть хотите? До утра ведь плясать будут.

— Я спать не хочу, — ответил Валентин, с интересом прислушиваясь к спокойному, сдержанному тону Михаила. — Нравится свадьба?

— Кто его знает. Кому как. Мне весело... Дедушка Семен обо мне, поди, рассказывал?

— Очень интересно рассказывал. Я даже позавидовал вам.

— Чего?

— Дед хорошо сказал: любовь к любви ведет.

— Он умеет. Сват... А чего завидовать? Полюбили, поженились.

— А до женитьбы? Три года?

— Невелик срок. Впереди больше.

— Но все-таки. Бывает, иногда и года не выдерживает любовь.

— Не у нас. По мне так: легкая любовь, которую как курицу в переулке поймать можно, недолго живет. А вот которая птицей летает, такой на жизнь хватит.— Михаил размахнулся и бросил окурочек в темноту.— Вот как оно! Идем, гостенек, к столу.

Руки так и тянулись к блокноту, в голове зрело начало очерка... Валентин подсаживался к парням и девушкам, расспрашивал их о молодоженах.

К утру гости начали расходиться, раскланивались с женой и невестой, благодарили родителей. Молодежь продолжала танцевать. Парень с белым бантом ухитрился-таки спеть свою частушку:

Ой, Семеновна,
Пошто ты бойкая?
Наверно, выпила
Пол-литра горького?

Спел и сразу успокоился, уснул, положив голову на стол. Последних гостей, требовавших продолжать веселье, уложили спать на скамейки и составленные рядом табуретки. Валентин помогал носить на кухню посуду. Спать он лег, когда за окнами посветлело. И едва закрыл глаза, как увидел Ольгу в белом свадебном платье. «Не жить мне без тебя, — не то подумал, не то сказал вслух Валентин, — куда ни повернусь, все к тебе лицом».

...В колхозе он провел почти неделю, побывал на животноводческих фермах, в МТС, где Михаил работал трактористом, в школе, и все время думал об очерке. За день до отъезда поздно вечером он сел за стол; писал и иногда не мог различить, о чьей же свадьбе размышляет—о своей, которой не было, или о той, о которой пишет. Первый набросок очерка Валентин побоялся даже перечитать: вдруг ничего не получилось?

...Скорый поезд шел, казалось, поразительно медленно, лениво перестукивались колеса, одна за другой следовали долгие и томительные остановки. Валентину не терпелось доработать очерк. И хотя ночь была почти бессонной, придя в номер гостиницы, он сел писать. Получалось что-то интересное, необычное. Он писал о Михаиле, а думал о себе, писал о Татьяне, а думал об Ольге; хотел передать радость Михаила, а писал о радости, какую мечтал испытать сам.

Очерк он сдал сразу Копытову, чтобы скорее узнать результат. Два дня ждал он вызова к редактору, наконец, не выдержал и зашел сам.

— Не прочитал еще,— недовольно пробурчал Копытов.— Некогда. Почему вы только о своих строчках думаете? Не один ты пишешь. Зайди под вечер.

Из сотрудников он пока был знаком с Роговым и Ларисой Антоновой. Она ему понравилась. Очень. Валентин привязался к ней не из-за того, что каждый новичок в коллективе ищет единомышленников. Он увидел в ней умного, открытого человека, который легко его понимает.

— Проходите, проходите,— всегда обрадованно встречала его Лариса, — на что жалуетесь?

Поговорив с ней, он словно набирался бодрости. Но заходя к ней в комнату неожиданно, Валентин заставлял Ларису печальной и нерешительно останавливался в дверях.

Увидев его после разговора с Копытовым, она спросила:

— Ну как?

— Попрежнему. Ваш редактор особой внимательностью не отличается. С ним, наверно, трудно работать.

— Да,— согласилась Лариса, и ее темносиние задумчивые глаза стали строгими. — Сергей Иванович руководит, как в шахматы играет: переставляет фигуры и — проигрывает, потому что не догадается посмотреть, что у этих фигурок внутри, чем они живут, как они сами хотят двигаться... Правда, фигурки здорово бунтуют и своего добьются. Копытов запутался. Газета плохая, он не может ничего сделать, никому не доверяет, ни с кем не советуется... Вот скоро партсобрание, опять ему туго придется... А это что?

— Очерк, — смутился Валентин.

Лариса без слов взяла рукопись и стала читать. Он отошел, стараясь не смотреть ей в лицо.

— Валя, — наконец, позвала она. — Я рада за вас... Мне не хотелось, чтобы вы оказались плохим газетчиком. Мне кажется, что люди профессий творческих не имеют права быть средними специалистами. Ненавижу певцов со слабыми голосами, балерин с некрасивыми фигурами, скучных писателей. И если увижу, что из меня не выйдет хорошего журналиста, брошу газету и пера в руки не возьму... Так вот... хороший очерк.

— К Сергею Ивановичу! — раздался за его спиной певчий голос Маро.

— Спасибо, Лариса... Иду за основным мнением.

— Завернет,— убежденно сказала Лариса,— но вы не расстраивайтесь.

Едва взглянув на Копытова, Валентин понял, что разговор не сулит ничего приятного. Редактор молча указал ему на стул, долго разминал папиросу, прикурил, дождался, пока сгорит спичка, бросил ее. Она упала рядом с пепельницей. Копытов поднял спичку, положил в грудку окурков, сказал:

— Плохо.

— Почему? — упавшим голосом спросил Валентин.

— Не о том, понимаешь ли, написано и не так, как надо. — Копытов взял рукопись, потряс ею, бросил на край стола, произнес презрительно: — Про любовь очерк! Может, данному вопросу номер посвятить, может, дискуссию открыть? Ей богу, даже говорить не о чем, не хочется время тратить. Смешно, понимаешь ли, глупо. Вместо того, чтобы на животноводческие фермы сходить, ты на свадьбу напросился. Анекдот! Наш специальный корреспондент со свадьбы сообщает... Ты что решил, что я из ума выжил? Легкомыслие какое! За такие дела, знаешь... Ведь ты очерк, а не роман писал. В газету! У нас темы гораздо важнее есть, к твоему сведению. Несерьезно вы, молодежь, к газете относитесь. Газета — это, понимаешь ли, оружие партии. Не забывай.

— Я не забываю,— сквозь зубы проговорил Валентин,— не забываю даже тогда, когда о любви пишу.

— Что-то я не читал постановлений цэка по данному вопросу, — добродушно улыбнулся Копытов.

— Значит... — Валентин тяжело встал. — Печатать, конечно, не будете?

— Да ты не обижайся,— примирительно произнес Копытов,— очерк про свадьбу, про тары-бары разные, любой редактор забракует. Помни: газета разных художественностей не любит, не положено... Трудно мне, Лесной, с вами. Опыта у вас мало. Ведь каждую строчку вашу с десятков раз перечитываю. Не о том думай, как бы что-нибудь особенное написать, а о том, чтобы не ошибиться.

Свернув рукопись, Валентин посмотрел на редактора. Тот нахмурился:

— Ты чего?

Хотя обида и возмущение заставили сжать кулаки, Валентин ответил довольно спокойно:

— А может быть, я прав, Сергей Иванович?

— Вряд ли, — Копытов задумался, положив голову на руки. — Во всяком случае, не сейчас. Сейчас я прав. Это я точно знаю.

— Ну, а если я уверен в своей правоте, что мне делать? Как поступить?

— Это уж не мое дело. Я за другие газеты не отвечаю.

— Нельзя так. Всякую охоту отобьете писать. Придавите своим мнением, расплющите.

— Постой, постой... ты где находишься? Ты где находишься, я тебя спрашиваю! Ты меня не запугивай. Я свои нервы в окопах закалил.

— Нервы здесь ни при чем...

— Научись сначала писать, а потом критикой занимайся. С мое сначала поживи. Откуда вы столько гонору набрали? А ведь вопрос о твоём пребывании в редакции еще не решен.

— То есть?

— Я еще посоветуюсь, оставлять тебя или нет.

— Ясно.

— Да ты из себя героя не строй! «Ясно»! Воображаешь, что тебя в любую редакцию возьмут? Как бы не так. Вот неправильно вы, молодежь, к работе относитесь. Ведь ты уже взрослый, можно сказать, а ведешь себя мальчишкой. Нахамил, наскандалил, будто так и надо. Другой редактор давно бы тебя за дверь выставил. А я вот вожусь с вашим братом, учу... В общем, ты здорово-то не расстраивайся. Я тоже погорячился лишку. Иди.

Как ни странно, но из кабинета Копытова Валентин вышел довольный собой. Очень хорошо, что он сдержался, не сказал лишнего, что с ним частенько бывало. Надо учиться держать себя в руках. Раньше он считал своеобразным геройством это нежелание сдерживаться на собраниях и в разговорах с начальством. То были глупости. Чем ты сдержанней, чем глубже спрятано твое волнение, тем сильнее становятся доказательства, приходят на ум более точные слова.

К случившемуся Лариса отнеслась равнодушно.

— Иначе и быть не могло, — вяло сказала она.

— Извините, если помешал, — еще в дверях произнес входивший в комнату Рогов. — Я к вам, Лариса Алексеевна.

Почему-то именно сейчас, услышав его, Валентин внимательно всмотрелся в Николая, с неприязнью разглядывая его наружность — невысокий рост, прсждевременную полноту, крупную, начинающую лысеть голову, круглые очки. Особенно неприятным было страдальческое выражение лица.

— Что вам? — резко спросила Лариса.

— Олег уехал в командировку, — растерянно пробормотал Николай. — От него ни строчки.

— Меня это не касается.

— Предположим, — усмехнулся он, — прошу извинить, не возмущайтесь и не нервничайте. В субботу я видел его в городе.

Лариса вздрогнула, потом нахмурилась и, опустив глаза, ответила глухо:

— Да... он приезжал ко мне.

— Вы бы посоветовали ему... Ну что мне делать? Он срывает полосу о лесе. Сегодня опять звонили из обкома. За грехи Олега расплачиваюсь я. Я вынужден...

— Не надо, — тихо остановила Лариса, — я виновата, что не напомнила Олегу, но поймите, он не мог не приехать. У нас... нам нужно было... поверьте.

— Но я превратился в козла отпущения. Олег приезжает на воскресенье домой, а я....

— Я вас очень прошу. У нас и без того много неприятностей. Я сегодня же позвоню ему.

Николай наморщил лоб, видимо, мысленно борясь со своей нерешительностью, и вышел, виновато посмотрев на Ларису.

На ее щеках заблестели слезы. Она покачала головой — не надо, не спрашивайте — и показала рукой на дверь. Валентин вышел, не оглянувшись, хотя ему не хотелось оставлять Ларису.

Случайно оказавшись свидетелем сцены, смысл которой был для него неясен, Валентин встревожился: так — беззвучно, открыто — плачут только от очень большого горя.

Мучаясь вынужденным бездельем, жалея о том, что не может помочь Ларисе, Валентин слонялся по редакции, знакомился с сотрудниками, листал подшивки, с завистью наблюдая за работавшими. Разговор с Копытовым серьезно беспокоил его. Как только частичку души вложишь в рукопись, так загвоздка. После этого всегда

появляется желание писать спокойно, равнодушно, по известным шаблонам, которые не признаются читателями, зато не отвергаются редакторами. «Скучно, серо», — скажет редактор про такой материал и подпишет в набор.

Валентин боялся серости, искал живые факты и темы, старался изложить их так, чтобы взволновать читателя. Поэтому работа над рукописью отнимала много времени, сопровождалась резкой сменой настроений. Бывало, ночью он рвал готовую рукопись, а утром, ползая по полу, собирал обрывки и склеивал.

Как только его постигала неудача, так в голову приходила одна и та же мысль: не мудри, не ищи, есть схемы, есть не совсем стертые штампы, готовые приемы. И вот тогда перо, не задерживаясь, скользило по бумаге. Написав, Валентин ужасался: все верно, все правильно, рука редактора не дрогнет, подписывая статью в печать, но кому нужна такая статья? Кого тронут эти обкатавшиеся слова и фразы?

Постепенно стало ясным одно: надо отдавать работе как можно больше страсти и стараний; работать надо, а не хныкать.

Валентин сел за свободный стол и начал переписывать свой очерк.

* * *

Ольга Рогова преподавала гимнастику в техникуме физической культуры и вела две группы в секции спортивного общества «Трактор». Она училась в вечернем университете марксизма-ленинизма, была одной из лучших гимнасток республики, и на остальное в жизни оставались считанные часы. Это нисколько не смущало Ольгу, потому что она любила жизнь трудную, наполненную заботами до предела, любила уставать от работы.

О мелких семейных неурядицах, число которых увеличивалось с каждым днем, Ольга старалась не думать. Едва открыв дверь в гимнастический зал, она расставалась с грустными размышлениями.

Первая группа секции — восемь девушек ждали ее, болтали о чем-то у шведской стенки. Одна Маро Гаркарян, высокая, плечистая, стояла в стороне.

Гимнастикой Маро занималась охотно, но без увлечения. Это выводило Ольгу из себя. Природа наделила Маро редкими данными, тело ее отличалось скульптурной

пластичностью, но сколько в ней было вялости, лени! Когда она делала прыжок, Ольга морщилась и кричала на весь зал:

— Тяжело, тяжело, нехорошо!

Сверкая черными глазами, закусив полные темно-малиновые губы, Маро уходила в конец зала. Она занималась отработкой прыжков, с завистью поглядывая на подруг, легко взлетающих на брусках.

— Как ты ходишь? — возмутилась однажды Ольга, наблюдая за небрежной, покачивающейся походкой Маро. — Ты гимнастка! Ты должна быть красивой! Вся! А ты?

— Не кричи, — угрожающе проговорила Маро. — Буду красивой. Вся. Не кричи.

— Милая моя девочка, — мягко произнесла Ольга, — надо следить за собой на каждом шагу, думать. Грация — не только природный дар, но и результат тренировок.

За два года занятий в гимнастической секции Маро заметно изменилась, стала легче, изящней, женственней. По характеру вспыльчивая, резкая, она бурно переживала любое замечание. В глазах появлялись слезы, она пряталась в раздевалке, но возвращалась гордая, оскорбленная. Маро ревновала Ольгу к подругам, к учащимся, даже к тренеру. Ольга отвечала ей такой же привязанностью, но на тренировках спрашивала с нее больше, чем с других.

Маро не пропускала ни одного занятия, но отмахивалась, когда Ольга заговаривала о том, что пора бы подумать о будущем — продолжить учебу. Сначала Ольга надеялась, что, увлекшись спортом, попав под ее влияние, Маро сама потянется к учебе. Но едва Ольга пробовала хотя бы намекнуть на это, глаза Маро наполнялись тревогой, даже испугом, и Ольга замолкала. К тому же Маро стала относиться к занятиям с прохладцей. Надо было принимать решительные меры.

Ольга не просто занималась спортом, она служила ему, верила, что в будущем он займет такое же место в культуре, как искусство. Гармоническое развитие человека невозможно без спорта. Он развивает не только тело, но и влияет на мировоззрение, учит ценить и понимать красоту, облагораживает. В это Ольга верила убежденно.

Ее воображению часто представлялась красочная, захватывающая дыхание картина: по бесконечному

зеленому полю под ярким голубым небом идут загорелые юноши в белых костюмах и несут на руках девушек в развевающихся по ветру розовых платьях. Звучит музыка. Движения людей легки и свободны. Так, наверное, будет на праздниках, когда овладевшие вершинами мысли люди будут наслаждаться красотой, отточенной спортом. Мечты эти и самой Ольге казались наивными, она никому о них не рассказывала, боясь, что ее не поймут.

...Выстроив гимнасток, Ольга внимательно оглядела Маро: та повела, словно от холода, плечами, опустила глаза. Ольге захотелось приласкать ее.

— Разминку будет вести Гарқарян, — сказала Ольга. — Начинайте.

Маро приняла приказание как ласку, ответила потеплевшим, благодарным взглядом. Девушки сбросили тренировочные костюмы. «Красавицы мои», — залюбовалась Ольга.

Упражнения на брусьях она проводила сама. Первой к снаряду подошла Маро.

— Какая сильная! Правда?—восхищенно прошептала Ольга стоявшей рядом гимнастке.

Брусья гнулись под тяжестью Маро, тело не слушалось. Каждое движение требовало больших усилий.

— Отставить! — крикнула Ольга. — Стыдно!

— Почему опять кричишь? — тяжело дыша, спросила Маро. — Не все такие, как ты. Да. Я не мастер спорта.

— Ты ленивая, ты спишь, а не работаешь. Стыдно! Можешь быть свободна. Посмотри, как другие занимаются. Пусть тебе будет стыдно.

— Тебе будет стыдно, — дрожащим голосом гордо ответила Маро, — ты придираешься, — и тихо добавила: — ты совсем не любишь меня.

Несмотря на жалость к подруге, Ольга не подала вида и продолжала занятие с подъемом, весело.

— Присядьте, девочки, — предложила она после тренировки. — Прошло два года нашей работы. Говоря общими словами, вы освоили начала гимнастики. В словарях слово «гимнастика» объясняется так: различные комбинации физических упражнений. С точки зрения людей, далеких от спорта, это, может быть, и правильно. Но с нашей точки зрения это неправильно. Вы меня должны понять. Гимнастика развивает не только мускулы, красивым становится не только тело, красивым становится весь че-

ловец, его характер становится красивым. Если вы по-настоящему поймете гимнастику, вы поймете красоту, красоту жизни. Вы должны стать красивыми во что бы то ни стало. Каждое ваше движение, каждый ваш поступок должны быть красивыми. Девочки мои хорошие, надо больше думать. Если мускулы крепнут, а извилин на мозгу не прибавляется, значит спорт вам пользы не приносит. Не станешь спортсменом и без высоких моральных качеств. Я очень люблю человеческое тело, это удивительное творение природы. Спорт помогает пропагандировать красоту, но, — Ольга подняла руку, — но красота должна быть умной. Понимаете? Вы должны быть думающими. Перед вами, перед всеми, где бы вы ни тренировались, в столице, в районном центре, в колхозе, в заводском клубе, стоит одна цель — мировые рекорды.

— Как много говоришь! — весело перебила Маро. — Мы это знаем, душа.

— А почему я так часто говорю об этом?

— Ты хочешь, чтобы мы были мировыми чемпионками.

— Правильно. Вы все способные, но не хватает вам... — Ольга прищелкнула пальцами, подыскивая убедительное слово. — Стремления вам не хватает! Недалеко смотрите. А я говорю, что надо мечтать. Когда мечтаешь, даже тело легче становится. Правда, правда, я часто замечала. Так что обязательно мечтайте. Силы черпайте не только в мускулах, но и в голове.

— Я очень люблю тебя слушать, — застенчиво сказала Маро, когда они с Ольгой вышли на улицу, — мне было смешно, ты не сердись. Я поверила тебе. Ой, как трудно быть чемпионкой! А?

— Согласна, — ответила Ольга, — но нельзя думать лишь о малом. Цель должна быть большой, тогда быстрее шагать будешь. А ты ничего не понимаешь, улыбаешься!

— Совсем зря сердишься. Слушаю, как маму. Улыбаться можно. Говори.

— Помнишь, на республиканских соревнованиях я пятое место заняла? И подготовилась неплохо, а вот построения не было. В себя не верила. Показалось мне, что допрыгнула я до своей ступеньки и выше нее не поднимусь... Всю жизнь на одной ступеньке... А спасла меня мечта.

— Красиво говоришь, — пропела Маро. — Ты очень смелая, такая смелая, что я очень люблю тебя. Очень ты замечательная, душа!

— Зайдешь ко мне?

— Да, да! У тебя дома плохо? А что? Ты когда к дому подходишь, ты грустная. Почему? Плохо живешь?

— Неплохо.

— Очень хорошо жить надо.

Войдя в квартиру, Ольга весело крикнула, увидев мужа:

— Принимай гостей, дорогой! Ставь чайник! Варенье на стол!

Выглянув в коридор, Николай сухо кивнул Маро и сказал озабоченно:

— К сожалению, Оленька, я занят, взял домой срочную работу. Но вы мне не мешаете. Чайник в шкафу.

Улыбка на ольгином лице сменилась гримасой разочарования и обиды. Николай почувствовал, что не к месту упомянул о своей занятости и проговорил виновато:

— Впрочем, я сам.

Когда Ольга расставляла на столе посуду, блюдо выскользнуло из ее рук, звякнуло о край стола и упало на пол.

— Смотри, Маро, — с изумлением прошептала Ольга, — не разбилось! Николай, смотри: упало и не разбилось! Удивительно.

Николай осмотрел блюдо со всех сторон, ответил неопределенно:

— Бывает... Дорогой фарфор. Вещь.

— Все бывает, — сказала Маро, — чаю давайте. Пусть чай будет.

Ольге захотелось остаться одной, подумать... Может быть, показалось? Нет...

Чай пили молча.

— Еще чашку, — раздался унылый голос Маро.

— Расскажи что-нибудь, — рассеянно попросила Ольга.

— Хозяину надоест кормить гостей, он заставляет их петь. Я не буду петь. Гости любят кушать. Да.

Понемногу разговор наладился. Николай рассказал о некоторых новостях в редакции, пожаловался на усталость, на нервы. Ольга сидела угрюмая, ждала, когда уйдет муж, чтобы можно было поговорить с Маро наедине. Ольга боялась этого разговора. Ведь нередко бы-

вает, что самое искреннее, идущее от сердца участие воспринимается, как жестокая обида. Тогда хочется махнуть на все рукой. Нельзя. Свою правоту надо отстаивать, если хочешь быть честным другом.

— Маро, — негромко сказала Ольга, — тебе надо учиться. Иначе ты не будешь заниматься в секции, — она покосилась на Николая, внимательно следящего за струйками папиросного дыма.

— Учиться? — спросила Маро. — Я очень неспособная. Не всем же учиться. Да. Я буду в секции заниматься. Мне нравится. Я стараюсь.

— Не будешь, — решительно повторила Ольга, — если не поступишь в вечернюю школу. На следующую тренировку я тебя... не пушу.

— А? — глаза Маро испуганно расширились. — Зачем? Зачем так шутить? Не надо, душа. Очень нехорошо так. Ой, как я испугалась! Очень нехорошо так говорить. Больше не надо, нет.

— Милая Маро, ты знаешь, как я тебя люблю...

— Знаю, знаю! Мне пора, меня мама ждет.

— Останься, — строго сказала Ольга, — я не шушу. Пойми, нельзя так жить. Всю жизнь — секретаршей?

— Я боюсь, — шепотом призналась Маро, — я боюсь тебя. Не говори больше. Если ты недовольна, я опять буду стараться, я буду лучше всех. Давай мыть посуду. Где полотенце?

— Ты не слушаешь меня! — обиделась Ольга. — Ты лентяйка!

— Уй, как грубо!

— Пусть. — Ольга помолчала и проговорила решительно: — Я исключаю тебя из секции, раз не хочешь учиться.

— Я могу умереть, — жалобно произнесла Маро, — ты отвечать будешь.

— Маро!

— Что? Ты меня совсем не любишь! Вот! Тебе не жалко меня! Да!

— Куда ты?

— Я убегу от тебя! Пусть мне будет плохо!

Маро громко хлопнула дверью.

— Крупный разговор, — насмешливо заметил Николай. — Не понимаю, что ты с ней возишься?

— Не понимаешь — помалкивай, — с неожиданной злостью отозвалась Ольга. — Меня волнует ее судьба. Маро должна учиться. У нее четыре класса образования! А она способная.

— Оленька, зачем преувеличиваешь? Обыкновенная секретарша с мощной фигурой.

Ольга даже поперхнулась от негодования. Она резко взмахнула рукой и горячо проговорила:

— Много ты понимаешь в фигурах!.. Секретарша! — передразнила она. — Я тоже работала секретарем, пока не поступила в техникум. Она будет хорошей гимнасткой. Она умеет работать. Тебе бы так.

— Положим, работать я умею. Но ты что-то путаешь. Вертеться на брусках — это не работа. Представь себе, есть дела посложнее и поответственнее, — он улыбнулся не то снисходительно, не то покровительственно. — Не обижайся, Оленька, но не надо считать спорт... ну, придавать ему такое значение...

— Болтовня! — Ольга заметила, что каждое слово мужа раздражает ее. Еще вчера она могла бы сдержаться, промолчать, а сейчас она даже не следила за тем, что говорила: — Безответственных дел не бывает! Вот отношение к делу бывает разным. Если ты не уважаешь моей профессии, это вовсе не значит...

— Спасибо за разъяснение. Не делай трагедии из того, что на некоторые вещи мы смотрим неодинаково.

— Вот так да! — возмущенно воскликнула Ольга. — Нечего сказать «некоторые вещи»! А для меня это смысл жизни!

— Ну знаешь... На такие глубокие темы я отказываюсь рассуждать.

— Не кривляйся. Ты еще ни разу не разговаривал со мной серьезно.

— Что с тобой? Ты никогда еще... Ты настолько увлеклась работой, что я порой не верю, что женат. Ни уюта...

— Уюта не будет! — отрезала Ольга. — Где его взять? Нанять домработницу? Или мне бросить работу?.. Мне никакого уюта не надо. Я ненавижу нашу уютную квартиру. Меня поражает твой обывательский образ жизни. Единственное, о чем ты меня спрашиваешь, это: почему я задерживаюсь на тренировках да что мне нужно сшить. И больше ничего. Посторонние люди больше интересуются моей работой.

- Может быть, тобой?
- Я — это и есть моя работа.
- Где ты научилась так высокопарно говорить?
- Надоело....

Николай бросил окурок в недопитый стакан чая. Окурок угрожающе зашипел. Ольга возмущенно передернула плечами. Николай скорбно вздохнул и заходил по комнате. Звуки его размеренных, неторопливых шагов злили Ольгу.

— Нам нужно серьезно поговорить, — озабоченно сказал Николай. — Я не подозревал о твоём недовольстве мной... в такой степени. Мне казалось, прости за наивность, что тебе не на что жаловаться. Я люблю тебя, — начал перечислять он, — у нас хорошая квартира...

— При чем здесь квартира? — всхлипнула Ольга. — Ты на себя посмотри! Тебе нет и тридцати, а ты растолстел, обленился.

- Я никогда не был стройным.
- У тебя душа обрюзгла.
- Мне надоело слушать оскорбления.
- Опять не то.
- Чего ты хочешь? — беспомощно потряс руками Николай.

— Я жить хочу.

— А я не расположен к философским разговорам.

— Скажи, что ты хочешь спать. Никакой работы у тебя нет. Просто хватил, как всегда, по дороге вина, вот и...

Не дослушав, Николай ушел в другую комнату. «Чужой, — подумала Ольга, — что такое случилось?» Она собрала посуду на поднос, медленно прошла в кухню, зазвенела блюдами.

Хорошо бы сейчас уйти. Хоть куда. Лететь бы вперед, навстречу ветру. А там будь, что будет. Ужасно. Неужели это надолго? И голова сразу отяжелела, и щеки горят. Глупости. Блажь. А может быть, и нет. Ольга потерялась. Сначала она попыталась рассуждать. Предположим, муж стал равнодушен к ней, или, проще говоря, разлюбил. Это полбеды, это нестрашно. Хуже то, что ее это не трогает. Значит, она разлюбила?! Не может быть... Не... может быть... Ведь совсем недавно они впервые остались вдвоем в одной комнате, куда их привела любовь, а теперь кому-то надо уходить. Где, когда они

споткнулись, обидели друг друга? Когда часто появляющееся взаимное недовольство переросло в неприязнь, в нелюбовь? Кто из них виноват?

Ей всегда казалось нелепым и несправедливым, если двое, именуемые мужем и женой, живут без любви... В голове билась холодная и колючая мысль: она и Николай не любят друг друга. Обманывают друг друга.

До сих пор жизнь не сталкивала Ольгу со сложными и непонятными вопросами, казалась простой, незамысловатой, воспринималась без раздумий и колебаний. Чувства были просты: любить так любить, ненавидеть так ненавидеть. Она не мучилась над тем — почему, отчего?

Жизнь ее можно было сравнить с большим светлым городом, в котором все улицы прямы и чисты, и по ним ходят только или хорошие или плохие люди, издали можно было разобрать, что за человек встретился. Она знала каждую улицу, каждый поворот. А теперь жизнь ее можно было сравнить с городом, в котором много закоулков, переулков, тупиков, и люди в нем жили непонятные, не сразу разберешь, кто каков.

Сердце, которое раньше было советчиком, теперь сбивало с толку. Ольга долго хитрила сама с собой, долго не хотела признаваться, что разлюбила мужа, потому что, признав это, она почувствовала бы себя несчастнейшим человеком. Она всегда жалела тех, кому изменяли женщины, и ненавидела таких женщин. Она считала: худшее, что может совершить женщина, — изменить любимому.

Она любила Николая. Она подарила ему такую любовь, на какую только способна юная девушка, благодарная любимому за то, что стала счастливой женщиной. Она отдала ему первые признания, первый поцелуй и первое объятие. Он был умнее, сильнее, увереннее. Ольга верила, что он любит ее всю: и глаза, и руки, и ее работу, ее мечты и желания. Рядом со мной, думала она, он станет еще сильнее, еще уверенней.

Так они и жили. Он говорил: «Забраковали статью, но не беда! Не на такого навались! Я еще покусаясь!» Он брал Ольгу на руки, носил по комнате и рассказывал, что собирается написать. Сейчас он говорит: «Гонорар будет маленький, напечатали всего три информашки».

Он все чаще жаловался: то настроение плохое, то усталость, то нервы. От работы он только уставал, она уже не бодрила, не возбуждала его. Николай разучился

относиться к житейским нуждам с беспечностью молодости. Раньше они никогда не считали денег, тратили их весело, с удовольствием. Сейчас в квартире одна за другой появлялись необходимые, но неинтересные вещи. Если их появление задерживалось, Николай сокрушенно жаловался на трудности жизни. Он был уже не способен истратить все деньги на книги и пирожные и в ожидании следующей зарплаты хвастаться долгами.

Сначала Ольге показалось, что она для Николая только женщина, что он не интересуется ее мечтами и думами. С этим она примирилась, хотя и ненадолго. Но когда Николай совершенно перестал интересоваться ее работой, даже не спрашивал о результатах соревнований, посмеивался над ее восторженными рассказами о занятиях в секции, Ольга оскорбилась. Постепенно ей стало ясно, что происходит. Для нее главным в жизни была работа; приходя домой, Ольга не могла забыть связанных с ней радостей и огорчений, а Николай, нелюбивший свою профессию, дома и слышать о редакционных делах не хотел. Он искал развлечений, чтобы поддерживать хорошее настроение. Понемногу он выпивал. Николай ни разу не приходил домой пьяным, но почти каждый день бывал навеселе. На замечания Ольги он отвечал пренебрежительно:

— Пустяки. Стаканчик «Ленкорани». Успокаивает нервы.

Ссорились они обыкновенно по субботам, когда Николай звал ее в гости. Ольга отказывалась, потому что у нее был строгий режим, ломать который ей не хотелось. Со словами «идти в гости» у нее были связаны самые неприятные впечатления — надоедливые предложения выпить, бессмысленные разговоры, пьяные песни. Николаю часто намекали, что его жена ломается и капризничает, потому что Ольга не прикасалась к вину... По дороге домой Николай давал волю своему раздражению.

И казалось странным: откуда пришел этот человек? Почему он так грубо разговаривает с ней? Что между ними общего? Почему они идут вместе?

Над этим она думала все чаще и чаще...

— Прости, Оленька,—услышала она за спиной виноватый голос Николая,—настроение плохое, на работе непорядки, вот и наговорил много ерунды, не сдержался. Прости.

— Бывает, — равнодушно ответила Ольга.
— Идем погуляем?
— Я собралась заниматься.
— Дело твое, — он обиделся. — Прости, но нет ни одной глаженной сорочки.

— Включи утюг.
— Не могу же я сам...
— А ты попробуй. Может быть, получится.
— Мне некогда.
— А мне? Послезавтра семинар по политэкономии.
— Событие... Скажи, пожалуйста, что все-таки случилось? Ведь раньше подобных разговоров не было... Впрочем, я понимаю, догадываюсь. На работе устанешь, дома хочется отдохнуть, спешишь к жене, а у нее, — он поморщился, — то тренировка, то семинар.

Ольга молчала. Он принял это как намеренную невнимательность и ушел из кухни с обиженным лицом. Ольга включила утюг и вытащила из шифоньера охапку белья. «Подлые мы, подлые», — шептала она.

Слезы не помогли. Ничто не поможет. Она вскипятила чай, принесла на подносике мужу, как ему нравилось, два стакана. Он оторвался от книги и удовлетворенно улыбнулся.

— Ложись спать, — ласково предложил он, — устала, наверное?

— Почитай, — попросила Ольга, забравшись под одеяло.

Сев у нее в ногах, Николай начал читать. Ольга старалась слушать, но думала о другом.

— Неинтересно, — перебила она, поняла, что это прозвучало фальшиво, и спросила вдруг: — Коля, ты любишь меня?

Он с удивлением посмотрел на нее и ответил спокойно:

— А почему ты спрашиваешь? Люблю.

— Тогда хорошо, — прошептала она, откинувшись на подушку. — Мне показалось, что ты... привык ко мне.

— А что? Привык. Время-то летит, не заметим, как постареет, как до золотой свадьбы доживем... Годы-то проходят... а вроде бы всегда такими были, не меняемся.

— Ты изменился, — с еле заметным огорчением сказала Ольга, — так изменился, что... будто я и не за тебя замуж выходила.

— Вот как? — оживленно удивился Николай. — А что, хуже или лучше стал?

— Не знаю. Помнишь, какой ты всегда был веселый. Рассказывал мне обо всем... Вечерами мы гуляли, ты руки мне целовал...

— Конечно, помню. Тогда я за тобой ухаживал, а теперь, действительно, привык, в хорошем смысле этого слова. Взрослеем, Оленька.

— Я не буду спать, — она нахмурилась, — буду стирать!

— Определенно с тобой происходит что-то странное, — сухо произнес Николай. — Спи себе, какая может быть стирка?

Стирать Ольга не стала, но ушла на кухню, перебрала кастрюли, вымыла несколько чистых банок. «Подлая я, подлая! — шептала она. — Пошлячка!» Одна мысль завладела ей: так больше нельзя, нужно что-то делать и с ужасом подумала, что, когда вернется в комнату, Николай может обнять ее, и не уходила из кухни.

Глухо, устало стучали ходики. Ольга прислушалась к ним. Вот так же и любовь ее: билась ровно, не торопясь, потом все глуше, глуше, а потом... ходики как будто замолкли. Нет, стучат. Монотонно, привычно.

А вдруг любви вообще не было? Просто жили вместе, и все. Нравилась друг другу, а души в это время спали? Неужели так и было? Конечно. Иначе откуда у нее такая потребность любить, быть любимой? Ведь ни капельки она своих сил не расстратила. Может, смириться? Рубашки гладить, зарплату получать, покупать вещи, в гости ходить, принимать гостей, оставшись вдвоем, забываться на короткие мгновения...

Ни за что.

Любить хочется. Надо кому-то сердце отдать, ведь переполнено оно, не выдержит столько желаний! Хочется любить, и все. Чтоб голова кружилась, чтоб не знать, что будет через минуту, чтоб не останавливаться. Любовь — это когда крылья вырастают за спиной, свежий ветер свистит в ушах, когда расправляешь плечи, когда песни поют, когда небо синее-синее, деревья зеленые-зеленые, волны о берег бьют... Нельзя жить без любви. Любовь — счастье, молодое, светлое, ликующее. Эй вы, люди, вы молодцы, вы хорошие, потому что придумали любовь!

— Колька! — крикнула она, вбегая в комнату. — Колька, милый мой, обними меня, обними! Колька, хороший мой, не люблю я тебя!

Прильнув к нему, Ольга расплакалась, вздрагивая всем телом. Николай гладил ее волосы и повторял настойчиво:

— Перестань, перестань, перестань....

— Ты ничего не знаешь! Я измучилась! Я не знаю, что случилось! Я с ума сойду!

— Повтори, что ты сказала...

Рыдания стали беззвучными, но теплые слезы капали ему на руку.

— Милый мой Колька, — говорила Ольга шепотом. — Устала я, а тебе до меня дела нет. Ты люби меня, как тогда, помнишь?.. Ты давно не носил меня на руках.

Николай поднял ее легко, почти без усилий. Она притихла, закрыла глаза. Ей казалось, что она плывет, а впереди не видно берега. Все плывет... Николай опустил ее на кровать. Ольга не открывала глаз, боясь, что охватившее ее спокойствие рассеется.

— Спасибо, — едко сказал Николай, — спи, поговорим завтра.

Она кивнула. В висках больно билась жилка.

— Ты не сердись, — с трудом выговорила Ольга. — Я тебе потом все расскажу. «Надо жить честно, — думала она, — честно, во что бы то ни стало».

* *

На летучку собрались дружно, без опозданий. Валентин настороженно поглядывал на сотрудников, как будто они знали, что редактор забраковал его очерк.

Номер рецензировала Лариса. Выступала она запальчиво, резко, говорила не столько о газете, сколько о порядках в редакции.

— Нас заела текучка. Мы горим самым неблагородным стремлением — любимыми средствами списать в архив авторские письма. Вот три письма, я представляю, при каких обстоятельствах они увидели свет. Факты заслуживали внимания, отвергнуть письма формального права мы не имели. И вместо того, чтобы доработать их, связаться с авторами, помочь им, товарищи тиснули письма в газету. Таких материалов, важных по фактам и темам, но написанных скучно, неинтересно, становится на страницах

газеты все больше и больше. Первая полоса — вообще пустое место. Передовая заполнена общими фразами, бесстрастными призывами, нудными советами. Читать в номере нечего.

— Все? Прошу высказываться, — нарочито весело предложил Копытов. Он не переносил, когда газету критиковали взволнованно, критиковали всю целиком. Он предпочитал критику обстоятельную, когда оценивались отдельные напечатанные материалы или отдельные номера, без обобщений.

— Несколько слов, — сказал Николай. — Половину первой полосы готовил я. Следовательно, заключения рецензента направлены в мой адрес. Товарищ Антонова, на первой полосе напечатаны информации. Ин-фор-ма-ци-и, а не стихи и не отрывки из романа. Информация есть информация: цифры, факты, фамилии, даты. Никуда от них не уйдешь, пороха не выдумаешь, жанр не тот. Некоторые наши товарищи увлеклись мелкой критикой. Вместо конкретных предложений знакомят нас со своими сердечными волнениями.

— Правильно подметил, — похвалил Копытов.

— Вот критиковали передовую, — повеселел Николай, — обыкновенная передовая.

«Лариса права, — подумал Валентин, — есть в нем что-то мелкое».

— Лесной, — обратился к нему Копытов, — твое мнение о номере?

Валентин замялся, он не готовился выступать, но Лариса ободряюще кивала ему, и он встал.

— Я просмотрел все газеты от первого до сегодняшнего номера. В «Смене», если судить по заголовкам и даже по содержанию, нет больших ошибок и упущений. Она успевает отображать многие события и явления. Но стоит разобраться повнимательней, как увидишь, что отображаем-то мы все задним числом и неглубоко. Вот сегодняшний номер. Я целиком присоединяюсь к мнению рецензента. Фельетон написан с опасением: как бы читатель не рассмеялся. А передовая, извините меня, ужасна — общие слова, наставления. Нашей газете не хватает молодости, наступательного духа, задора.

— Послушаешь вас и, честное слово, руками за голову схватишься, — мрачно сказал Копытов, когда Валентин сел, — можно подумать, что все вы молодцы, один

я дурак. Все критикуют, недостатки вскрывают, а газете что, легче? Работать надо, понимаете ли, а не критиковать. Сами ~~будь~~ себя критикуете, а не меня. Делами надо критику подкреплять. Особенно не понравилось мне выступление нового товарища. Не успел приглядеться, присмотреться и сразу же ~~за~~ критику. К вашему сведению, товарищ Лесной, вы тут ерунду говорили о каком-то там задоре и наступательном духе. У нашей советской печати один задор, один дух — вдохновлять советский народ на строительство коммунизма. Только боевой дух нашей печати выражается серьезно, а не какими-то там, понимаете ли, живописями. — Копытов говорил с привычным воодушевлением опытного докладчика. — Вместо того, чтобы добросовестно исполнять свои обязанности, многие сотрудники взлетели в облака и ищут какого-то задора. Неправильно! Нечего о разных фокусах мечтать. Партия дает нам ясные и мудрые советы о том, какой должна быть газета. А те слова и фразы, которые Антонова презрительно назвала общими, есть руководство к действию, сказанное партией. Тут новые слова выдумывать не нужно. Мысли, дорогие сердцу каждого советского человека, не могут быть общими, кто бы их ни изложил в передовой. Петров, Иванов или Копытов. Нечего мудрить. Я вот к чему перехожу, к нашей основной ошибке. А заключается она в халатности, в отсутствии подлинно большевистской ответственности. От нас требуется одно: лучше сухо, да точно, чтоб комар носа не подточил. Информации были бы хороши, если бы в них не переврали фамилий. А рецензию почему не заметили? Кто ее писал? Кандидат исторических наук. На подписи надо смотреть. Иной раз имя автора материал ценным делает. Так вот, ошибки растут, как грибы. Мои предупреждения не действуют, взыскания, видно, оказались мягкими, придется принимать более строгие меры, может, сделать кой-какие оргвыводы. Поменьше слов, побольше дела. Других критикуй, критика нам нужна, но и сам будь примером. Затронутые сегодня вопросы обсудим на специальном совещании. Можете быть свободными.

Валентин ушел с летучки, радостно думая, что впереди сложная, напряженная работа, борьба за свои мысли и статьи, в которых ~~оттачивается~~ или, наоборот, бесследно исчезает собственный стиль. Что ж, он готов бороться, без этого нельзя, если пишешь от всей души.

В коридоре его догнала Лариса.

— Ты неплохо выступил, — сказала она. — Пора переходить на ты. Согласен? Ты знаешь, я совсем не могу говорить спокойно, даже руки дрожат. У меня такое состояние, будто еще немного, и я сделаю что-то очень важное, очень полезное. Мне иногда кажется, что меня вдруг вызовут и поручат какое-то необычайно ответственное задание. Жду.

— А почему ты плохо выглядишь?

— Слишком много неприятностей сразу.

— Как у меня.

— Правда? — удивилась Лариса его ответу. — А ты расскажи мне, может быть, легче станет.

— Обменяемся опытом?

— Договорились.

Кивнув, Лариса ушла в свою комнату. Откуда-то сбоку появился Николай.

— Познакомился? — с деланной веселостью спросил он, посмотрев ей вслед. — Не влюбись... Голова гудит от этой чертовой работы, — перевел он разговор на другую тему, заметив недовольное выражение лица собеседника. — Мне дико не везет. Посуди сам, половину грешков Вишнякова я взял на себя. За это Антонова, его обо-жательница, меня ненавидит. Я хочу помочь ей, она ненавидит меня еще больше. Вот сейчас нас вызывает Сергей Иванович, она опять набросится на меня. И так всегда. Я ведь не о себе забочусь, о других... Да, кстати, давно хотел спросить тебя, вернее, извиниться за свой визит к тебе. Тогда у меня было неважное настроение, я выпил...

— Ларисочка! Николай Александрович! К Сергею Ивановичу! — позвала Маро.

— Ну, мы потом поговорим, — Николай легко хлопнул Валентина по плечу и ушел.

Валентин решил подождать. Не успел он выкурить папиросу, как дверь раскрылась, и из кабинета редактора вышла Лариса, а за ней Николай. Она остановилась, и он произнес скорбным тоном:

— Я прекрасно знаю, что вы мне скажете: якобы я нечуткий человек и тому подобное. Думайте обо мне, что хотите, но, честное слово, я о вас лучшего мнения, чем вам кажется. Я хотел помочь вам.

Он постоял, дожидаясь ответа, но Лариса молчала, плотно сжав губы, пока он не ушел.

— Что там случилось? — спросил Валентин.

— Старая история, — ответила Лариса, — не пойму я этого типа. А соль с ним есть не хочется... Сергей Иванович пять спичек сломал, когда прикуривал. Спрашивал, почему я до сих пор не написала докладную об Олеге. Я объяснила: зачем докладная, когда вынесен выговор? «Не ваше дело!» — закричал. А Рогов поддакивает... Обком комсомола интересуется историей с очерком. Бот Копытов и... шумит. А от Олега нет ни строчки, дозвониться до него невозможно. Забрался на самый дальний лесочасток.

— Ты молодец, — смущаясь своей откровенностью, тихо сказал Валентин. — Ты как-то... очень уверенно живешь. Твердо ступаешь.

— Хочу так жить. Именно — твердо ступать, не с бухты-барахты, куда нога ступит, а куда надо.

— Ларисочка! Ларисочка! — слышался голос Маро. Она подбежала и протянула листок бумаги. — Тебе телеграмма!

Лариса взглянула на телеграмму, ее большие темные глаза загорелись внутренним светом.

— Жив, здоров, чего и вам желает, — весело сказала она, — завтра придет.

Она хотела еще что-то сказать, но захлопала в ладоши, чмокнула Маро в щеку и убежала.

Глава четвертая

Все сильнее и сильнее Полуярова занимала мысль о том, что есть на свете люди, которые делают удивительные машины, есть на свете люди, которые строят великолепные дворцы, пишут книги, музыку, картины, и есть на свете люди, которые призваны помогать другим делать удивительные машины, строить великолепные дворцы, писать книги, музыку, картины. Вот к ним, к тем, которые помогают, относил Полуяров журналистов.

Но журналист журналисту рознь. Подобно тому, как настоящий архитектор может быть только архитектором, как настоящий живописец может быть только живописцем, так настоящий журналист может быть только журналистом. Иначе нельзя. Лишь посредственность с одинаковым успехом может быть кем угодно — как сложится судьба.

Полуяров на каждом шагу проверял себя, убеждаясь, что предан газете, что черпает силы не в личных удачах, а в удачах других, в удачах редакции. Сам Полуяров писал мало, его фамилия была незнакома читателям. Как в театре зрители не видят суфлера, рабочих сцены, режиссера и других важных участников спектакля, так читатель не знает многих тружеников, делающих газету.

Работой Полуяров считал не только исполнение так называемых служебных обязанностей. Вся жизнь была для него работой, а работа жизнью. Это все одно целое — подписывать в набор статьи, перечитывать Чехова и Диккенса, слушать Чайковского и Бетховена, гулять с сыном, вспоминать с женой молодость, мечтать. Он не мог сказать: вот здесь у меня кончаются дела, а вот здесь начинается отдых, личная жизнь, потому что они были неотрывны друг от друга. Полуяров называл себя счастливымчиком. В самые трудные дни или неприятные минуты жизни он с благодарностью отмечал, что у него есть надежный защитник и утешитель — семья. В ней он черпал силы, бодрость, уверенность и непередаваемое светлое сознание — «не зря живу», которое дает семья.

Влюбленные говорят друг другу красивые слова, смотрят на луну, поют песни. Любить девушку, дарить ей цветы и быть готовым достать звезду с неба — это просто. А вот любить женщину, мать твоих детей, выношенных не на нянюшкиных, а на собственных руках, любить ее, которую видишь не только упоенную твоими признаниями, а и в горе, и на кухне, и недовольную тобой — и все-таки быть готовым, если действительно понадобится, достать ей звезду с неба — это любовь, это семья.

Кажется, всё мелочи, пустяки, а вместе взятое — любовь, которой не нужны пышные слова, которая не боится раствориться в быту, не боится потерять свой блеск среди будничных дел. Жена улыбнется, во-время поставит под руку стакан крепкого горячего чая, когда засидишься над рукописью, промолчит, когда огрызнешься, расстроенный на работе, одернет, если сглупишь. От этого легче жить, потому что это — любовь, о которой редко пишут стихи и песни, но знать о ней должны все молодые влюбленные.

Полуярову было уже под сорок, а женился он тридцати лет, сразу после войны. Жена его — маленькая, изящная — добродушной улыбкой, чуть раскосыми глазами и черной гладкой прической походила на китайнку.

Полуяров и звал ее на китайский манер — Ли-за́. Года через три супружеской жизни он обнаружил, что любит жену еще сильнее, чем раньше, что лишь теперь оценил ее по-настоящему. Он стал торопиться домой с работы.

Не сразу сложилась семья. Были и ссоры, и скандалы, и упреки... Как-то подумалось: а вдруг встретишь другую? Что тогда делать? В недобрый час почудилось, что встретил... Красивая женщина была, звала, говорила, что любит, но Полуяров не пошел за ней: ни при каких обстоятельствах порядочный человек не может изменить жене.

Но прежде чего-то не хватало в жизни. Полуяров часто раздражался, грубил Лизе, искал, к чему бы придаться, задерживался на работе, потому что дома ему было скучно. Да и работа не клеилась. Что такое?.. Он любил жену, и все-таки этого было мало, не такой представлял он себе семейную жизнь. Пришел он однажды домой, злой и раздраженный. Лизы нет. Страшно хотелось есть. Он метался по квартире и думал: «Что это за жизнь? Все не как у людей. Сейчас придет, соберет сумки и отправится по магазинам. А ты сиди и жди, как дурак».

Не найдя спичек, Полуяров постучался к соседу — старому лекальщику Дмитрию Ивановичу. Тот вышел на лестничную площадку, и расстроенный Полуяров выпалил сгоряча:

— Верите ли, дома ни куска хлеба нет. И жена еще не пришла!

— Ух ты, горе какое! — Дмитрий Иванович сокрушенно покачал седой головой. — И поесть ничего не приготовила? А потом с работы прибежит и в магазин? Топить таких надо! — грозно сказал он и с ехидцей добавил: — И ботинки тебе, поди, чистить перестала?

— Ну что вы, Дмитрий Иванович! — растерянно пробормотал Полуяров. — За кого вы меня принимаете?

— До этого еще, значит, не дошло? — строго спросил Дмитрий Иванович. — Ну, еще немного осталось. Скоро...

— Да как вам не стыдно... — начал Полуяров, но Дмитрий Иванович перебил:

— Пусть спичек купит, накажи! А то без спичек будешь сидеть!

Полуяров пришел в себя только на улице. В нем перемешалось и возмущение, и досада, и злость на неуместные шутки Дмитрия Ивановича. Но быстрая ходьба осту-

дила. Вернувшись домой из магазина, Полуяров застал жену спящей. Он ждал, когда она проснется, чтобы рассказать ей о Дмитрие Ивановиче, но она открыла глаза и такое сказала, что душу перевернула:

— Ты Наташу хочешь или Сережу? — спросила Лиза.

Он думал долго, сосредоточенно, потом твердо ответил:

— Кого-то из них обязательно надо. Молодец, Ли-за.

Кажется, с этого вечера Полуяров стал считать себя счастливым. В нем проснулось отцовство, гордое, радостное чувство. Оно наполнило жизнь светом, в котором знакомые явления приобрели новую окраску. Полуяров ложился спать и вставал с одной мыслью: «Все ли я сделал для них?» И не было выше радости, когда они — жена и сын — отвечали ему благодарным взглядом. Он не мог представить жизни без них.

Лиза работала конструктором на машиностроительном заводе и ни за что не соглашалась бросить работу. Семейная жизнь — нелегкое дело, но без нее Полуяров не выработал бы в себе многих хороших качеств. Главное из них — сознание ответственности за свое поведение, за каждый шаг, умение делить с людьми и радость и горе.

Об одном жалел Полуяров: годы-то проходят! Когда желание чувствовать себя молодым становилось неодолимым, он шел к университету, где все напоминало о юности, подолгу ходил вокруг здания, боясь войти в него, подолгу стоял на ступеньках у подъезда. Давно ли десятиклассником он впервые поднялся по ним, держа в руках свернутый трубочкой аттестат и несколько раз переписанное заявление! Давно ли сбежал по этим ступенькам, размахивая зачетной книжкой с первой отметкой! И как будто совсем недавно он спустился по этим ступенькам, кося глазами на правый лацкан пиджака, на котором отливало золотом университетский ромб.

Студенческая пора так врезалась в память, что Полуярову казалось, будто он может без запинки перечислить все свои доклады в научных кружках, все вопросы на всех экзаменах. Разлетелись, разъехались, уплыли в дальние края однокурсники, но до самой смерти не забудутся студенческие годы, останутся в сердце, не потускнеют... Давно ли они были!.. Честно говоря, давно.

...Полуяров взглянул в зеркало — сколько у глаз морщинок! Седеют виски. Ну что ж... При желании можно и не стареть.

Жена заснула, сын тоже, и Полуяров раскрыл дневник. Писал он не о себе, а о людях, с которыми работал, учился разбираться в них основательно. Короткие записи рассказывали о событиях в жизни редакции, о черточках характера молодых сотрудников, их деловых качествах. Последние страницы дневника были почти целиком посвящены Ларисе Антоновой. Станный она человек. Наивная, доверчивая, несдержанная, но в то же время серьезная, иногда смотрит далеко, в корень дела, проявляет завидную выдержку. Лариса — способная журналистка с большим будущим. Самое главное для газетчика — непреходящее вдохновение; нет его — нет журналиста, есть равнодушный регистратор событий, исполнитель кажущихся нудными служебных обязанностей. А Лариса вообще не умела быть равнодушной, особенно на работе, где любую мелочь она принимала близко к сердцу. Но Лариса могла и не стать хорошей журналисткой. Этому способна помешать ее личная жизнь. Если Лариса выйдет замуж за Вишнякова, она потонет в семейных неурядицах, все заботы о доме лягут на ее плечи.

Как ей помочь?

Вряд ли она его послушает, да и вмешиваться в личные дела неудобно. Вчера Полуяров обдумывал, как будет разговаривать с ней.

— Ты еще молода, — так примерно скажет он Ларисе. — Ты еще понятия не имеешь о настоящей любви, о той, которая пройдет через всю жизнь. Вот расскажу о себе. Первая любовь, какой бы сумасшедшей она ни была, не наложит заметного отпечатка на всю жизнь. Сколько ни возносят ее поэты, она забывается. И уже играя с сынишкой в пароход или паровоз, никак не восстановишь в памяти лица той, из-за которой начал курить, потому что страдал ужасно, мок под дождем в своем единственном костюме, обмораживал уши. Не вспомнишь голоса, из-за которого не спал по ночам. Помнишь только — была первая любовь. «Были когда-то и мы рысаками!» — гордо так, независимо скажешь жене. А она, у которой тоже была первая любовь, из-за которой она чуть не перешла в другой институт, ответит весьма резонно: «Принеси-ка, рысак, воды...» Вслед за первым чувством приходит любовь, которая заставит задуматься о том, что худо закончить жизненный путь, не оставив наследников своих незавершенных замыслов, невыполнен-

ных желаний... Жизнь прожить — не поле перейти.

Вряд ли Лариса поймет его. Очень уж трудно говорить на эту тему. А надо.

— Павлик, пора спать, — сонным голосом прервала его размышления Лиза. — Какой час?

— Понимаешь, Ли-за, какая история, — стал рассказывать Полуяров, — Лариса, по-моему, выходит за Вишнякова.

— Ну и что?

— Как «ну и что»? Он же шелопай. Он ей всю жизнь испортит!

— Откуда ты знаешь? Лариса любит его и сделает из него человека, — твердо сказала Лиза. — Я в нее верю. Уж если она решилась, значит, все продумала и назад не повернет.

— Значит, я... — вскипел Полуяров.

— Это значит, Павлик, — мягко остановила Лиза, — что ты плохо разбираешься в женских характерах. Давай попьем чаю и поспорим.

Пока Полуяров ходил на кухню, Лиза встала, оделась и села за стол. Муж уже остыл и спросил спокойно:

— Почему ты уверена, что Лариса не ошибется?

— Потому что я лучше знаю ее, чем ты. Ты же с ней о ее жизни ни разу не разговаривал, а я... вот за этим самым столом, когда тебя дома не было. Лариса — человек с твердым характером, на жизнь она смотрит удивительно правильно. И вот увидишь; если она выбрала Вишнякова, то знает, как сделать его человеком, иначе она никогда бы не согласилась стать его женой.

— Не верю я в подобные...

— А она верит. Для нее в любви — все. Удастся любовь, значит, и жизнь удалась.

— И это, по-твоему, правильно?

— Для Ларисы — да. Потому, что ее любовь не ахи-охи...

— Словом, по-старинке выражаясь, рабыня любви?

— Наоборот. Любовь для нее рабыня.

— Ты решила вконец запутать меня? — обиженно спросил Полуяров.

Раскосые глаза Лизы лукаво сверкнули, и она ответила ласково:

— Не кипятись. Бывает, что любовь существует сама по себе, а вся остальная жизнь тоже сама по себе. А у Ларисы, как бы тебе сказать, любовь — это двигатель, толчок для всей жизни. Она любит, значит, живет, работает.

Полуяров долго молчал, принес чайник и вдруг, словно спохватившись, проговорил быстро:

— Может быть, ты и права.

Но на другой день, после работы, он все-таки пригласил Ларису к себе в кабинет и спросил:

— Вы не сможете сейчас...

— Извините, Павел Павлович, — перебила Лариса, — через полчаса мне нужно быть на вокзале. Приезжает Олег.

— Не смею задерживать, — недовольно произнес Полуяров.

— А что?

— Да так... перенесем разговор на завтра.

Настроение сразу испортилось. Он прибрал на столе, оделся и заглянул в кабинет редактора. Копытов, видимо, только что пришел и грел на батарее центрального отопления свои большие красные руки. Полуяров спросил:

— Где гулял?

— Будет дело, — словно не расслышав, проговорил Копытов. — Не справился я. Спал по пять часов в сутки, а достанется как миленькому. Помогать никто не помогал, от обкома одни накачки были... Сижу, будто на сквороде. Себя не жалею. Не получилось.

— Ты это о чем?

— Полечу со стула.

— То есть?

— Снимут. Наверняка... Завтра в «Комсомольской правде» статья о нашей газете, обзор. С цека я сейчас разговаривал.

— Неприятно, но... никто тебя не снимет.

— Брось, Паша, я не маленький. Недавно выговор на бюро схватил, не успел вину загладить и опять... Теперь меня к редакторскому столу за версту не подпустят.

— Ерунду мелешь, Сергей Иванович.

— А вдруг все-таки? Ну вдруг? Не хочется мне биографии портить.

— Биография здесь при чем?

— Для коммуниста биография — не последнее дело,—

наставительно сказал Копытов. — Я свою горбom заработал, я ее в шахтах, на лесозаготовках, в окопах писал. Я ее берегу.

— Понимаю, — тяжело проговорил Полуяров, — хуже нет, когда караул кричат.

— Закричишь. Ох, Паша, до чего у меня на душе мурно, кто бы знал.

— А ты не таись, поведай.

— Не к чему... Ну, ладно. Посижу еще за редакторским столом, чтоб ему... не просился ведь...

— Но сидел ведь.

— Сидел... — Копытов выпрямился. — Ты с этим, с Лесным, займись, он тут написал... — редактор покрутил в воздухе пальцами.

Полуяров посмотрел на захлопнувшуюся за Копытовым дверь... Трудно ему — никому не доверяет, место боится потерять.

Место! Удивительно неприятное понятие. Живет человек, работает, смеется, дружит, поет, а попадет на место и держится за него, и уже не люди, не работа интересуют его, а только возможность удержаться на месте. Без него он себя и человеком не считает.

Работать с Копытовым было трудно. Полуяров с горечью отмечал, что много сил и нервов приходится тратить впустую — на частые резкие споры, после которых каждый оставался при своем мнении. Он еще не решился высказать Копытову наболевшее, и тот ни о чем не подозревал. Полуяров до сегодняшнего разговора не терял надежды, что Копытов однажды вдруг улыбнется и станет таким, каким хотят видеть его окружающие.

Интересно, как редакция воспримет обзор «Комсомольской правды»? После собрания придется поговорить с каждым в отдельности.

...На другой день Полуяров прочитал очерк Лесного о свадьбе и сказал:

— Не понравилось мне это произведение, товарищ Лесной. Тон не найден. Сентиментально немного, восклицательных знаков лишку. Вы разомлели от восторга. А тема замечательная, нужная. Даю два дня на доработку.

— Не буду, — насупился Валентин. — Одному одно не нравится, другому — другое. На всех не угодишь.

— А вы не угождайте. Вы свое умеете доказать. Не очерк получился, а карамель. Наглядности мало. Убеждать надо примерами, а не авторскими отступлениями.

— Понятно.

— То-то. Желаю удачи.

«Способный парень, — подумал Полуяров, — позлится немного и переделает. Труднее будет Сергея Ивановича разубедить, но ничего, не привыкать».

* * *

В семье Вишняковых Ларису встретили холодно, с поджатыми губами. Она стояла перед родителями Олега испуганная, побледневшая. Глаза смотрели тревожно, словно ее ждала беда. Лариса подурнела за последние дни — губы запеклись, нос заострился, гладкая прическа не шла к ней, лоб казался чересчур большим. То, что она явилась в эту семью не дорогим, долгожданным другом, а незваной гостей, то, что ее радость — здесь горе, угнетало Ларису.

Лидия Константиновна, красивая полнеющая женщина, выглядевшая моложе своих лет, молча разглядывала невестку и не могла, да и не хотела, скрывать своего возмущения. Если бы эта хрупкая девочка с такой неудачной прической (а волосы — прелесть) пришла сюда как обыкновенная знакомая ее сына, Лидия Константиновна похвалила бы и ее фигурку, и длинные ресницы, и большие темносиние глаза. Но она появилась в доме с незаконно полученными правами на Олега, добившись их далеко не честными путями. Он молод, горяч, неопытен, его легко соблазнить.

— Присаживайтесь, — холодно улыбнувшись, предложила Лидия Константиновна.

Филипп Владимирович, отец Олега, сухопарый мужчина, с наголо остриженной широколобой головой, был уведомлен супругой, что Олег за ошибку молодости расплачивается вынужденной женитьбой. Ему было трудно поверить, что эта маленькая девушка, робко присевшая на край стула, ведет себя так недостойно, и он вопросительно покосился на жену.

— М-м, — промычал Филипп Владимирович, пожалев Ларису, — скажите, на улице ветер?

— На улице ветер, — ответила Лариса.

— Я так и знал, — вздохнув, продолжал Филипп Владимирович. — Мороз, надо полагать, градусов двадцать—двадцать пять?.. Вы родились здесь?

— Здесь, — почти беззвучно отозвалась Лариса.

— Ларочка, — заговорила Лидия Константиновна, — где вы шили платье? Очень симпатично получилось.

Лариса тяжело задышала.

— Мне оно тоже нравится. Простите, но вы меня с кем-то путаете.

— Непонятно, — мягко произнес Филипп Владимирович.

— Я тоже не понимаю вас. Вы смотрите на меня так, как будто... ну, словом, я не имею права войти сюда.

— К сожалению, имеете, — пошевелив плечами, сказала Лидия Константиновна. — Этих... прав у вас не отнимешь.

— Мама! — с укором проговорил Олег.

— Я против этого брака, — неторопливо, отчетливо сказала Лидия Константиновна, — брака по необходимости. Надо думать о будущем, Олег. Твое доброе сердце погубит тебя.

— Об этом вы могли поговорить и без меня, — Лариса встала.

— Не волнуйтесь, Ларочка. Не считайте меня своим врагом. Сейчас Олег, может быть, и любит вас. Но я боюсь, он очень увлекающаяся натура...

— Бояться надо мне.

— О, логика молодости! — на мгновение красивое лицо Лидии Константиновны стало добрым, но она понизила голос, и на лице появилось брезгливое выражение: — Я хочу посоветовать вам, сейчас самый подходящий момент... В клинике Филиппа Владимировича...

Филипп Владимирович отрицательно покачал головой.

— В конце концов, любая акушерка... — Лидия Константиновна многозначительно замолчала.

— Вы с ума сошли... — удивленно прошептала Лариса, переглянувшись с Олегом. — Вы с ума сошли! — вскрикнула она. — Как вам не стыдно! Вы мать и матери советуете убить ребенка?! — Она растерла по щекам слезы. — Низко и подло! Мерзко! Гнусно! Идем отсюда, Олик!

— Куда? — строго спросила Лидия Константиновна. — Вы совершенно напрасно нервничаете. Поверьте мне, нет

женщины, которая не прибегала бы... ну, к тому, что я вам посоветовала. Когда-нибудь сами поймете... Присядьте, прошу вас. Я приготовлю чай.

Ларисе было душно в этой просторной комнате. Скорее бы дали чаю, горячего, с лимоном. Она посмотрела на сумрачного Олега, он ответил виноватым взглядом.

Чай пили молча.

— Когда вы расписываетесь? — ледяным голосом спросила Лидия Константиновна.

Олег выронил ложку.

— Сегодня, — ответила Лариса.

— Сегодня уже поздно. Вы хотели сказать — завтра?

— Мы уже расписались. Сегодня.

— В таких случаях полагается хотя бы предупредить родителей...

— Я давно сказала маме.

— М-да... Ну, что ж, переезжайте к нам.

— Спасибо за чай. Олег будет жить у меня.

— Что?! Не болтайте глупостей! — Лидия Константиновна бросила ложку. Олег нуждается в заботе и внимании, их он может получить только у матери.

— А вот и неправда, — тихо проговорила Лариса, чтобы не закричать. — Со мной ему будет лучше. А я у вас не могу. Вы меня ненавидите...

— Откуда вы это взяли? — и уловив в своем голосе нотки бессилия, Лидия Константиновна твердо заявила: — Или здесь, или...

Она встретила с прищуренными глазами Ларисы, губы ее дрогнули, она беспомощно посмотрела на сына.

— У Ларисы нервное состояние, мама, — осторожно сказал Олег, — я пока перееду, а там...

Неожиданная злость охватила Ларису. Она встала, широко взмахнув руками, поправила прическу, заставила себя проговорить совершенно спокойно:

— Да, у меня нервное состояние... Еще бы, мать мужа, — Лариса густо покраснела, она впервые вслух так назвала Олега, — мать мужа предложила мне...

— Вы только о себе и думаете! — вспыхнула Лидия Константиновна.

— Нет, не о себе. Вы прекрасно знаете, о ком я думаю.

— Ларочка, вы, в конце концов, не ребенок! — Лидия Константиновна села рядом с Ларисой. — У нас вам будет лучше. Нельзя забывать о прозаической стороне дела.

У нас, это совершенно очевидно, вам будет лучше. У нас обстановка, домработница; у Олега отдельная комната... Он привык. Я не представляю, как он может покинуть нас!

— Не расстраивай себя, Лидочка, — печально посоветовал Филипп Владимирович. — Они уже все решили.

— Но не сегодня? Не сейчас?! — взмолилась Лидия Константиновна.

— Мама, ты не понимаешь... — пробормотал Олег. — Я завтра же навещу тебя.

— Он утром же позвонит, — заверил Филипп Владимирович.

Лидия Константиновна разрыдалась. Она кончиком платка вытирала слезы в краешках глаз, ее красивые полные плечи мелко вздрагивали.

— Не плачьте, — обняв ее, ласково сказала Лариса, — Олик будет приходить к вам каждый день. Я буду заботиться о нем.

— Сынок, — сквозь слезы выговорила Лидия Константиновна, отодвинувшись от Ларисы. — Мальчик мой, ты еще пожалеешь, что не послушался меня.

— Какая вы грубая, — устало произнесла Лариса. — До свиданья. Олик, я подожду тебя на улице. У меня болит голова.

Она спускалась по лестнице и твердила про себя: «Выдержу. Выдержу. Выдержу». Как ни странно, Олег вышел довольно быстро.

— Теперь ты убедилась, как нелегко разговаривать с моей мамашей, — озабоченно сказал он. — Мне страшно подумать, что сейчас там происходит.

— А мне надоело, что ты волнуешься за всех, кроме меня! — резко ответила Лариса. — А что со мной происходит, тебя хоть капельку интересует? Тебе об этом не страшно подумать?

— Идем, идем, — заторопил Олег, — скоро все наладится...

— Если ты не будешь беспокоиться о Лидии Константиновне больше, чем обо мне.

— Нельзя так, — возразил Олег, — мать есть мать.

— Я тоже мать, я лучше тебя знаю, как трудно матери, когда ее ребенку что-нибудь грозит. Я как по тоненькому льду иду. Провалюсь, никто не подхватит.

— Ты преувеличиваешь.

— Совсем немного.

— Наш разговор напоминает семейную сцену.

— Ну, нет! — горячо произнесла Лариса. — Одно могу обещать — никаких так называемых семейных сцен не будет. Я все сделаю, чтобы у нас была хорошая семья.

— Не сомневаюсь.

Лариса не ответила, хотя от этих слов на нее повеяло лаской. Она крепче прижала его руку к своей и стала рассказывать:

— Как я тебя тогда обманула!.. Помнишь, когда в университете подарила тебе на день рождения полное собрание сочинений Писарева! Я ведь еще тогда знала, что он вернется ко мне вместе с тобой... С завтрашнего же дня садись за очерки. У тебя их много. Выбери самые интересные и попробуй доработать.

— Я так и решил, — согласился Олег, — надо работать, засучив рукава. Сядем с двух сторон за один письменный стол и запретим друг другу бездельничать.

— А если иногда и будет трудно...

— Не будем злиться друг на друга.

Они остановились и, наверное, последний раз в жизни поцеловались на улице.

Александра Яковлевна встретила их встревоженная, по-матерински торжественная. На ней было черное, сшитое еще до войны платье, она чуть подкрасила губы, на щеках появился румянец — она помолодела. Олег хотел ее поцеловать, но смутился.

— Что ж молчите? — спросила Александра Яковлевна. — Как?

— Сами понимаете, мама привыкла ко мне...

— Ничего, — облегченно вздохнула она, — если будете жить дружно, она быстро успокоится. Как решили: со свадьбой или нет?

— Обязательно! — Лариса даже притопнула. — Пусть будет по-человечески! Чтоб «горько» кричали!

Они вошли в свою комнату, осмотрелись, словно пришли сюда впервые. Обнявшись, долго стояли, не двигаясь.

— Будь хозяином, — тряхнув головой, сказала Лариса. — Письменный стол дарю тебе.

Походив вокруг стола, Олег сел читать. Ему было не по себе. Даже по напряженной скованной позе видно было, что он чувствует себя в этой комнате посторонним человеком — посидит, почитает и уйдет. Чтобы избавиться от

неприятного ощущения, Олег снял галстук и повесил его на спинку стула. И удивительно — галстук здесь выглядел чужим. Лариса убрала его в шкаф и проговорила:

— Лиха беда начало...

Она сознавала, что женитьбой заканчивается какой-то этап жизни, — и это не только радостно, но и немного грустно. Ей и самой чуть жаль себя. Да еще жаль, что не довелось испытать стыдливой девичьей радости от того, что любимый стал мужем, а она — женщиной.

— Хорошо с тобой, — задумчиво сказала Лариса. — Посмотри мне в глаза. Сейчас у нас с тобой, понимаешь, у нас с тобой своя семья. Нам будет нелегко, и давай не будем считать наши трудности несчастьями.

— Я не боюсь никаких трудностей, никаких несчастий, — твердо произнес Олег, — я многое передумал и переоценил после глупой истории с очерком... Мне сегодня даже показалось, что я раньше совсем не знал тебя.

— Ты и теперь не знаешь. Вот проживем вместе, увидишь, какая я, как я тебя... — она уткнулась ему в плечо, — люблю...

...Проснулась Лариса рано, но не сразу встала. На душе было непривычно легко. Вставать не хотелось. Она приподнялась на локте и долго всматривалась в безмятежно спавшего Олега.

Александра Яковлевна была уже на кухне. Всем известно, что в первое время тещи очень заботливы к зятям. Едва Лариса появилась на кухне, с лица матери исчезло грустное выражение. Но дочь заметила.

— Ты что, мама?

— Я уж по привычке переживаю, сама такой же будешь, — весело отозвалась Александра Яковлевна. — А ты привыкай вставать пораньше. Мужья это любят.

Олег никак не мог скрыть своего смущения, и Александра Яковлевна нашла предлог, чтобы не завтракать вместе с молодыми.

Едва они вошли в редакцию, все неизвестно почему с внимательным любопытством посмотрели на них. Словно в ответ, Олег взял Ларису под руку и проговорил:

— Можете поздравить.

— Очень поздравляю, — мрачно сказала Маро. — Олег Филиппович, к редактору.

Лариса проводила Олега тревожным взглядом. Николай протянул ей номер «Комсомольской правды». Она взглянула на подчеркнутый заголовок «Досужие вымыслы», увидела фамилию Олега, но читать не стала... Потом вернула газету Николаю и вышла в коридор. Из приемной выбежал Олег.

— Можешь поздравить! Уволен с работы!

У Ларисы подкосились ноги.

— Да? — вскрикнула она. — Ты не врешь?

— После летучки будет оглашен приказ, — Олег говорил твердо, но суетливые движения выдавали его растерянность. — Сначала выговор, потом — в дверь. Вот тебе и свадьба.

— Свадьба свадьбой, — возбужденно сказала Лариса. — Ведь приказа еще нет?

— За ним дело не станет.

Она постояла, подумала, кусая кончик воротничка, и открыла дверь в приемную.

— Это несправедливо, Сергей Иванович! — возмущенно начала Лариса, вбегая в кабинет редактора. — Вы не имеете права снимать Вишнякова с работы! Он молодой газетчик, нельзя же за первую ошибку...

— Можно, — сумрачно остановил Копытов, — всех нас могут снять. Мы к месту не приколоты. Придется Олега Филипповича снять. Жаль мне его, парень он хороший, способный, но иначе нельзя... На весь Советский Союз прославились...

— Сергей Иванович, я вас прошу... — глухо, с усилием произнесла Лариса. — Мы поженились...

— Поздравляю, — растерянно пробормотал Копытов. — Тогда... Я вам, значит, праздник испортил? Это другой вопрос... Ну, поздравляю, в общем. Да, нехорошо получилось... Я понимаю, сам когда-то... Иди к своему мужу и скажи, что остается, черт, извините за выражение, с вами. Радуйтесь... Я уж все на себя возьму.

— Спасибо, Сергей Иванович, — сквозь внезапно подступившие слезы проговорила Лариса.

— Ладно, ладно! — замахал руками растроганный Копытов. — Иди, иди. Еще раз поздравляю, и — не надо, не надо, иди!

Лариса выбежала в коридор и пропела на ухо Олегу:

— Нам не страшен серый волк...

— Перестань. Мне не до шуток.

— Я не шучу. Все в порядке. Ты остаешься, понимаешь, остаешься в редакции!

— Ты что? Просила шефа?

— Да ты радуйся, а не расспрашивай. Просила, конечно.

— Ну, нет! Я человек принципиальный и считаю себя уволенным. На поклон не пойду.

— К чему этот петушиный задор, Олик? — Лариса обиженно вздохнула. — Кланяться мне не пришлось. Сергей Иванович чуткий и отзывчивый человек... А обзор в «Комсомолке» правильный.

— Не обзор, а каких-то тридцать строчек.

— Дома поговорим об этом... Сегодня выдадут гонорар, надо подсчитать деньги, вино, гостей и прочее.

— При чем здесь гонорар? Мама обещала дать на свадьбу.

— Свадьбу будем делать на наши, на твои и мои, деньги. Это наша свадьба.

В обеденный перерыв к Ларисе заглянул Валентин. У него было слегка припухшее, хмурое лицо. Словно извиняясь за свой вид, он проговорил:

— Плохи мои дела. Даже информации и те Копытов переписал.

— Ты из-за информации ночь не спал?

— Пожалуй, из-за них.

— Молодец, — восхищенно подхватила Лариса, — нравятся мне такие непутевые люди.

— Если бы работа клеилась, плюнул бы на все остальное.

— А что?

Валентин внимательно посмотрел на нее и ответил невесело:

— Надоела мне холостая жизнь... С удовольствием бы женился.

— Так женись.

— Ладно... Как-нибудь, при случае.

Лариса видела, что Валентин переживает какое-то серьезное горе, которое он не может скрыть.

— Неприкаянный я ни к чему и ни к кому, — сказал он. — Даже бриться не хочется. Кому это надо.

— Если ты привык бриться для кого-нибудь, брейся для меня... Чудак... Полюбишь еще... Ты, видимо, стойкий

парень, но, по-моему, есть в тебе склонность к раскисанию. А?

— Нет. Не раскисну. Никогда. Может быть, только на время.

— Смотри... Ты на летучке будешь выступать?

— Не знаю. По-моему, дело ясное.

— К сожалению. А если я тебя попрошу, ты выступишь?

— Попросишь?!

— Да. Ты умный парень, разбери ты Олега по косточкам, чтобы понял он.

— Я его не знаю, но мне кажется, что таких надо убеждать не выступлениями на собраниях. С ними надо постепенно, ежечасно спорить, разубеждать, доказывать свое.

— Если бы ты знал, как это трудно... А Олег нравится тебе?

— Почему ты спрашиваешь?

— Не нравится?

— Я еще не ответил.

— Значит, не нравится... Жаль. А мне он нравится.

Валентин не понял, шутит она или говорит серьезно. Он хотел сказать, что охотно поговорит с ней об Олеге, но Маро позвала на совещание.

Оно прошло довольно быстро. Корреспондент «Комсомольской правды» расследовал письмо комсомольцев-инструментальщиков с паровозоремонтного завода и убедительно доказал, что в очерке «Таков советский человек» много неточностей и измышлений автора. Лариса боялась, что Олег будет защищаться, но он сказал неопределенным тоном:

— Я, конечно, учту свой срыв.

Повернувшись к нему, Полуяров спросил:

— Все?

— Нет, не все, — со скрытой усмешкой ответил Олег, — я могу еще добавить несколько традиционных покайнных фраз.

— Ну зачем ты рисуешься? — с обидой спросила Лариса. — Почему даже в самом невыгодном для себя положении ты стараешься выглядеть героем?

— Я сказал то, что думаю.

— Лариса права, — проговорил Полуяров, — Вишня-

ков не понял своего срыва. Давно мы предупреждали его, что спешка и стремление к пышным фразам, которыми прикрывается поверхностное знание жизни, — это стремление к добру не приведет.

После совещания Лариса с Олегом отправились гулять. Надо было проветриться, успокоиться.

Почти в каждом городе есть место — сад, парк или сквер, — с которым у множества людей, ставших уже пожилыми, семейными, связаны воспоминания о первых свиданиях и прогулках. Комсомольский сквер был таким местом. Его заложила на месте разрушенного монастыря молодежь еще в годы первой пятилетки. Теперь сквер был самым живописным уголком города.

Зимой здесь неуютно: почерневшие кустарники кажутся высохшими, а толстоствольные тополя с оголенными сучьями — промерзшими и мертвыми.

Лариса любила этот сквер с детства. С ним у нее была старая дружба. Еще школьницей она проводила здесь много часов, ревниво оберегая кусты сирени от хулиганов мальчишек, а по утрам прибегала подышать ароматом цветов. Приезжая на каникулы из университета, она торопилась в сквер. Когда бывало особенно грустно, она приходила сюда, чтобы забыться.

Сквер казался ей живым существом — красивым, спокойным и добрым. Зимой она тосковала по его зелени, чудилось, будто земля и деревья промерзли, и Лариса боялась, что не увидит здесь больше ни травы, ни цветов, ни листьев.

— Скорее бы весна, — сказала Лариса. — Ты не хмурься, Олик. Все будет хорошо.

— Будет, будет, — проворчал он. — Когда? Хотя... Впрочем... — он закусил губы, взглянул на Ларису. — Я понимаю. Вот привыкну к вашей семье, к вашей квартире, к твоему письменному столу... Копытова переведут в другое кресло...

Лариса понимала, что это нехорошо — смеяться, когда любимому грустно. Она прикрыла рот муфтой, промолчала, но радость не покидала ее. Ей было радостно, потому что рядом шел ее Олег, что она его жена, что впереди интересная, большая жизнь.

— Ты сына хочешь или дочь? — счастливым шепотом спросила Лариса.

— Не знаю.

— Когда решишь окончательно, скажи мне, учту... И как мы будем хорошо жить, Олик! Правда? Профессия у нас замечательная, жизнь удивительная! Да?

— Насчет профессии не спорю, — быстро проговорил Олег. — Идем домой, у меня ноги замерзли.

Было очень холодно.

* * *

...Писал он торопливо, перо не успевало за мыслями. В себя он верил лишь временами, в минуты вдохновения. Сомнения в своей правоте, в своих способностях вселяли в него неуверенность, но ненадолго, сменялись творческой злостью, и он работал еще горячее. Большие, неопределенные замыслы, желание приносить своей работой заметную пользу, чувствовать себя сильным и нужным обществу — все это не столько помогало работать, сколько увеличивало требовательность, усиливало строгое отношение к результатам своего труда. Когда он писал, он считал себя незаурядным автором, способным журналистом, когда же перечитывал первый вариант, утешал себя надеждой, что написал более или менее интересную вещь.

Но пока Валентин не написал ни одной статьи, про которую через месяц мог сказать: «Молодец!»

Это его и беспокоило. Способен ли он обнаруживать главное? Или всегда будет замечать в жизни только поверхностное, то, что сразу бросается в глаза? Будет ли он настоящим журналистом? Вопросов было много. Они казались ему признаком творческой слабости.

Особенно смущали его некоторые журналисты, не хватающие с неба звезд, но убежденные в том, что писать иначе, чем они, нельзя. Для них не было трудных тем, обо всем они писали на одном уровне, с одинаковым бесстрашием. Эти ловкачи ни в чем не сомневались. Сидя в редакционном буфете, они ругали новый кинофильм, а потом писали восторженную рецензию. В жизни они были неплохими людьми, но для газеты писали, предварительно отключив сердце.

«Написано с сердцем» — это высшая похвала газетчику. Всему можно научиться, все науки изучить, занять в редакции любую должность, но писать с сердцем не научишься, пока оно само не начнет диктовать. Тогда и

кажется, что в руке у тебя не перо, а сердце. Поэтому тебе не безразлично, как беспощадная редакторская рука выправит твои строки.

...Валентин шагал по комнате, наполненный неизвестно откуда пришедшей силой. Иногда ему было необходимо вот так просто отдаться мыслям, поспорить с самим собой. Надо работать, надо трудиться, как сеятелю, вышедшему на бескрайнее поле. Ты можешь делать в десять, в двадцать раз больше, чем делаешь.

За окном город мигал тысячами огней. Там — заводы, школы, фабрики, театры, магазины, и везде — люди. Для них ты пишешь. Стучит пишущая машинка, шумит ротационная машина, быстро разматывается, превращаясь в газету, бумажный рулон — первая тысяча экземпляров, вторая тысяча, третья... тираж... Тебе дали большое право, тебе поручили большое дело. Ты журналист. Ты сам должен разобраться, о чем надо писать и как надо писать. Ты должен так внимательно и глубоко изучить жизнь, чтобы быстро и безошибочно оценивать каждое ее явление. А чтоб писать правду, надо быть человеком большой мысли и пламенного сердца.

И, пожалуй, самое главное — всегда оставаться принципиальным и в большом и в малейшем. Уступишь в мелочи, не заметишь, как будешь уступать на каждом шагу. Валентину часто вспоминался один лектор, веселый, жизнерадостный молодой человек, только что окончивший университет. Он читал, и всегда с большим успехом, лекцию о дружбе и любви. В редакцию пришло два письма с благодарностями. Валентина послали написать очерк о лекторе. Трижды побывал Валентин на его лекции, начал уже писать, но пришлось срочно выехать в командировку.

В доме приезжих Валентин встретил лектора. Он валялся в коридоре и ругал каждого проходящего мимо потоками нецензурной брани... И он читал лекции о любви! Валентин долго не мог заснуть, лектор за тонкой досчатой стенкой ворочался на кровати, словно нарочно, чтобы злить его. Утром лектор зашел к Валентину и, мило улыбувшись, спросил:

— Об этом, надо полагать, вы писать не будете?

— Уйди отсюда, сволочь, — негромко сказал Валентин.

Припухшее лицо лектора вытянулось, он сказал жалобно:

— Ну, извините меня, бывает...

— Уйди, говорю, отсюда, — еще тише повторил Валентин.

Целый день он не находил себе места, не мог написать ни строчки. Потом бросился к столу и, не отрываясь, набросал черновик фельетона. В городе он собрал еще несколько фактов, трижды переписал фельетон и отдал редактору.

Фельетон не напечатали. Жаль было не попусту затраченного времени, а того, что тебя не поняли. Редактуре тема показалась мелочной, не стоящей внимания. Пока Валентин с пеной у рта отстаивал свое, лектора исключили из партии за моральное разложение.

На словах одно, на деле другое — опасная болезнь, рано или поздно она обязательно приведет к неприемлемости. В одной редакции заведующий отделом пропаганды, начинающий газетчик, дымя папиросой, правил статью о вреде курения... Если бы это предложили Валентину, он прежде бы бросил курить.

Но несмотря на все неудачи, работа приносила настоящую радость, удовлетворение. Было ли счастье полным? Могло ли оно быть полным? Он часто задавал себе эти вопросы и каждый раз отвечал — нет.

Любить хотелось, это было просто необходимо.

...В тот вечер в театре шла «Пиковая дама», опера, которую он любил до того, что боялся слушать.

Валентин бродил по скверу вокруг театра. В ушах звучал голос Ольги, из головы не выходила мысль: «Ну, сходи к ней. Ничего ведь не случится. Посмотришь, и легче станет». Возвращаться в пустой номер и сидеть одному?.. Он махнул рукой и направился в кассу.

Оркестранты настраивали инструменты, когда он сел на место. В нестройном гомоне Валентин уловил знакомые мелодии: скрипка пела фразу из арии Елецкого, труба осторожно выводила ноту из баллады Томского, флейта — марш солдатиков из первого акта.

Сегодня музыка действовала на Валентина сильнее, чем когда-либо. Он не видел ни покосившихся декораций, ни круглого живота Германа, ни белого, нещадно напудренного лица Лизы. Сцены и певцов не было. Была только музыка. В ней боролись и не сдавались жестокой судьбе человеческие жизни.

После второго акта Валентин ушел из театра. Глотнув на улице свежего воздуха, он спокойно подумал: «Надо зайти к Ольге и рассказать ей обо всем».

— Молодец, что навестил, — сказала Ольга, проведя его в комнату, и в ее голосе он уловил не то грусть, не то недовольство.

На ней было старенькое ситцевое платье. В нем она походила на школьницу.

— Чаю хочешь? — спросила Ольга и испуганно отодвинулась. — Что с тобой?

— Знаешь.... — выговорил он и, обжигая пальцы, раздавил окурки.

Она прижала руки к груди, оглянулась по сторонам, словно ища, куда спрятаться, и ответила одними губами, беззвучно:

— Не надо... знаю.

— Все знаешь?

— Не надо...

Вдруг он шагнул к ней, обнял и, закрыв глаза, уткнулся головой в плечо.

— Не надо, нельзя, — просила она, а он понимал, что через мгновение он потеряет ее навсегда, и не мог убрать отяжелевшие, непослушные руки.

— Я сейчас уйду. Ты прости меня, — шептал Валентин. — Я без тебя не могу.

Валентин отошел. Ольга осталась стоять на месте, потерянная, напуганная.

— Как ты посмел? — дрожащим голосом сказала она. — Ты с ума сошел!.. Да как ты... да ты понимаешь, что ты... уходи.

В коридоре было темно, и он пошел медленно, осторожно держась за стену. Хотелось упасть на снег, закричать, ударить кого-нибудь, заплакать.

Дежурная по этажу, толстая девушка с заспанным лицом, как-то подозрительно посмотрела на Валентина, задержала ключ от номера в руках и, зевнув, спросила:

— Вам что, плохо?

— Очень, хуже не придумаешь, — ответил Валентин.

Если бы сейчас рядом появилась Ольга, он бы сказал ей: «Я люблю тебя и мне не перебороть любви. Я верю, что рано или поздно ты ответишь мне».

...На другой день Валентин уехал в леспромхоз.

Глава пятая

Свадьбу так и не сыграли. Сначала откладывали по разным причинам, потом Лариса заболела, а потом, когда снова зашел об этом разговор, потрогала руками поясик и, виновато улыбнувшись, отрицательно покачала головой. Лариса сшила себе широкий жакет, юбку с большим запасом в талии, носила туфли на низких каблуках, ходить старалась медленно, осторожно. Даже характер у нее изменился. Она стала сдержанней, неторопливей.

Олег словно забыл о том, что Лариса собирается стать матерью. Он обленился, осунулся, по неделям носил один и тот же галстук, чего раньше с ним никогда не бывало. Семейная жизнь томила его, и он не мог этого скрыть. Дом Ларисы попрежнему оставался для него чужим.

Лидию Константиновну он навещал чуть не каждый день и возвращался от нее навеселе, порывался к чему-нибудь придрататься, дерзил, а наутро просил прощения. Предчувствуя недоброе, Лариса делала все, чтобы не стеснять его. Если он вдруг садился к радиоприемнику и, не сводя глаз со шкалы, скучая, слушал передачу для работников сельского хозяйства, Лариса предлагала:

— Иди, погуляй, мне хочется посидеть одной.

Он вскакивал, и она без труда читала в его взгляде благодарность. Временами, обычно это случалось, когда Олег подолгу не бывал у матери, его охватывала страстная, бурная нежность к Ларисе, он не отходил от нее ни на шаг, читал стихи, что-нибудь рассказывал.

Иногда, наоборот, за вечер он не произносил ни слова — заводил пластинки. Из приемника раздавалась чеканная дробь румбы, удивленно выл саксофон... Измученный голос с тоской пел об осенних листьях, сорванных бурей, жаловался, что в испуге даже дети убегают от него.

— Я переживаю кризис, — сказал однажды Олег. — Тяжелый кризис.

— Никакого кризиса, Олик, нет, — мягко возразила Лариса. — Было много неприятностей, ты устал.

— Ты понимаешь, я не могу писать! — с тихим отчаянием признался он. — Мне все надоело. Я заранее знаю фразы, которые вычеркнет Копытов, я могу написать так, что он не поправит ни слова. Вчера я дежурил и лишний раз поразился, сколько в нашей «Смене» казенщины, серости, штампа! Не огнем дышит газета, а пылит.

— Почему ты молчал на партийном собрании?

— А! — он раздраженно махнул рукой. — Второй год Полуяров вежливо доказывает, что шеф не умеет руководить, а шеф спокойно сидит на месте. Чихал он на нашу критику.

— До поры, до времени.

— Ты идеалистка. Ты довольствуешься малым, — бросил Олег. — А я так не могу. Мне неприятно, что мной командует личность глупее меня.

— К сожалению, Олик, раздражение путает твои мысли, — печально сказала Лариса. — Ты много говоришь и мало делаешь. За последнее время ты не написал ничего интересного. Ты бездельничаешь.

— Есть причины.

— Неуважительные. Ты просто... просто новая жизнь тебе не по душе. Ведь так?

— Я этого не говорил.

— Смотри, милый. От безделья можно много глупостей натворить. Ехал бы ты в командировку, подальше. Засиделся ведь. — Она взъерошила ему волосы, чмокнула в щеку, прошептала: — Одна я тебя понимаю, все твои плюсы и минусы. Сыграем в шахматы, пока чайник кипит?

Она умела успокоить Олега, отвлечь его от мрачных мыслей, заставить работать. Когда Олег отлучался, Лариса подсаживалась к Александре Яковлевне. Мать держалась бодро, но дочь догадывалась, каких усилий ей это стоило.

— Мама, ты почему не очень веселая?

— Ты обо мне поменьше беспокойся. Я человек пожилой, я по-старому на многое смотрю.

— Ты недовольна, я знаю. Ты бы хоть поругала меня, что ли...

— А я тебя и не хвалю. Не за что тебя хвалить. Если ребенка вырастишь, я на судьбу не пожалуюсь. Не ты первая, не ты последняя голову не во-время потеряла. Ты потом не поскользнься. Ребенка на мужа не променяй.

— Мне они оба нужны...

— Не хватит тебя на двоих, — беспомощно сказала Александра Яковлевна. — Олег ведь не хочет ребенка?

— Нет, — с усилием призналась Лариса, — потому что не представляет, что это такое.

— Отлично представляет. Он не сможет быть настоящим отцом.

— Если не помочь ему.

— Ты еще девочка. Принимай жизнь такой, какая она есть, а не такой, какой она тебе кажется.

— Я принимаю ее такой, какой хочу сделать. Если это наивно, я согласна быть наивной... В общем, я подумаю над тем, что ты сказала. Мне ведь очень хочется, чтобы ты была счастливой, — Лариса мечтательно закинула голову назад. — Чтобы ты была самой счастливой бабушкой на свете!

Они не ссорились, хотя поводов для этого было более, чем достаточно. Но мать и дочь знали, что, если уж они не поладят, тогда надеяться будет не на кого.

Лариса не унывала. С каждым днем, по мере того, как рос ее ребенок, она чувствовала себя увереннее. Как это часто бывает с молодыми матерями, она похорошела, в движениях появилась неторопливая женственная плавность.

Самым трудным было — не приносить домой ту нервность, которой иногда отличалась работа в редакции. Копытов из одной крайности впадал в другую, созывал совещание за совещанием, дал приказ готовиться к читательским конференциям. Все это делалось на скорую руку, лишь бы показать видимость живой работы. Редактор по-прежнему не отсылал в типографию ни одного материала, не переписав его почти заново.

Поэтому дома Лариса вообще старалась не говорить ни о работе, ни о редакторе. При его имени Олег весь передергивался.

— Хуже нет, когда газетой руководит профан! — злился он. — Если его не выгонят, я уйду из редакции, переедем в другой город.

— Ни в коем случае, я никуда не поеду, — ответила Лариса. — Я люблю «Смену». Это моя первая редакция, первая газета... я должна думать не о том, чтобы сбежать, а чтобы сделать ее хорошей... Ты действительно собираешься в другую газету?

— А что? Вместе поедем, я не собираюсь уезжать один.

— Я не об этом. Я догадываюсь, Олик, в какую газету ты стремишься.

— Ерунда. Я и сам пока не знаю.

— Ты считаешь, что областная газета не соответствует масштабам твоего таланта, что тебе пора в центральную.

— Ну и что? — вызывающе спросил Олег. — А почему бы... Плох тот солдат и так далее...

— Поступай, как хочешь... Я бы даже посоветовала тебе уехать куда-нибудь, в другой город, в другую газету, одному. Поезжай, поживи, поработай...

— Ты... серьезно?

— Я уверена, что ты скоро вернешься в нашу редакцию, потому что привык к ней, к коллективу, к городу...

Олег обиделся и не стал продолжать разговор. Ему, видимо, нравилась роль непризнанного таланта. В последнее время он ничего не писал кроме информации, занимался обработкой авторских писем. Дома он до поздней ночи что-то печатал на пишущей машинке, сам заклеивал конверты, сам относил их на почту. Лариса легко догадывалась, что письма Олег отправлял в редакции центральных газет. Еще легче было догадаться о содержании ответов, потому что Олег не показывал их и день ото дня становился раздражительнее. Лариса не выдержала и сказала резко:

— Олик, ты начинаешь злоупотреблять моим терпением. Ты начинаешь капризничать.

— Что ты, Ларочка! — горячо возразил он. — Просто у меня неважные нервы, и я не умею сдерживаться.

Видимо, это угнетенное состояние, отсутствие интересного занятия и послужило причиной возобновления дружбы с Николаем, чего Лариса боялась больше всего. Рогов частенько выпивал, а у Олега силы воли хватало до первой рюмки.

Однажды вечером они пришли вместе.

— Прошу любить и жаловать, — сказал Олег. — Старый друг лучше новых двух, а то и трех.

Лариса хотела уйти, но Олег удержал ее.

— Останься, прошу тебя. Посиди с нами. Я хочу, чтобы ты подружилась с Николаем.

— Еще больше хочу этого я, — смущенно произнес Николай. — Я всегда мечтал...

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — предложил Олег. — Так, Ларочка?.. Надо помочь человеку, у него несчастье. Ты, Коля, не стесняйся: Ларочка поймет тебя.

— А что такое? — сразу оживилась Лариса. — Какое несчастье?

— Жена предлагает разводиться, — жалобно ответил Николай. — Ничего не могу понять... чем она недовольна?.. Хорошо жили и вдруг...

— Может быть, из-за этого? — Лариса постучала пальцем по бутылке.

— Что вы?! — изумился Николай. — Наоборот. Пока в доме все было хорошо, я не прикасался. А потом пришлось, как говорится, искать забвения...

— Может быть, просто повздорили?

— Куда там... Хожу дураком, стыдно знакомым показаться.

— Почему же вам стыдно? — недоуменно спросила Лариса. — Ей надо стыдиться, а не вам.

— Теоретически — ей, а практически — мне. Не очень-то приятно быть соломенным вдовцом.

— Согласна, что не очень-то приятно, но почему стыдно?

— Неужели не понимаете? — поразился Николай.

— Она еще ребенок, — покровительственно бросил Олег.

— Правильно говорят: жена страшна тем, что, когда надо, от нее не отделаешься, а когда не надо — она сама убегает, — с деланной небрежностью сказал Николай.

— Глупости! — отрезала Лариса.

— Философствовать уже поздно, — заметил Олег. — Следует предпринять контрудар. Я бы на твоём месте не стал ждать, пока сплетники узнают о твоём решении, а ушел бы сам.

— Не могу, — признался Николай.

— Вот это честно! — воскликнула Лариса. — Если вы любите ее, вы еще все можете исправить. Поговорите с ней по душам, попробуйте...

— Увольте. Пробовал... У себя дома сплю, как надоевший гость, на диване, под пальто и без подушки.

— Попросите Олика поговорить с ней.

— Ты с ума сошла, Ларочка! С какой стати? Она меня и слушать не станет. Она меня выгонит, и правильно делает.

— Но ведь надо помочь Николаю, у него несчастье. Это твои слова.

— Я и помогаю по мере сил, — огрызнулся Олег и начал разливать вино.

— На большее ты и неспособен! Я познакомлюсь с вашей женой.

— Сделай одолжение, — обиженно и насмешливо произнес Олег, — хоть завтра.

— Не завтра, а сегодня, сейчас.

— Помилуй, Ларочка! Во-первых, уже поздно, а во-вторых, мы хотим посидеть подольше.

— Сидите на здоровье. Где вы живете, Николай?

Николай закашлял, не решаясь ответить.

— Надо все-таки думать, Ларочка! — недовольно сказал Олег. — Не вредно иногда подумать.

— Правильно, милый, и не только о себе. Ты утешай друга по-своему, а я попробую помочь более надежным средством.

— Идеализм!

— Пусть. Где вы живете, Николай?

Он кое-как объяснил и пробормотал:

— Я, право, боюсь, что ваше посещение она истолкует...

— Ларочка, еще раз прошу, не выдумывай! — разгорячился Олег. — Смешно! Она примет тебя по меньшей мере за... — он покрутил пальцами около виска.

Лариса сказала:

— Провожать меня не нужно, здесь недалеко. Ждите меня.

Лариса торопилась. Она вполне допускала, что расстроенная горем женщина не станет ее слушать, и у самых дверей оробела.

Ей открыла черноволосая смуглая девушка в широких лыжных брюках, в голубой майке без воротничка, на которой белели буквы «РСФСР». Черные глаза смотрели спокойно, только густые брови удивленно приподнялись.

«Красавица!» — восхищенно подумала Лариса, оглядывая гибкую и стройную девушку, и печально отметила, что ее собственная фигура сейчас вряд ли кого-нибудь восхитит.

— Вам кого?

— Мне нужно увидеть... вас.

— Ах, проходите, — спохватившись, предложила Ольга. — Я узнала вас. Ваша фамилия Антонова?

— Да, бывшая Антонова, — весело уточнила Лариса. — Я решила подружиться с вами. Мужья наши дружат, почему бы нам не подружиться?

Ольга нахмурила брови и отвернулась.

— Я и сама понимаю, что веду себя немного... — упавшим голосом пробормотала Лариса, но Ольга перебила:

— Он просил?

— Нет, наоборот. Они отговаривали меня, но я не послушалась.

— Зачем же вы пришли? Ругать меня? Так мне от этого легче не будет. Я сама себя отругать могу.

— Я не знаю, зачем я пришла,— покачав головой, призналась Лариса.— Услышала, что у вас плохо... ну, и пришла. Скучно ведь вам одной сидеть? Вот я уйду, а вы будете гадать, что меня сюда принесло, и отвлечетесь немного.

— Очень хорошо, что вы пришли. Очень хорошо. Мне сразу легче стало.

Они по-девичьи порывисто прижались щеками друг к другу, и Ольга прошептала:

— Скажи, а зачем ты все-таки пришла?

— Он сказал, что ты просишь развода, и мне... ну, жалко его стало. И прибежала сюда.

— Развода прошу? — изумилась Ольга.— Он врет! Я ему этого не говорила! Жить я с ним не могу, но о разводе я не думала. Как-то в голову не приходило. Я о том думаю, почему это у нас получилось... мучаюсь... Почему получилось? И не спрашивай, не знаю. И ему не говори. Он все равно ничего не поймет... Я противная?

— Нет,— твердо сказала Лариса.— Мы с тобой потом поговорим. А почему Николай без подушки спит?

— На двух подушках спит.

— Не может быть!

— Ну, посмотри на кровать, если тебе так уж интересно.

— Он разве не на диване спит?

— На кровати. А я на диване. А в чем дело?

— Все ясно,— задумчиво проговорила Лариса,— не спрашивай, потом объясню. Значит, мы с тобой подружись?

Ольга проводила ее почти до самого дома.

— Ну? — насмешливо спросил Олег, когда Лариса вошла в комнату.

— Поговорили,— неопределенным тоном ответила Лариса.

— Словом, визит успеха не имел! — торжествующе воскликнул Олег.— Присаживайся, Ларочка.

— Я устала, я пойду лягу...

Николай стал собираться, выжидающе поглядывая на Ларису. Но она молчала, и он распрощался.

— Неплохой ведь парень,— снисходительно заметил Олег,— но газетчик неважный. И очень уж хочет выдвигаться.

— Неужели сильнее, чем некоторые?

— Некоторые — надо понимать — я? Да, сильнее. А мне выдвижения не надо. Пусть на всю жизнь останусь литрабом, только бы писать. В лексиконе Рогова нет слова карьера, но она его влечет сильнее, чем жена.

— Ты стал развязным, Олик.

— Это от вина. Просто в последнее время я слишком много думаю, а это вредно, потому что придумать ничего не могу... Можно одну пластинку?

Он поднял крышку электропроигрывателя. Зашипела пластинка. Олег слушал, опустив голову на руки. Негромкий выразительный тенор пел с усталой обреченностью:

Мы — осенние листья, всех нас бурей сорвало,
Нас все гонят и гонят ветров табуны...

— Ты знаешь, Ларочка,— неожиданно громко сказал Олег,— мне иногда кажется, что... я вот вроде осеннего листа...

— Ложись-ка спать, страдалец,— ласково предложила Лариса.

— Ты не понимаешь...

— Ложись спать,— настойчиво повторила Лариса.— Я хорошо понимаю: в твоей критически мыслящей голове накопилось много вопросов, в которых ты не можешь разобраться. Вот и нервничаешь.

...Спала Лариса чутко. Заслышав среди ночи чьи-то шаги, она сразу проснулась. В комнате было темно. В углу светилась желтая шкала включенного, но молчащего радиоприемника. Лариса уловила запах табака. Олег ходил в конце комнаты, у дверей, вдоль стены; в темноте плавал огонек папиросы. Иногда огонек застывал на месте, качался из стороны в сторону и снова двигался вдоль стены.

— Почему ты не спишь? — строго спросила Лариса.— Что случилось? Какой час?

Олег зажег настольную лампу и поднес к Ларисе часы.

— Пять часов?! Что с тобой?

— Бессонница,— иронически ответил Олег.— Мыслию о жизни.

— Нельзя быть таким беспомощным! — возмущенно сказала Лариса, обеспокоенно вглядываясь в него.— Надо

быть мужчиной. А ты раскис от нескольких неудач. Страдалец!

— Да я страдаю! — присев на кровать, заговорил Олег. — У меня такое ощущение, словно мне связали руки и заткнули рот...

— Ты думаешь, что говоришь?

— Я бы рад не думать! Ежечасно, ежесекундно я должен разыгрывать роль счастливого семьянина.

Он сказал это подчеркнуто отчетливо, смотря в лицо жены, она выдержала его взгляд и глухо проговорила:

— Открой форточку, ужасный воздух. Как проветрится, ложись спать. Утро вечера мудренее.

— Так я и знал, — с ноткой злорадного торжества заключил Олег. — Хоть головой об стену бейся, ты будешь твердить свое. Тебе до меня дела нет. Ты не хочешь понять, что творится со мной.

Сон, конечно, пропал. Лариса сидела на кровати, прильнув к стене. Олег ходил по комнате.

— Спасибо за откровенность, — еле слышно сказала Лариса, — я знала, что тебе тяжело, но не догадывалась, что ты играешь какую-то роль... счастливого семьянина. Ты долго еще будешь меня мучить?

— Я? Тебя?

— Я не держу тебя. Уходи. Хоть сейчас. Я выживу. Я ведь не настаивала на регистрации. Уж лучше сожительство без регистрации, но по любви, чем с регистрацией, но... по-твоему. Уходи, но запомни: без меня ты не будешь...

— Настоящим журналистом?

— В конечном счете, да. Ты сейчас стоишь на развилке двух дорог. Одна тебя приведет к тем, против кого мы боремся... Эти самые... бездельники и прожигатели жизни, которые за лишнюю копейку напишут, что угодно, о чем угодно и как угодно... Я мечтала, что ты пойдешь по нашей дороге, с нами, честными людьми... Я никогда бы не устала помогать тебе... Если ты уйдешь, ты собьешься с дороги. Никто не знает, о какие камни ты можешь споткнуться в любой момент. Только я... Поверь, мне обидно не за себя, а за тебя. Ты много раз влюблялся, у тебя было великое множество поклонниц, мягко выражаясь. И неужели ты до сих пор, после того, как узнал меня, не научился еще отличать похоти от любви? Ведь если бы ты

уходил от меня к женщине, которая любила бы тебя по-настоящему, если бы ты любил ее, я бы ни слова не сказала... Ну, что ж... Но ведь тебя тянет в пустую, грязенькую жизнь, к тем, кто ни любить, ни работать не умеет. Ведь ты умный, Олик, почему же ты не понимаешь, что с минуты на минуту можешь стать человеком негодным и мелким?

Олег выслушал ее, не пошевелившись, спросил:

— Объясни мне одно: ради чего ты взяла на себя эту неблагодарную миссию — наставлять на путь истинный законченного мерзавца?

— И ты еще спрашиваешь! — с болью ответила Лариса. — Ты знаешь, ради чего я осталась тогда с тобой, ради чего за тебя объяснялась с твоими родителями, ради чего разговариваю сейчас... Чтобы отблагодарить тебя за откровенность, скажу о том, о чем ты не подозреваешь. Теперь я вижу — ты стал моим мужем потому, что пожалел меня, решил смириться с неудавшейся судьбой. А я стала твоей женой потому, что верю: ты полюбишь меня, или я ошиблась в тебе... Вот и все.

— Невероятно, — пробормотал Олег. — Откуда ты это взяла? Я люблю тебя, но...

— Надоело, Олик, — мягко остановила Лариса, — надоели многочисленные «но»...

— С тобой невозможно разговаривать.

— Потому что я права. Только поэтому. Включай чайник. Пора вставать. Я очень довольна нашим неожиданным разговором. Ты делаешь успехи, становишься откровенным.

— Что же ты решила?

— Мне решать нечего. Я, так сказать, выполнила все домашние задания. Тебе надо решать. В общем, не выпаслась я...

* * *

Пора было выезжать в редакцию: срок командировки истек, деньги кончились, блокноты исписаны, в авторучке остались последние капли чернил.

От лесоучастка до базы леспромхоза — километров пятнадцать — Валентин проехал на тракторе, от базы до районного центра — километров шестьдесят — на лошади, затем километров сто до железнодорожной станции — в кузове машины. Эту сотню километров он запомнил

надолго. Уже через несколько минут после отъезда Валентин до того заковенел, что захотелось выпрыгнуть из кузова и идти пешком... А ехали больше шести часов.

В вагоне он залез на третью полку и попытался уснуть. Но сон не приходил. Временами Валентин впадал в забытие и тогда не мог понять, где это стучат колеса, затем припоминал, что поезд везет его к Ольге, и тогда стук становился то радостным, то тревожным, разгоняя остатки сна. Равномерное покачивание придавало мыслям ленивую неторопливость и сонное равнодушие. Валентин размышлял о последних событиях сосредоточенно, спокойно, словно о давно случившемся.

Смешно, конечно, думать, что счастье само упадет в руки. Ясно одно: она будет с ним во что бы то ни стало. Он уверен. Может быть, на узкой тропинке к счастью немало камней и ям, но он не остановится, сколько бы ни пришлось идти.

В гостинице Валентин подсчитал, сколько дней осталось до зарплаты, взял койку в общем номере и заснул тяжелым сном. Встав после полудня, он разволновался, подумав, что, выйдя на улицу, может встретить Ольгу.

В редакции он впервые ощутил, что вернулся сюда, как в родной дом.

— Привет лесорубам! — кивнул Олег. — Сколько очерков?

— Ни одного. Копытов отучил очерки писать.

— Ого! — одобрительно воскликнул Олег, взгляделся в Валентина. — Дельная мысль... Знаете что? Приходите вечером ко мне в гости?

— Сразу и в гости?

— Мне интересно поговорить с вами о том же Копытове, например. Тем более, что жена вас хвалит. А это уже рекомендация, к которой следует прислушаться. Буду ждать.

Обрадованный возможностью навестить Ларису, Валентин даже набрался решимости показаться Копытову.

— Совсем нельзя, — остановила его Маро, — никого не пущу. Доклад редактор пишет.

Подошел Николай, молча подал руку. Рука у него была мягкая, чуть влажная, он именно подавал ее, вместо пожатья шевелил пальцами. Он постоял, покачиваясь на носках, спросил:

— Что привезли?

- Кое-что. Еще не разобрался.
- Почему по телефону ничего не передали?
- Связь плохая.

Оба почувствовали, что разговор не получается, и замолчали. Николай ушел.

— Зачем грустный? — спросила Маро. — Не сердись. Лариса сказала — ты всегда хороший.

— А где она?

— Быстро придет. — Маро наклонилась к Валентину. — Мне ее жалко, ой! У нее муж... — она покачала головой. — Лариса его совсем зря любит. Больше ничего не скажу, я не сплетница. Сам посмотри.

И Маро выбежала.

Валентин вернулся в отдел и сел писать, стараясь не смотреть на Николая... Ведь подумать только, сколько неприятностей доставляет человеку неудачная личная жизнь... Бывает, что сильные, много испытывшие на своем веку люди иногда гнутся под ее тяжестью. Но никуда от личной жизни не денешься. Можно забыть в работе. Но, придя домой, будешь кусать губы, думая о том, что живет на нашей планете женщина, власть которой над тобой неодолима.

...Надо работать. На листе бумаги одна за другой появлялись строчки, которые еще не скоро станут печатными. Долгий, порой извилистый путь пройдут они, прежде чем попадут на газетную полосу. И только тогда начнется их настоящая жизнь — они станут оружием и вступят в бой, часто затяжной и упорный, часто рискованный для журналиста. Тот, против кого они направлены, сдастся не сразу.

Радостно чувствовать себя журналистом не по случайному совпадению обстоятельств, а по призванию, когда не можешь не быть журналистом, когда с благодарностью принимаешь от судьбы и удачи, и горести трудной газетной профессии.

— Валька! — услышал он обрадованный голос Ларисы. — Ты ли это?

— Я, именно я, — взяв ее за руки, ответил он. — Как живешь-можешь?

— Вот полнею понемногу.

Держалась Лариса попрежнему непринужденно, двигалась свободно, легко. Неожиданно Валентин вспомнил недавний разговор с Маро, пристально взгляделся в Ларису, но не нашел в ней и тени печали.

— Сегодня я у вас в гостях. Муж пригласил. Не возражаешь?

— Лишний раз убеждаюсь, что муж знает мои запросы.

— Товарищ Лесной Валентин! К редактору! — крикнула из коридора Маро.

Копытов встретил Валентина весело.

— Хорошо отдохнул? — спросил он. — В командировке-то ведь раздолье, не то, что в редакции. Ходишь себе на свободе, начальству до тебя не дотянуться, не схватить. Что привез?

— Статью о комсомольской организации Синевского леспромхоза, затем...

— Положительную?.. Нет? Жалко. Сейчас необходимо пропагандировать опыт комсомольской работы в лесу. Важно, понимаешь ли, не только критиковать, но и показывать передовые примеры.

— Совершенно с вами согласен, но...

— Лесозаготовкам сейчас уделяется особое внимание. Мы не можем не учитывать этого. Хорошо бы сделать статью секретаря комитета комсомола о том, как молодежь борется за выполнение производственных заданий. Понимаешь?.. Да, я решил назначить тебя в отдел рабочей молодежи... Недоволен, что ли?

— Нет, — неуверенно проговорил Валентин, — буду работать.

Дверь закрылась за Валентином как-то особенно громко. К сердцу подступила обида. Копытов, конечно, не виноват. Злиться на него глупо. А он, Валентин, в чем виноват? Теперь каждый день будет мукой... Каждый день встречаться с этим... существом... которое... Что делать?

Надо взять себя в руки. Это первое.

Надо держать себя в руках. Это второе.

Держать себя в руках во что бы то ни стало. Это третье.

Ну, а дальше? Так и жить? Нет, не о такой жизни он мечтает. Ему нужна радостная жизнь... Но жаловаться на судьбу — только время тратить. Хныкающих она не любит.

Валентин заставил себя сейчас же пойти к Рогову и сообщить о назначении. Николай снял очки, сделал важное лицо и сказал озабоченно:

— Горы свернем?..

Наклонив голову, Валентин старался не смотреть на него, придумывал предлог, чтобы уйти, но не уходил: если сейчас не сдержишься, потом во сто раз хуже будет. Он проговорил:

— Можно и горы свернуть.

— Вот квартальный план отдела, включайся. Быстрее сдавай командировочные. По лесу давно материалов не было. Вишняков ездил, привез одну сплошную ругань. Надо положительное.

Валентин сел за стол. Николай втянул голову в плечи, помрачнел. Он не умел долго скрывать своего настроения. Ему даже немного нравилось выглядеть страдающим, уставшим. Если никто не догадывается о причине, страдающий человек выглядит благороднее, значительнее. А Валентина раздражало именно это. Быть страдающим нытиком с такой женой! Ничего не подозревающий Николай не испытывал к Валентину никакой неприязни, хотя его в свое время обидел неожиданный и непонятный отказ распить бутылку вина, который самолюбивый Николай сначала воспринял как личное оскорбление.

Вечером, закончив писать статью, довольный работой, Валентин пришел к молодым Вишняковым. Встретили его радостно. Олег усадил Валентина на кушетку, подтолкнул домашние туфли, включил приемник. Чай пили молча, слушая, как известный эстрадный певец вздыхал: «Нет, не забудет солдат...»

— Уютно у вас,— заметил Валентин.— Хорошо. Чувствуется, что семья живет. Вот у меня в комнате (у меня не плохая комната на прежнем месте была) как я ни старался, не было уюта. И вещей мне хозяйка дала, а вот кто ни зайдет, сразу скажет, что в комнате чего-то недостает.

— Чего же недоставало в комнате? — заинтересованно спросил Олег.

— Еще одного человека.

— А-а,— разочарованно протянул Олег,— холостяцкий лиризм. А ты почему не женишься? Боишься свободу потерять?

— Олик,— тихонько позвала Лариса.— Чуть-чуть пошловато получилось.

— Я вот подрасту, буду с лекцией перед студентами выступать,— пошутил Валентин,— чтоб обязательно невест себе еще в вузе находили. Ведь правда? За пять лет учебы можно прекрасно разобраться друг в друге, сблизиться...

— А сам ты?

— Ну, у меня по ряду причин бестолково все получилось.

— Ты говоришь так,— сказала Лариса,— будто тебе по меньшей мере за девяносто. Не всем же создавать семью обязательно рано, ну, как у нас с Оликом.

— А зачем ждать? — просто спросил Валентин. — Помоему, чем раньше, тем лучше. Будет у меня сын, я пожелаю ему как можно раньше встретить подругу жизни.

— Я что-то не понимаю этой теории,— поморщился Олег.

— Могу объяснить популярно. Нормальная жизнь человека немыслима без семьи. Я имею в виду не физиологию, а духовную жизнь. Чем быстрее человек создаст семью, тем скорее встанет на ноги. Тем скорее сможет приняться за большие дела... Вот я сейчас, к примеру, много думаю о том, что у меня впереди еще много забот. Мысли эти отвлекают и силы, и внимание. Будь у меня сейчас семья, я бы чувствовал себя уверенней.

— Мальчишки, мне нужно на кухню, вы без меня не разговаривайте! — умоляюще попросила Лариса и быстро вышла.

— Вся твоя семейная теория,— насмешливо сказал Олег,— полетит к черту, стоит мне задать тебе один вопрос.

— Едва ли.

— Вопрос такого рода: если отсутствие семьи отвлекает тебя, то что мешает тебе завести, ну, хотя бы подобие семьи—из двух человек? Ну, до встречи с настоящей...

— А я кроме настоящей ни к кому не прикаснусь.

— Ого! — тихо произнес Олег.

Впервые они посмотрели друг на друга изучающе. Впервые на какое-то мгновение почувствовали неприязнь друг к другу. Но Олег сказал примирительно:

— Ты по-своему прав... Да, любопытно узнать: ты переписываешься с однокурсниками?

— Да.

— В нашем выпуске было тридцать человек. Всех их направили в редакции. Ты думаешь, все они журналисты? Нет, многие из них человекоединицы, окончившие факультет журналистики.

— Олег сел на своего любимого конька,— огорченно сказала Лариса, входя в комнату.

— Это не конь, а больная мозоль... Ведь я прав? Прав. Или бывает еще хуже: присылают в редакцию провинившегося комсомольского или партийного работника. Имеет, говоря, большой опыт. А он, кроме отчетов да докладных записок, никогда ничего не писал. Журналист! Почему у нас отдел пропаганды и агитации такой слабый? Потому, что там сидит не газетчик, а партийный работник. Он писать не умеет! Вот и толмит общеизвестные истины. У него одна забота — не наврать бы в цитатах. Или наш шеф. Какой он, извините за выражение, редактор? Кого только не найдешь в редакциях, кроме журналистов!

— Не надо нервничать,— мягко остановила Лариса,— не надо преувеличивать.

— Я не преувеличиваю.

— Или носишься с единичными случаями!

— Каждый случай сам по себе, конечно, единичен... В конце концов, имею я право доказывать свое?

— Доказывай,— сухо произнес Валентин.— Только зачем все на высоких нотах?

— Непонятно? Да? Может быть, ты сделаешь удивленные глаза, когда я скажу, что в редакциях сидит много перестраховщиков? Почему еще мало появляется резких, по-настоящему смелых статей?

— А ты такие статьи писал?

— Ну, предположим, я написал такую статью и принес ее к шефу, подчеркиваю, принес не к обобщенному образу советского редактора, а к известному вам Сергею Ивановичу Копытову. Так ведь он ее печатать не будет!

— Видишь ли, Олег... — Валентин посмотрел на него, потом на Ларису, подумал, спорить или промолчать.— Я беспокоюсь не о том, напечатает Копытов какую-нибудь мою статью или не напечатает. Я беспокоюсь о том, что смогу ли я, хватит ли у меня знания жизни и таланта написать такую статью, которую Копытов побоится напечатать. А будет так — тем хуже для него. На нем свет клином не сошелся.

— Однако ты оптимист...

— Я согласна с тобой, Валентин,— твердо сказала Лариса.— Работать надо, учиться писать, а не предсказывать трудности. А ты, Олик, вместо работы заботишься об условиях. То тебе не ладно, другое тебе не ладно, тот плох, этот глуп. А ты работай!

— Не могу!

— Потому что думаешь о себе, а не о газете. Ты беспокоишься о «Смене» только потому, что тебе не хочется работать в плохой газете.

— Законное желание.

— Вряд ли. Надо думать над тем, как сделать «Смену» хорошей газетой, а не выбирать место, куда сбежать.

Лариса ушла доливать чайник. Валентин, забывшись, обрадованно шепнул Олегу:

— Замечательная у тебя жена.

— Да. Чудесная.

— Неужели ты обиделся на нее?

— Нет, привык к ее детским рассуждениям... Собственно, почему ты вдруг заинтересовался ей?

— Да так. Завидую я тебе. Надоела холостяцкая жизнь хуже горькой редьки. Честное слово, надоела. Общежития, гостиницы, пустые комнаты...

— Романтика.

— Со стороны. Иной раз даже к мещанскому счастью тянет. Хочется в собственной квартире за собственным самоваром с собственной женой посидеть... Рогов с женой как живут? Хорошо?

— На грани развода.

— А ты не путаешь ничего? — оторопело спросил Валентин. — Нет, не может быть... Ну, почему так бывает?

— Закон природы... А на Николая жалко смотреть. Он сам виноват. Она давно ему изменяет.

— Неправда! — горячо возразил Валентин, покраснев. — Сплетни это.

— А ты откуда знаешь? — удивился Олег. — Может быть, ты влюблен в нее?

— Нельзя просто так, не проверив, чернить человека!

— Ну, хорошо, беру свои слова обратно.

Лариса вошла и сразу почувствовала, что Олег и Валентин повздорили. Она сказала, взяв их за руки:

— Надо спорить, но не надо ссориться. О чем вы это?

— Мы не ссорились, — ответил Олег. — Я сделал предположение, что жена Рогова изменяла ему, а Лесной взъелся.

— Я виноват, не сдержался... У вас жарко.

— Олег, ты занимайся своими делами, а мы с Валею пойдем посекретничаем, — быстро проговорила Лариса. — Возражений быть не может.

Прикрыв за собой дверь в кухню, Лариса спросила:

— Как же так? Ведь ты совсем недавно приехал...

— Вот так,— оставшись стоять у дверей, тихо ответил Валентин.— Тебе я могу рассказать... Ты веришь, что можно любить долго... всю жизнь? Не смотря ни на что...

— Я-то верю,— задумчиво протянула Лариса.— Я очень верю... И давно ты ее... знаешь?

— Лет шесть, но не в этом дело, Лариса! — Валентин сжал кулак и легонько постучал им по столу.— Понимаешь...— он поколебался и продолжал: — Я знаю, мне надо уехать или... что-то делать надо. А я не могу! Вбил себе в башку, что... что все хорошо кончится...

— Это так неожиданно для меня,— растерянно проговорила Лариса,— я не знаю, что тебе и посоветовать... Уезжать не надо. Это ясно. Я бы не уехала, я бы постаралась... стать счастливой...

Сказала она это как-то уж очень горячо, по-детски, и Валентин невольно улыбнулся. Он прошелся по кухне, остановился около задумавшейся Ларисы и произнес:

— Спасибо... Вот так поговоришь, и легче немного.

— Немного... А она знает?

— Знает. Она очень, очень добрый, хороший человек... Я знаю, она не обидит меня, не оскорбит... Поэтому и признался... В общем, об этом можно говорить долго. Сейчас я, пожалуй, пойду. Хочется поработать.

Чтобы не растерять грустное, но светлое настроение, он не стал задерживаться. Разговор с Ларисой был своеобразной разрядкой: он успокоил, а не расстроил его. Хотя чувство к Ольге было первой любовью Валентина, оно было зрелым, ровным, устойчивым, почти без взлетов и падений. О своей неудачной любви он думал большей частью сдержанно, особенно после последнего разговора с Ольгой, когда ему стало ясно, что никуда от нее не уйти.

В общем номере гостиницы, где громко храпели уставшие за день командированные, Валентин сбросил пиджак и сел писать. Радостный, взволнованный, он снова переживал увиденное им в леспромхозе, легко подбирал нужные слова, мысли превращались во фразы свободно, без напряжения.

Но через полчаса он перечеркнул написанное, заменил заголовок и снова склонился над бумагой. За фразами вставали живые люди, с которыми Валентин беседовал на лесосеках, в кабинах трелевочных тракторов, в общежитиях.

Они, люди, отнесшиеся к нему с доверием и надеждой, словно стояли сейчас рядом, у стола, внимательно следили за его рукой, поправляли, подсказывали. Он выступал от имени их, доверивших ему свои желания и мысли. У него была внутренняя потребность своим пером помогать им бороться с недостатками или поддерживать перодовое. Валентин никогда не писал, если увиденное не задевало, не трогало его. Но если он брался за перо, то вкладывал в рукопись все, на что был способен. Валентин не просто излагал факты и давал им соответствующую оценку, он боролся. Он знал, что чем лучше он напишет, тем больше будет пользы от его корреспонденций.

Почти каждый журналист знает, что написать статью, достойную опубликования, — не так уж трудно. Но напечатать статью, которую заметит читатель, — мечта, требующая огромного труда.

Тяжело писать всегда одинаково хорошо, когда положено ежедневно сдавать сто пятьдесят-двести строк в очередной номер. Из-за этого газетчики часто не выдерживают творческого напряжения, устают и тогда пишут правильные, но не интересные статьи, о которых сами же забывают на другой день после выхода номера.

Хорошо, что Валентин присматривался к газетной работе, к журналистам, анализировал, делал выводы. Ведь он поставил перед собой цель стать незаурядным журналистом и не жалел на это ни сил, ни времени. Но так же, а может быть, еще упорнее работал Копытов. У Валентина было больше вкуса, умения писать, азарта, беззаветной любви к газете. Почти всеми этими качествами обладал и Олег. Значит, не это самое главное.

А что же?

Валентин сравнивал между собой многих знакомых ему газетчиков и не мог ответить на вопрос. Пока он знал только одно: славы ему не нужно, деньги — вещь полезная, но не ради них он по несколько раз переписывал свои рукописи. Не корысть привела его в газету.

Стремление к личной выгоде проявляется по-разному, иногда в самой неожиданной форме. Беспокоится Копытов об анкетных данных — он о себе думает, а не о редакции.

И Валентин постепенно пришел к твердому, непоколебимому убеждению, что настоящий журналист должен отличаться абсолютной, кристальной честностью: не думать о себе, а только о тех, для кого пишешь. Даже

о начальстве можно забывать, о читателе — никогда. Укор читателя страшнее десяти редакторских выговоров.

Значит, нельзя писать равнодушно. В каждой статье должны быть личные переживания, страстная выношенная мысль и много труда. Вот тогда станешь драться за свою статью, за слово, тогда тебе будет не безразлично, в каком виде статья появится на свет. Тогда ты будешь не просто писать статьи и высказывать в них общеизвестные истины, а вносить свой вклад в общее дело.

Как ни странно, у журналистов остановка творческого роста довольно частое явление. Приходит в редакцию молодой человек, начинает работать все лучше и лучше, становится хорошим газетчиком. С годами копится опыт, навыки. Все привыкают к тому, что он пишет хорошо. И никому не придет в голову, что он давно уже пишет действительно не плохо, но на одном и том же уровне.

Почему так бывает?

Много неясных вопросов накопилось у Валентина. Он размышлял над ними и не сомневался, что сама жизнь поможет ему решить их глубоко и правильно.

На другой день Валентин переписал черновик, перепечатал статью на машинке и отдал Николаю. Тот прочитал и сразу куда-то ушел. Вернувшись, он сказал:

— Зайди к Сергею Ивановичу... Рукопись у него.

Валентин вскочил со стула, но сдержался и спросил тихо:

— Почему? Ты подписал ее?

Николай обиженно насупил, пожевал губами и ответил с достоинством:

— Такие вопросы я не могу решать сам. Я пошел посоветоваться.

— Ну, а твое мнение?

Николай снял очки, подышал на них, протер платком, надел и проговорил:

— Я бы не возражал против опубликования, но с целым рядом поправок.

— Почему ты ничего не сказал мне?

— Знаешь, Лесной, я отнес материал не куда-нибудь, а редактору.

— Словом, ты испугался высказать свое мнение! — сколько ни сдерживался Валентин, он говорил, весь дрожа. — Я считаю такое поведение глубоко неприемлемым!

— Идите к редактору, юноша,— сухо предложил Николай, с ожесточением проводя рукой по своим коротким волосам.— И не гордитесь мелочной принципиальностью.

— А у принципиальности масштабов нет. Если ты в мелочах не можешь быть до конца принципиальным, значит... впрочем...— Валентин заметил, что говорит раздраженно.— Прости меня, я излишне нервничаю.

— Совершенно другой разговор! — обрадовался Николай.— Иди к шефу, потом исправишь, что нужно, и через неделю получишь гонорар.

Копытов показал Валентину на кресло и уткнулся в рукопись.

Лица редакторов обычно отличаются бесстрастностью. Трудно встретить редактора, который смеялся бы, читая фельетон, или хмурил брови, читая гневную критическую статью, которую ему предстоит подписать в набор. Все рукописи редакторы читают с одинаковым каменным выражением лица.

— Да-а,— протянул Копытов, положив на статью большие жилистые руки.— Два раза прочитал. Интересно, понимаешь ли.

— Правда? — обрадованно воскликнул Валентин.

— Я не об статье, я о тебе,— поправил Копытов.— Ты всегда так пишешь?

— Всегда. Стараюсь.

— Плохо. Ты ведь в газету пишешь. Понимаешь? Каждое слово обдумать надо. А ты накатал все за один присест и переписать поленился. Ерунда получилась. Не пойдет.

Валентин представил, как знакомые ему молодые лесорубы с надеждой будут каждый день раскрывать газету, отыскивая его статью, и ответил:

— Надо напечатать. Я не согласен с вами.

— А ты послушай сначала, не петушишься,— обиделся Копытов.— Не воображай, что больше всех знаешь. Не ты меня на это место посадил, а тот, кто посадил, тот, понимаешь ли, проверил, на что я горазд. Учись. Обком комсомола считает комсомольскую организацию Синевского леспромхоза одной из лучших в области. А ты что написал?

— Что комсомольская организация почти не работает, не участвует в решении производственных вопросов, не заботится о бытовых условиях рабочих леспромхоза. А условия — отвратительны.

— Во! Во! Увидал, что в бараках радио нет — и готова статейка! А ты знаешь, что леспромхоз план выполняет?

— Но ценой каких усилий?!

— Ты мне о трудовом героизме пиши, о соревновании, понимаешь ли, о выполнении плана! А не то, что душе угодно!

— Не грубите, Сергей Иванович.

— Опять за рыбу деньги,— жалобно произнес Копытов.— Слова вам сказать нельзя. Не умею я слова в конфетные обертки заворачивать. Да ты спрячь самолюбие в карман! О деле думай, выбери, что важнее: оно или самолюбие?

— Отдайте мне статью.

— Подожди. Давай договоримся о переделке. Подумай еще, проанализируй и... на первый план дай положительное, а на второй — недостатки.

— Вы меня за идиота считаете? Или за подлеца?

— Я так не могу! — стукнул ладонью по столу Копытов.— Так нельзя работать! Нельзя! Никакой, понимаешь ли, дисциплины, никакого уважения. Я ведь за газету отвечаю, а не ты.

— Вы. И я. И мы.

— Брось ты, Лесной. Ты парень толковый, только зря выше головы прыгаешь. Зря. На свою голову особенно не надейся. Умней наших головы есть. Так вот... Не мы обком учим, а он нас. Ясно?

— Статьи я переделывать не буду, Сергей Иванович. Разрешите мне использовать ее по своему усмотрению?

— Это как понимать?

— Пошлю куда-нибудь!

— Вот что...—Копытов задумался.—Посылай. Только... ну, что тебя тянет именно о недостатках писать?

— Леспромхоз систематически перевыполняет план. Об этом писали много. Что нужно сделать для того, чтобы леспромхоз улучшил работу?

— Распространять передовые методы труда,— отчеканил Копытов.

Валентину хотелось махнуть рукой и выбежать, хлопнув дверью, но он сдержался и стал объяснять подробно, неторопливо:

— Вы рассуждаете теоретически, Сергей Иванович. А я знаю обстановку в леспромхозе, знаю требования лесорубов. Им нужны нормальные бытовые условия. Тогда они

будут творить чудеса. А комсомольская организация занимается только сбором показателей. За все факты, за правильную постановку вопроса я отвечаю головой.

— Никому твоя голова не нужна. Я тебе еще раз повторяю: обком считает комсомольскую организацию леспромхоза хорошей. Так зачем тебе...

— Не мне.

— А кому?

— Тем, о ком я пишу. Я знаю, что им нужно.

— В общем, я с обкомом спорить не буду, не вижу оснований.

— Намеренно не видите оснований?

— Хватит, Лесной. Иди.

Валентин вышел из кабинета редактора, не обескураженный спором. Он был уверен в своей правоте, а это — самое главное. Однако на Ларису его рассказ произвел удручающее впечатление.

— Возмутительно,— передернув плечами, сказала она.— Копытов зарвался. Он разгонит нас всех, только бы не возражать обкому, только бы не высказать свою точку зрения... Я одного не понимаю: как такие попадают в руководители?.. Ну, начальник обязан быть строгим, требовательным, даже жестким. Но строгость и требовательность должны оправдываться не тем, что он сидит на номенклатурном стуле, а тем, что он умнее и опытнее подчиненных. Представь себе, что Копытов работает не редактором, а литсотрудником. Никто не подойдет к нему за советом, сейчас к нему ходят лишь за разрешением. А вот кем бы ни работал в редакции Павел Павлович, к нему всегда будут ходить и за советом и за помощью. Когда я ему отдаю рукопись, я думаю не о том, подпишет ли он ее в набор, а о том, что он мне скажет... А Копытов против авторитетов, завоеванных делами, он за должности, за анкетные данные. Себя он считает редактором только потому, что его посадили за редакторский стол. Посади его сейчас на место постановщика балетных спектаклей, и он будет считать себя балетмейстером. А самое главное, самое неприятное, обидное то, что мы для него не люди, а подчиненные.

Рядом с Ларисой Валентин чувствовал себя уверенней. В ее отношении к нему сквозило что-то материнское.

— Что-нибудь придумаем,— твердо сказал он.— У нас

накопилось много жалоб, недовольств, надо в них разобраться.

— Сергей Иванович отлично знает обо всем. Были и партийные собрания, и просто собрания, и производственные совещания. На каждой летучке мы говорили о нашей плохой работе и о нем.

— Ну и что?

— И ничего, — Лариса развела руками, — как-то странно получается: спасает его должность. Не укусишь...

— Неправда, — ободряюще улыбнулся Валентин. — Я, например, не успокоюсь до тех пор, пока не напечатаю статью. Или напечатаю, или прямо в цека партии обращусь! А что? — запальчиво спросил он. — Вот мы пишем, Копытов некоторые вещи заворачивает, доказывает, что мы не правы. Мы соглашаемся. А вдруг мы правы?

— Это очень серьезный разговор, Валя, — после паузы сказала Лариса. — Пожалуй, ты прав. Надо подумать.

Вернувшись в свою комнату, Валентин сразу заметил, что Николай выжидающе смотрит на него. Рогов встал, помолчал и спросил:

— Компанию себе подбираешь?

Валентин, чтобы не поддаться злости, не нагрубить, промолчал.

— У супруги день рождения, — продолжал Николай. — Но у нас никого сегодня не будет. Может быть, ты зайдешь? Посидим. Бутылочку разопьем.

— День рождения? — У Валентина даже просветлело лицо. — Сколькó ей?.. Двадцать пять?.. Значит, подарок надо?

— Нет, не надо. Посидим, потолкуем. Может быть, она с нами посидит.

— Хорошо! Я обязательно приду! — взволнованно проговорил Валентин. — И обязательно с подарком.

— Это уж твое личное дело, — Николай потер руки. — Значит, часиков в восемь?

Валентин забежал в несколько магазинов и понял, что купить подарок не так-то просто. Хотелось подарить ей что-нибудь невероятное, а такого в магазинах не было. Пришлось остановиться на традиционной коробке духов.

Недалеко от дома Роговых Валентин нагнал Николая. Тот шагал быстро, что-то бормоча под нос. Заметив Валентина, он взял его под руку и начал рассказывать о том, что скоро он помирится с Ольгой, и все пойдет по-старому.

Николай говорил громко, с увлечением, будто несколько дней провел с завязанным ртом. Валентин не слушал, его охватило дерзкое, озорное желание — шутя открыться Николаю.

— Почему же вы с ней поссорились?

Николай прищелкнул губами, замедлил шаги и ответил:

— Не знаю, что ей от меня надо. Кажется, все есть. И квартиру я достал, и зарабатываем неплохо. Ты поговори с ней. А? Иногда ведь легче с посторонними по душам потолковать.

Дверь открыла Ольга. Она, видимо, собиралась куда-то уходить — на ней был темносиний костюм. В нем она казалась старше и строже.

— Вот, Оленька, он пришел тебя поздравить, — развязно сказал Николай. — Ты организуй что-нибудь на стол, а я бутылочку распечатаю.

Он вышел. Валентин и Ольга взглянули друг другу в глаза.

— Будь счастлива, — прошептал Валентин и протянул ей подарок.

Их руки встретились.

— Зачем ты... зачем ты пришел? — спросила она, резко отнимая руку.

— Поздравить тебя с днем рождения, — ответил Валентин. — Посмотреть на тебя...

Она поморщилась, отвернулась и стала накрывать на стол.

— Ты напрасно сердишься на меня, — говорил Валентин, — я скоро уйду. Я не знал, что тебе будет так неприятно....

— Не выдумывай, — бросила Ольга.

Когда сели за стол, Валентин незаметно провел рукой по груди: сердце отяжелело. Рядом была Ольга, печальная, холодная, чужая. Он слышал, как она иногда вздыхала, видел скорбную складку между бровями и чувствовал, что ему сейчас еще хуже, чем тогда, когда он был так далеко от нее, потому что тогда еще была надежда, что любовь пройдет.

— Ну, новорожденная! — деланно веселым тоном произнес Николай. — Будь здорова! Люби мужа и будешь счастлива.

Ольга отпила маленький глоток и поставила стаканчик на стол.

— Даже за себя выпить не хочет! — с упреком отметил Николай.

— Ты уже за мое здоровье сегодня принял достаточно, — с таким внутренним презрением сказала Ольга, что Валентин поежился.

Николай расхохотался.

— Ради тебя сколько угодно.

Валентину захотелось схватить Ольгу за руку и увести отсюда. «Не надо», — взглядом попросила она, словно догадавшись о его желании.

— Вот что, Николай и Оля, — неторопливо произнес Валентин, отвернувшись в сторону, — я пойду.

— Ты что? — с обидой спросил Николай. — Совесть надо иметь.

Уже у дверей он проговорил жалобно:

— Не ожидал...

— Это еще не все, — плотно прикрыв двери, сказал Валентин. — Сейчас ты такое узнаешь... Ты прости меня, Николай, но я иначе поступить не могу... Я люблю Ольгу... Мне стыдно прятаться, наши отношения с тобой из-за этого какие-то... словом, я не мог не...

— Ну и что ты думаешь предпринять? — сдавленным голосом спросил Николай.

— Ничего. Поверь мне, я просто был в нелепом положении перед тобой. Теперь ты знаешь и...

— Ну смотри, Лесной! — Николай засунул руки в карманы брюк, закачался на носках. — Без шуток.

— Я пошел...

«Чем все это кончится?» — подумал Валентин, выходя из ворот дома. Холодный воздух словно становился теплым, касаясь его разгоряченного лица. Даже рукам было жарко. Он снял перчатки. Нет, он не жалел, что открылся Николаю, хотя ощущение от разговора осталось мерзкое. Давно надо было так сделать.

Он остановился, услышав за спиной шаги.

— Это ты? — спросил Валентин, не оборачиваясь, и остановился.

— Я, — отозвалась Ольга и прошла мимо. Он двинулся следом. Ольга шла, не оглядываясь, спрятав лицо в высокий воротник. Она словно старалась укрыться

от Валентина, в ее облике было что-то недоступное, отдававшее холодом. Она проговорила негромко, жестко:

— Зачем ты сказал ему?

— Не знаю, но... иначе я не мог. Нечестно смотреть ему в глаза и... я так не умею.

— Лучше бы ты не был таким.

— Каким? — задержав дыхание, спросил он.

— Не слушай меня...

Дорога привела их в пустынный, молчаливый, занесенный снегом скверик на берегу реки. Аллей здесь не было, только одна дорожка тянулась к статуе физкультурницы. Когда-то в одной руке у нее было деревянное весло. Кто-то унес его, и теперь поднятой вверх рукой статуя словно останавливала входящих в скверик. На голове, плечах и груди физкультурницы лежал снег, и Валентин подумал, что смешно было бы накинуть на статую пальто.

— Оля, — позвал он тихо. — Если ты... если ты думаешь, что я намеренно затеял разговор...

Она взяла его под руку. От неожиданности Валентин отстранился.

— Я ничего не понимаю, — проговорила она. — Ругать мне тебя или не ругать, или себя ругать? Не знаю. Хочется остаться одной. А ты... тебе что? Какое тебе до меня дело? Кому я нужна со своими несчастьями?

— Мне.

— Перестань... Ты ведь меня только на соревнованиях видел, ты ведь и не знаешь даже, какая я есть на самом деле.

— Если ты меня обидеть хотела, то... обидела. В том-то и беда, что я знаю, какая ты есть. Вот ты тогда прогнала меня...

— Молчи! — умоляюще перебила она. — Ты ничего не понимаешь. Ты еще мальчишка... Ты легко на жизнь смотришь. Не ужилась, дескать, с одним, попробуй с другим. А мне противно. Себе жизнь испортила и... ему. А может, и он мне, кто тут разберет...

— Мне назад поворачивать поздно.

Ольга смотрела в небо. Темная синева казалась плотной, а звезды — словно врезанными в нее. Валентин подумал, что, если сейчас не сдержится, то возьмет Ольгу на руки и понесет туда, где небо сливается с землей, где до звезд можно дотянуться.

— Какие мы глупые, — проговорила Ольга. — Взрослые уже, а жить не умеем. Нам бы жить да жить, работать да работать, а мы страдаем. Стыдно.

— Нет. Не так просто научиться жить да жить. И хорошо, что жизнь нелегко дается. Тверже будем, упрямее.

— В общем, давай договоримся. Ты должен... будто меня и нет на свете.

— Не могу.

— Можешь. Должен. Я прошу тебя. Очень прошу.

Он проводил ее до подъезда. На прощанье сказал:

— А просьбы твоей я выполнить не могу.

Глава шестая

Грипп свалил Полуярова в постель на целую неделю. Он удивился: всегда переносил болезнь на ногах, а тут подкосило.

— Ты просто устал, Павлик, — объяснила Лиза. — Спать ты ложишься не во-время, куришь много.

— Что правда, то правда. У нас в редакции сине всегда от дыма. Тут уж кури не кури, а все равно наглотаться. Эх, бросить бы!

— Так брось, Павлик.

— Боюсь, не выдержу.

— Выдержишь, — убежденно сказала Лиза. — Ночами ты работаешь, сидишь, дымишь, у меня сердце кровью обливается. Зачем в себя дым пускать? И так сердцу трудно приходится.

— Все это так, Лизок, но... привычка.

— А Сергей вырастет? Тебе приятно будет его с папирской видеть? А что ты ему говорить будешь?

— В недобрый час я этот разговор затеял. Ведь я... дай-ка сосчитаю... двадцать второй год курю.

Полуяров стал наблюдать за самим собой, когда появлялась потребность курить, отмечал, сколько требовалось папирос на день, в чем заключалось удовольствие от курения. Иногда он накуривался до того, что щипало в горле, болела голова. Но одно дело поверить во вредность никотина, другое — бросить.

Редакция встретила Полуярова насторожившейся тишиной. Комнаты были еще пусты. Маро гремела ключами, открывая шкафы. Полуяров давно заметил, что она ничего не умеет делать тихо.

— Доброе утро, Маро, — сказал Полуяров. — Вы на кого-то рассердились?

К Полуярову она относилась с таким почтением, что не поднимала глаз, вопросы ей надо было повторять дважды. Но если она, случалось, приходила к нему поговорить по душам, то размахивала руками прямо перед его носом.

— Мне на всех... мне все... уй, как мне плохо! — быстро проговорила Маро. — Я не буду работать! А? Я знаю, вы скажете, что я дура. Ну, и пусть! — она прошептала: — Мне Ларочку жалко. Только я рассказывать не буду! Ни за что! А Ларису мне жалко... Зачем? Ой, Павел Павлович, вы ее спросите!

«Неужели что-нибудь с Олегом?» — подумал Полуяров и уже в дверях пообещал:

— Я узнаю, в чем дело.

Он просмотрел свежие тассовские материалы, прочитал заголовки набранных статей, перебрал стопку рукописей.

— Как хорошо, что вы выздоровели! — услышал он радостный голос. В дверях стоял Валентин.

— А что? — Полуяров посмотрел на него и, как всегда, едва не спросил, как это ему удастся всегда быть выглаженным и чистеньким.

— Да вот, — Валентин положил на стол рукопись о Синевском леспромхозе и вкратце рассказал, почему Копытов отказался печатать ее. Полуяров читал так быстро, что, казалось, будто он пробегает страницы глазами.

— Ну, будем править, — сказал он, прочитав. — Плохо у вас вот с чем. Вы выдвигаете, предположим, десять обвинений, а фактами подкрепляете только пять. А вот этот факт мелок по сравнению с другими. Уберем его. Здесь сказано очень резко, крикливо. Ни к чему.

Валентин, соглашаясь, кивал головой, настороженно и недоверчиво следя за пером ответственного секретаря.

— Здесь, наоборот, мягко сказано, — продолжал Полуяров, — факт ~~сильный~~ ^{важный}, а вывод слабый. Надо сильнее, хотя бы так... Сдавай на машинку, а потом прямо мне.

— А Сергей Иванович?

— Я поговорю с ним. И в обком позвоню.

Вечером состоялось открытое партийное собрание. Обсуждали вопрос о невыполнении графика выхода газеты. Копытов сделал краткое сообщение, указал причины, из-за которых каждый день задерживается выход газеты, и в заключение сказал:

— Я надеюсь, что наш коллектив приложит все усилия, чтобы выправить создавшееся положение.

Вопрос был наболевшим, обсуждение прошло оживленно. В своем решении собрание предлагало Копытову в самое ближайшее время добиться выполнения графика.

Когда сотрудники выходили из кабинета, Лариса неожиданно сказала улыбающемуся Копытову:

— Вот всегда, Сергей Иванович, вы себя прекрасно чувствуете!

— В чем дело, Вишнякова?

— Вы меня простите, но я не верю, понимаете, не верю, что вы изменитесь! На собрании вы всегда головой киваете, соглашаетесь, а потом — все по-старому!

— Без истерик, Вишнякова. Собрание кончилось.

— Я не виновата, что не могу говорить спокойно. Лучше закатывать начальству истерики, чем отмалчиваться. А вам по душе последнее.

— Вы зря волнуетесь, Лариса Алексеевна, — наставительно произнес Николай, приблизившись к Копытову. — Несомненно, совершенно несомненно, что в самое ближайшее время в нашей работе наступит резкий перелом.

— Надо, Вишнякова, держать себя в руках, — угрюмо произнес Копытов. — Вам бы только грубить да хамить... Дело ваше, конечно. До свиданья.

— Неудачно немного получилось, — негромко сказал Полуяров.

— Что неудачно? — запальчиво спросила Лариса. — Обсуждаем разные вопросы, собрание за собранием, а коллектива нет. Ведь мы несколько не интересуемся друг другом! Мы не знаем, кто нуждается в помощи. Да вот пример: наша красавица Маро нигде не учится, и никого это не интересует.

— Ну, это не самый главный недостаток нашей работы, — попытался пошутить Николай, но тут же умолк.

— И все потому, — продолжала Лариса, — что мы для редактора не больше, не меньше, как организмы, несущие определенные служебные нагрузки. И только. Сам он... — Лариса остановилась, потому что в дверях показался Копытов. Она тряхнула головой и закончила: — а сам Сергей Иванович на редкость сухой человек.

— Он даже не объясняет правки, — сказал Валентин, — исчеркает и — в набор. Потом стоишь, ушами

хлопаешь. Особенно придирчив Сергей Иванович к критическим материалам. Бракует их беспощадно.

— Писать надо лучше, тогда и браковать не буду, — громко оборвал Копытов.

— Мы и хотим писать лучше, научите.

— А чему вас пять лет в вузах учили? Я лично, знаете ли, университетов не кончал... Мало на собрании поговорили?.. Запомните: хороший материал никто браковать не будет.

Валентин решил проводить Вишняковых до дому.

— Разговоры о какой-то спасительной дружбе, которые ты заводишь, Ларочка, — сказал Олег, — это пустые разговоры, пионерский подход к делу. Основные причины нашей плохой работы объясняются низкой квалификацией отдельных сотрудников и дубовым руководством. И нечего болтать о дружбе, коллективе и прочем.

— Поругалась бы я с тобой, да голова болит, — устало сказала Лариса.

— У меня голова не болит, — заговорил Валентин. — Лариса абсолютно права. Без дружного, живущего одним стремлением коллектива хорошей газеты не сделаешь. Мы работаем каждый в одиночку. Вы не знаете, что делает мой отдел, я не знаю, что творится в секретариате. Смешно, но мы знакомимся с номером, когда он уже вышел в свет, то есть тогда, когда его уже получил и читатель. А самое главное, мы не умеем настаивать на своем. Завернет нам Копытов корреспонденцию, мы ругаемся в коридоре, и все.

— А что ты можешь еще сделать?

— Добиваться напечатания. Обсуждать всем коллективом, пусть попробует Копытов не согласиться со всеми!

Заходить к Вишняковым Валентин отказался. Вечер был морозен, безветренен. Валентин прошел через город пешком, с наслаждением вдыхая свежий воздух.

Он и проснулся с таким же ощущением свежести. С удивлением посмотрел на часы: полшестого! Спать ни-сколько не хотелось. Занятия в техникуме физкультуры начинаются в половине девятого, значит, примерно в это время можно увидеть Ольгу.

Валентин скинул одеяло, прыжком соскочил на пол и начал делать зарядку. Холодный воздух приятно щекотал тело, бодрил. Скорей воды!

По дороге к умывальнику Валентин включает плитку, на которую еще с вечера поставлен чайник.

После обтирания чувствуешь, будто сменил кожу и прочистил легкие. Поймав по приемнику последние известия, Валентин садится за стол. Завтрак более чем скромный — хлеб, немного масла и сколько угодно сахара и крепкого чая.

Рука непроизвольно тянется к папиросам и на полпути замирает. Курить хочется неудержимо и в то же время досадно вдыхать дым в освеживший организм. Но привычка к никотину сильнее воли. Валентин жадно делает первые затяжки, с горечью ощущая, как с никотином в тело проникает что-то тормозящее, расслабляющее. Делая последнюю затяжку, он уже чувствует себя вялым, не выспавшимся. Чтобы взбодриться, он берет вторую папиросу и, действительно, она немного помогает... А когда через некоторое время возвращается сонливость, он уже не понимает, что это от курения.

Часов в восемь Валентин был у техникума, на противоположной стороне улицы. Еще не рассвело, но в свете электроламп можно было разглядеть лицо каждого проходившего к подъезду. Сюда можно являться почти каждое утро.

Валентин смотрел внимательно, но узнал Ольгу лишь тогда, когда она взялась за ручку двери.

В редакцию он пришел удрученным, заставил себя поговорить с Николаем, но тот, как всегда, не ответил. Они давно уже не разговаривали и лишь при необходимости цедили слова сквозь зубы.

Качество писем, поступающих в отдел рабочей молодежи, было неважным. Иной раз из двухдневной почты не удавалось использовать в газете ни одного письма. Желая исправить положение, Валентин предложил создать на одном из заводов юнкоровскую группу. Николай согласился, но так загрузил Валентина мелкими заданиями, что тот не мог приступить к выполнению замысла.

На час дня было назначено обсуждение статьи о Синевском леспромхозе. Валентин нервничал и почти ничего не делал, ежеминутно вспоминая о предстоящем испытании.

— Что ж, обсудим, вреда не будет, высказывайтесь, — так открыл Копытов обсуждение.

Однако оно против всех ожиданий прошло быстро, поправки оказались незначительными. Выступление Копытова и возмутило, и удивило Валентина. Редактор сказал:

— Если бы ты сразу написал так, как подправил Пал Палыч, давно бы материал в газете был.

Сотрудники вышли с совещания довольные.

Николая и Валентина Копытов попросил задержаться и приказал через два дня провести читательскую конференцию на паровозоремонтном заводе.

— К чему такая спешка? — поразился Валентин. — Мы не успеем.

— Успеете, — отмахнулся Копытов, — не оперу ведь ставить. Доклад получите сегодня.

— Ну, и будет конференция ради конференции, — не сдавался Валентин.

— Все тебе не так, все тебе не нравится. Подумаешь, мероприятие! Собрать народ, поговорить, послушать, и вся недолга. Ты, Лесной, дальше своего носа не видишь. Знаешь, какое положение с тиражом? Из сорока тысяч двадцать три идет в розницу... розницу... да там и лежит. Союзпечатать скандалит... Приехал представитель цеха комсомола, интересовался нашей массовой работой... Соображать надо.

— Сделаем, Сергей Иванович, — скромно отозвался Николай. — Раз нужно — сделаем.

Валентин подумал: спорить или не спорить? Он мог бы, конечно, промолчать, но не хотел подчиняться неправильным приказам.

— Какой толк будет от такой конференции? — спросил он. — Я считаю...

— Может, на мое место сядешь? — Копытов переглянулся с Николаем, кивнул в сторону Валентина. — Тогда и будешь рассчитывать...

Доклад Николай взял себе, по телефону договорился с комитетом комсомола о месте и времени конференции и вызывающе посмотрел на Валентина. Тот после работы остался в редакции, долго читал многотиражную газету паровозоремонтников, выписал несколько фамилий, часто встречающихся под заметками. Привычка добросовестно исполнять поручения, внутренняя дисциплинированность взяли верх над злостью, и Валентин на машинке отпечатал несколько пригласительных билетов. До завода было сравнительно недалеко, он прошелся до проходной и отдал билеты вахтеру.

Домой Валентин вернулся поздно. Хозяйка квартиры, куда он недавно переехал (сто пятьдесят рублей в месяц,

со своими дровами) ворчала, открывая многочисленные замки и запоры.

В комнате было холодно. Накинув пальто на плечи, он включил чайник, радиоприемник, задумался.

Теперь думы об Ольге вселяли в него не уныние, не бессилие перед судьбой, а радостное сознание своей воли, веры в счастье.

Последняя вспышка раздражения произошла недавно, когда Николай неумной правкой испортил его статью о молодых штукатурах. «Неврастеник, а не человек», — сказал себе Валентин, вышел в коридор, — успокоился и, кое-как договорившись с Николаем, спас статью.

Он заставил себя думать о Николае как о журналисте и убедился, что не любит его не потому, что он муж Ольги.

Среди газетчиков бытует выразительное слово «исписался». Это означает, что хороший журналист стал плохим, что даже при самых огромных усилиях из-под его пера выходят серые, посредственные произведения. Страх «исписаться» грозит тем, кто слишком быстро поверил в свой талант, счел себя безупречным журналистом. Такие видят в газете лишь возможность доставить пищу своему тщеславию или гонорарные ведомости. Для этих людей газетная работа ограничивается бесстрастным сочинительством, при котором собственное мнение не является необходимостью. Такого журналиста не обрадует творческий успех и не огорчит неудача товарища.

Так случилось и с Николаем. Писал не то, чтобы плохо, а без души, скучновато. Придаться вроде было не к чему, но читать его материалы не хотелось. Беда состояла в том, что сам Николай никогда бы не поверил, что стал писать плохо, и на замечания реагировал болезненно. Сидеть над рукописью больше одного дня, по несколько раз переписывать свои произведения, затаив дыхание, ждать оценки товарищей — все это было уже непонятно Николаю.

И все чаще Валентину приходила одна и та же мысль: ну что нашла в Николае Ольга? К чести Валентина следует отметить, что он не считал, будто разлад в семье Роговых благотворно отразится на его судьбе.

Просто он ждал, чтобы Ольга когда-нибудь пришла к нему в гости, присела на стул у печки, задумалась... Просто было необходимо поговорить с ней, видеть ее, слышать ее голос.

Утром Николай передал ему всю поступившую почту, а сам целый день что-то писал. На завод поехали на машине, предложенной Копытовым, захватив с собой стенографистку: в следующий номер планировался отчет на целую полосу.

В просторном зале заводского клуба собралось человек двадцать. Николай поджал губы.

— Не могли такого пустяка организовать!

— Виноваты мы, — сказал Валентин, — пустой зал — оценка нашей работы.

— Придется ехать обратно. Нельзя же проводить конференцию в таких условиях.

Валентин сосчитал в уме до двадцати и ответил:

— Я не поеду. Надо проводить конференцию.

— Не валяйте дурака. Вас никто не уполномочивал. Это позор, а не конференция. Надо уважать редакцию.

— Давайте начинать, — упрямо настаивал Валентин.

— Мне надоело вас упрашивать, — проговорил Николай. — Едем!

— Нет.

— Хо-ро-шо, — процедил Николай. — Пеняйте на себя. Я предупредил. Стенографистка остается с вами.

Валентин поднялся на сцену, взгляделся в темный зал и начал:

— По-моему, нет нужды объяснять, почему на читательскую конференцию областной комсомольской газеты собралось такое великое множество читателей. — В зале оживленно зашумели. — Вот и поговорим о том, как сделать нашу газету хорошей. Молодежный коллектив нашей редакции горит желанием работать без брака, говоря по-заводски, давать продукцию отличного качества. Помогите.

Валентин рассказал, как построен аппарат редакции, как готовятся к печати авторские письма, какие задачи стоят перед газетой, в частности перед отделом рабочей молодежи. Чувствуя, что его слушают внимательно, Валентин воодушевился и с подъемом сообщил об организации юнкорской группы. Он еще не кончил говорить, как ему передали записку: «Просят к телефону, из редакции». Валентин предложил сделать перерыв.

— Это что за штучки? — услышал он в телефонной трубке голос Копытова. — Это что еще за фокусы, я тебя спрашиваю! Немедленно в редакцию!

— Не могу, Сергей Иванович, конференция идет.

— Ну, ладно... Продолжай. Завтра с утра ко мне.

После перерыва Валентин пригласил всех на сцену, за стол и, хотя на душе было тяжело, спросил весело:

— Кто самый храбрый? Кто первый?

Молчание было довольно долгим. Первым поднялся Максим Максимов.

— Не любят у нас вашу газетку, — широко улыбнувшись, пробасил он, — не уважают. Нам газета боевая, занозистая нужна, чтоб было в ней что почитать. А вы жвачку жуετε. С одной статейкой наколбасили — нам вспоминать стыдно, а вам, видно, ничего.

— Ты, Максимов, зря, — сказал сидевший рядом с ним белобрысый паренек в синей гимнастерке. — Газетка, понятно, неважная, но ведь у кого недостатков не бывает... У тебя, что ли, нет? Вот юнкоры будут, и пойдет дело. Сочинять, ясно, не все горазды, но кой-кто может. Не боги резцы затачивают.

Понемногу разговорились. Сразу после конференции Валентин дал задания трем комсомольцам.

На радостях он проводил стенографистку до дому. А жила она на самой раздалекой окраине.

* * *

Будто очнувшись, Ольга заметила в квартире пыль, беспорядок и в воскресенье принялась за уборку. Прикасаясь к вещам, она невольно вспоминала события последних дней, изменивших ее жизнь. Сознание большой беды притупилось, она уже не плакала, не кусала губы, когда раздумывала над тем, что произошло. Зато никогда еще она не получала такого удовлетворения от работы и тренировок, как теперь, но, оставшись одна, она ощущала в сердце тяжелую пустоту, а когда приходил Николай, пряталась на кухне, сидела у окна, не зажигая света.

Ольга мучилась. Убеждаясь, что разрыв с мужем неизбежен, что он уже фактически произошел, она еще яснее сознавала: ее принципы не дают ей права на развод, и в то же время она пришла к решению, что лучше ночевать на улице, под открытым небом, чем в одном доме с нелюбимым.

Она редко вспоминала о Валентине, но против своей воли сравнивала его с мужем. Если ее любовь к Николаю,

теперь уже угасшую, можно было сравнить с широкой, спокойной рекой, то чувство к Валентину казалось горным потоком, которому надо рваться вперед, налетать на преграды, кипеть и пениться. Она сопротивлялась этому чувству не только потому, что была замужем, но и потому, что оно было незнакомо сильным.

Ольга принялась за уборку, не найдя, на что еще можно убить время. Удивленный Николай задержался в дверях, разделся и стал наблюдать за женой. У письменного стола Ольга немного помедлила и принялась стирать пыль. Николай вздохнул облегченно: сейчас она, как всегда, наденет старое ситцевое платье и будет мыть пол. Он бросился на кухню, отыскал таз, налил воды и принес его Ольге. Она не обернулась.

— Оля! — вырвалось у него. — А... тряпка где?

— На кухне, у печки.

— Так я принесу!

Пока он, суетясь и натыкаясь на стулья, искал тряпку, Ольга переделась. Николая охватило острое желание сейчас же вернуть прошлое. Ольга словно прочла его мысли, покраснела и отвернулась.

— Оля! Ольга! Мне... нам необходимо поговорить, — быстро и горячо зашептал Николай. — Я не могу без тебя. Так больше нельзя!

Она нагнулась, опустила тряпку в таз и вдруг резко выпрямилась.

— Выйди, пока я мою, — сказала она.

— Да... — растерялся он. — Я уйду. Оля, милая, прости меня. Я извелся за эти дни. Я не могу. Я хочу тебя... любить... как тогда. Помнишь? Ты помнишь?

— Не надо, — строго попросила Ольга, отступив назад. — Я не могу по-старому. Ни за что.

— Почему?

— Ты еще спрашиваешь?

— А что мне делать? Ты не представляешь, что творится со мной... мое положение.

— Такое же как и мое.

— Я еще не завел себе...

— Замолчи!

— Довольно на меня кричать! — зло сказал Николай. — Нам надо договориться обо всем сегодня же, потому что возобновить разговор будет трудно. Нужно кончать.

— А о чем говорить? Я давно все сказала.

— Повтори, если не трудно, — вызывающе предложил Николай.

— Трудно, но скажу. Я не могу жить с тобой... Я не люблю тебя.

— Та-ак, — скривив губы, протянул Николай и шагнул к Ольге. — Не верю! Не может быть! Ты просто сошла с ума и не понимаешь, что говоришь!

— Не надо... Я уйду...

— А если я не отпущу тебя? — он не сдержал своего желания, обнял Ольгу и, словно бросаясь с обрыва, сказал быстро и страстно: — я люблю тебя! Мы же не просто так жили, ты моей женой была...

— Не трогай меня... Убери руки... Все понятно. Еще что?

Николай засунул руки в карманы, покачался на носках, с ненавистью посмотрел на нее и произнес:

— Что ты предлагаешь?

— Я уйду.

— А дальше?

— Не знаю.

— А о разводе, о бракоразводном процессе ты думала?

— Н-нет.

— Напрасно. Надо соблюдать законы.

— Эх, ты, ломака! — презрительно воскликнула Ольга. — Даже сейчас ты не можешь не рисоваться!.. А я не пойду в суд.

— Пойдешь. Я не желаю быть соломенным вдовцом.

— Тогда действуй.

— Ты от меня уходишь, и я же должен хлопотать о разводе? Где логика?

— Здесь, — Ольга положила руку на сердце. — Здесь логика.

— Так на суде и скажешь?

— На суде? — Она вздрогнула.

— Да! На суде! — торжествующе подтвердил Николай.

— Тогда... так и скажу.

— Великолепно! — Николай нервно заходил по комнате. — Представляю радость некоторых товарищей...

— И пусть их. А может быть, огорчение?

— Вряд ли — сенсация! Гражданка Рогова Ольга Игнатьевна, проживающая, не имею чести знать где, возбуждает дело о разводе с гражданином Роговым

Николаем Александровичем, проживающим там, где она недавно считалась его женой.

— Противно слушать,— оборвала Ольга.

— Можно подумать, что виноват я!

— Я не знаю, кто из нас виноват больше. Но я не могу быть с тобой.

— Спасибо, дорогая.

— Не надо,— почти ласково попросила Ольга.— Поверь, мне очень тяжело.

— Бедная! Не успела договориться с Лесным?

— Ну зачем ты это говоришь? Это же неправда.

— Я примерно знаю, по каким причинам женщина уходит от одного мужчины к другому.

— Я уйду не к нему,— твердо сказала Ольга.— Мне безразлично, что ты обо мне думаешь, но даю слово: он здесь ни при чем.

— Значит, уходишь просто так? Абстрактно?

— Я уйду от тебя,— дрожащим от возмущения голосом проговорила Ольга.— Я не могу жить с человеком, который... вот такой, как ты... ты ведь не любишь меня, а...

— А за что тебя любить? За то, что ты спуталась с Лесным?

— Я пошла собираться.

— Ну и уходи! Уходи из моей квартиры! Я буду разводиться!

Злоба помешала ему продолжать. Он ходил по комнате, чувствуя себя униженным, оплеванным. Завтра, нет, сегодня он всем расскажет, что выгнал ее из дому, а Копытову заявит, что не может работать с Лесным по той причине, что...

— Я не отвечаю за себя! — крикнул он, подходя к дверям.

Ольга вышла к нему и твердо сказала:

— Не мешай мне, мне нужно собрать вещи.

Он схватил пальто и выбежал на улицу. Оставшись одна, Ольга расплакалась: устала сдерживаться. Она плакала и сквозь слезы шептала:

— Не плачь. Не плачь. Так тебе и надо. Так тебе и надо.

Ольга стала складывать попавшиеся на глаза вещи, быстро переоделась и вышла из дому. Села в первый трамвай, не подумав, куда он идет. А хоть куда!

Трамвай привез ее на вокзал. Ольга вышла из вагона и

остановилась, увидев вывеску: «Камера хранения». Осмотрелась вокруг. Люди, проходившие мимо, казалось, с презрением поглядывали на нее. И вдруг ей стало жаль Николая, жаль себя. «Колька, Колька,— подумала она,— ведь неправда все это... не могу я уйти... стыдно!»

— Оля,— услышала она глухой шепот,— поедem домой, Оленька?

— Поедем,— устало и обрадованно проговорила она, узнав голос мужа. Он стоял рядом, встревоженный, растерянный.

— Поедем на такси, скорее. Дома отдохнешь.

Она с трудом улавливала смысл его слов. Что такое с ней случилось, как она оказалась здесь, чей чемодан несет Николай, почему у него такой обеспокоенный вид? В машине Ольга совсем обессилела, прижалась к мужу, прошептала:

— Скорей бы домой. Я заболела.

Из машины она вышла пошатываясь. Николай подхватил ее под руку, взял чемодан и повел в комнату. Ольга легла на диван, закрыла глаза.

«Все, все в порядке!» — подумал Николай, встал на колени и поцеловал ее руку. Ольга вырвала руку, открыла глаза, изумленно огляделась, медленно и испуганно выговорила:

— Зачем ты привез меня сюда? Я не могу здесь. Я очень прошу тебя: уйди, оставь меня. Уйди куда-нибудь. Очень прошу тебя. Я больна. Мне плохо.

— Ты с ума сошла,— жалобно сказал Николай.— Я никуда не уйду.

— Мне страшно. Мне противно. Я ненавижу... себя... и тебя. Мне надо уснуть.— Она закрыла глаза.— Сходи за Ларисой. Позови. Пусть придет. Позови, я прошу. Она поможет.

Только сейчас Николай начал понимать, что Ольга действительно уходит от него и остановить ее ничем нельзя.

* * *

Поймав по радиоприемнику вступление ко второму акту «Травиаты», Лариса вдруг захотела послушать любимую оперу, раскрыла газету и радостно воскликнула:

— Олик, завтра днем «Травиата». «Край мы покинем, где так страдали!» — весело пропела она.— Идем?

— Я наивно полагал, что вышел из того возраста, когда посещают дневные представления, — пошутил Олег и озабоченно отказался: — У меня работа, надо разделиться с очерком, еще вчера обещал сдать.

— Тогда разреши мне пригласить Валентина.

— Доставь ему удовольствие.

Валентин зашел за Ларисой часов в одиннадцать и застал ее уже готовой. Олег, видимо, довольный тем, что остается один, и, намекая Валентину, что он непрочь за-быть недавний спор, сказал:

— Я начинаю серьезно опасаться за благополучие своей семьи. Ларочка, не поддавайся мимолетным чувствам.

— Приходится, — грустно ответила Лариса. — Если ты и впредь так будешь относиться к моим просьбам, Валя легко завоюет мою благосклонность.

Валентину было очень приятно идти рядом с Ларисой. Он был уверен, что всем радостно видеть в ней молодую красивую женщину, будущую мать, которая гордо ступает по земле. Его переполняло желание чем-нибудь помочь Ларисе, приласкать, рассмешить.

Неподалеку от театра Лариса присела на скамейку.

— Устала. Сын, наверное, будет. Лучше бы сразу двоих, чтобы отмучиться и не возвращаться к этому неприятному делу, — она вытянула располневшие ноги, лукаво посмотрела на Валентина: — Вот какие дела!

— Да, — важно согласился он, потому что вдруг почувствовал себя мальчишкой, — ты, пожалуй, права.

Лариса рассмеялась и проговорила:

— Ты знаешь, я с тобой себя проще чувствую, чем с Оликом. Мне иногда такое хочется тебе рассказать, что можно рассказать только подруге.

— Ну и расскажи.

— Маленький, не поймешь... Как хорошо!

Она опять рассмеялась. По мере того, как рос ее ребенок, Лариса все сильнее любила Олега, жила этой любовью. Ликующая ее любовь рвалась наружу, проглядывала в блеске глаз, прорывалась в интонациях голоса.

Когда оркестр сыграл несколько тактов увертюры, Лариса шепнула:

— Люблю... так люблю...

После спектакля она, взволнованная, порозовевшая, говорила:

— Мне нужно кому-нибудь рассказать об этом. Я живая! Понимаешь? Я женщина, я хочу любить...

— Что с тобой, Лариса? — изумленно сказал Валентин. — Ты никогда не была такой.

— Всегда такой была, только никто не замечал. Ненавижу тех, кто у женщин женское отнимает. У меня и для работы силы есть, и для ребенка, и для всего. Да ты не понимаешь...

— Объясни...

— Не умею. Я знаю, некоторые думают, что, когда любви нет, можно в работе забыться, что можно без любви жить. Неправда. Никогда не поверю.

Всю дорогу она молчала и, уже подходя к дому, сказала:

— Мне очень хочется, чтобы вы подружились с Оликом.

— Боюсь...

— Что?

— Мы разные люди.

— Это меня и беспокоит.

Из подъезда навстречу им вышел Николай. Не поздоровавшись, он хрипло сказал:

— Лариса, моя жена просит вас сейчас же прийти к ней.

— Что случилось? — с упреком спросила Лариса.

— Я провожу вас, — лицо Николая исказилось гримасой.

Валентин двинулся к Ларисе и решительно произнес:

— Я не пушу тебя одну.

— Убирайтесь отсюда, — сквозь зубы процедил Николай. — Не ваше дело.

— Что случилось? — повторила Лариса. — Она больна?

— Да, — насмешливо ответил Николай, — психологический удар.

— Валя, может быть, лучше мне одной?

— Нет, зачем? Я провожу.

— Не напрашивайтесь на скандал, — пригрозил Николай. — Я не позволю вам войти в мою квартиру.

— Я подожду на улице, — спокойно ответил Валентин. — Никакого скандала быть не может.

Они пошли. У ворот Николай остановился, пропустил Ларису вперед и повернулся к Валентину.

— Я никогда не был о вас высокого мнения, но не ожидал такого нахальства.

— Бросьте, Рогов...

— Что вам нужно? — повысив голос, спросил Николай.

— Ровным счетом, ничего. Зря вы кипятитесь. По моему, порядочный человек в самых острых обстоятельствах...

— Вам ли разглагольствовать о порядочности.

Пожав плечами, Валентин отвернулся и отошел.

...Ольга не встала навстречу вбежавшей в комнату подруге, даже не посмотрела на нее. Но Лариса, увидев чемодан, стоявший посредине комнаты, сразу поняла все и сказала:

— Идем.

Словно не догадываясь о том, что ей предлагают, Ольга вопросительно пошевелила бровями, произнесла полупшепотом:

— Куда? — Она опустила ноги на пол, откинулась на спинку дивана, запрокинула голову, будто ей трудно было дышать. — Как это — идем? Куда? Я ничего не понимаю, я никуда не пойду. Мне стыдно. Зачем ты пришла? Не надо было... Не может быть... Ну, как я могу уйти?

— Ты сама не знаешь, что говоришь. Ты просто очень разнервничалась, тебе надо успокоиться, подумать.

Ольга отрицательно покачала головой.

— Тебе надо подумать.

Ольга поднялась, нахмурилась, и от этого выражение лица стало решительным, почти суровым. Она произнесла жестко:

— Все равно не могу я здесь. Не могу его видеть. Я все сделала, чтобы не уйти... и уйду. Мне несколько не стыдно... Так мне и надо. Вот и... сходила замуж.

Она стала торопливо одеваться.

...Валентин вернулся к воротам, возле которых неподвижно стоял Николай. Прошло уже немало времени, Лариса не выходила. Валентин решил: надо идти к Ольге, она в беде, остальное не имеет значения.

— Прошу тебя добром — уйди отсюда, — Николай загородил ему дорогу. — Я не отвечаю за себя.

— Я отвечаю за себя, — твердо ответил Валентин.

— Послушай, ты!

— Не кричи. Надо узнать, что у них там происходит. Иди.

— Не твое дело! — вспыхнул Николай и, сунув руки в карманы, покачался на носках. — Она сама прибежит к тебе. Ты что, подождать не можешь?

— Мне противно говорить с тобой, но... — Валентин поколебался и продолжал: — Но, честное слово, она ведь не ко мне уходит.

— А мне наплевать на нее! Пусть убирается, куда хочет! Я еще утром предлагал ей. Не знаю, чего она там копается. Тряпки, наверное, собирает. — Губы Николая дрожали. — Можешь идти к ней.

Он повернулся и зашагал прочь.

Ольга застегивала пальто, когда Валентин осторожно открыл дверь в комнату.

— Вот и хорошо, что дождался, — сказала Лариса, перехватив недовольный взгляд Ольги. — Чемодан очень тяжелый.

— Я устал и замерз, — смущенно объяснил Валентин.

— Где он? — спросила Ольга.

— Ушел.

— Что он говорил?

— Ничего.

— Странно. Не похоже на него. Неужели не кричал, не хвастался, что давно собирался выгнать меня?

Валентин не ответил и поднял чемодан.

Дорогой шли молча, торопливо.

Олег встретил их понимающей улыбкой и унес чемодан в комнату.

— Ты посиди с ним, — шепнула Лариса Валентину, — а мы с Олей пойдем куда-нибудь, побродим, поболтаем.

— Полный развал? — весело спросил Олег, когда мужчины остались вдвоем. — Неплохой материал для статьи на моральную тему.

— Что теперь Николай будет делать? — неестественно озабоченным тоном спросил Валентин.

— Понятно что: разводиться... Не повезло парню. И чего ей надо? Видимо, решила, что он ей не пара. Нашелся поклонник позначительней. Ты за ней не пробовал ухаживать?

— Перестань, — Валентин, чтобы не вступить в спор, старался не вдумываться в слова Олега. — Грустная тема для разговора.

— Почему? Я не вижу трагедии в разрушении семейного очага. Детей у них нет, устроятся. Кстати, я сейчас

над интересной вещичкой работаю, над моральной. «Сорняк» называется. Надо будет дать ее с клишированным заголовком, чтобы буквы вот такие были, чтобы вырвать их хотелось. Надеюсь, что прозвучит. Тема-то очень нужная.

— О чем?

— Об одном дураке. Женился еще первокурсником. Парень бедный был, на одну стипендию жить, понятно, трудновато, ну, он и выбрал соответствующую невесту. Женился, выучился, стал научным работником, а тут пеленки и прочие удовольствия. Он и бросил ее. Алименты платить не хочет.

— Почему же дурак, а не подлец?

— Подлец — понятие вообще растяжимое. В данном случае, для того, чтобы не быть подлецом, надо всего-навсего платить алименты. Что ему, денег жалко? Платил бы и жил спокойно. И подлецом бы не считался.

Валентин хотел возразить, но Олег неожиданно быстро проговорил:

— Эх, убежать бы отсюда! Собкорром куда-нибудь!

— Кто тебя держит?

— Моя идеальная жена, для которой нет лучше газеты на земле, чем наша уважаемая... В отпуск поеду в Москву, буду хлопотать. Кисну я здесь.

— Бывает,— насмешливо согласился Валентин.— Никто нас не квасит, а мы киснем.

— Ты святая наивность,— снисходительно произнес Олег.— Близорукость стала у тебя чем-то вроде защитного свойства. Всех нас Копытов стрижет под одну гребенку. В жизни мы разные люди, в номере газеты, подписанном нашим шефом, все на один манер. Все одинаковы. Ты, например, не сочти за комплимент, умеешь думать, с тобой интересно поболтать, узнать твое личное мнение. А вот корреспонденции твои читать не хочется. Такое впечатление, что словно перед тем, как сесть писать, ты отключаешь три четверти мозга.

— Это означает только одно — я не умею писать так, чтобы всем нравилось.

— А вот я умею писать и все-таки часто не пишу того, что знаю: Копытов обязательно вычеркнет.

— Это называется отсутствием принципиальности.

— Знаешь, Лесной! — Олег откусил мундштук папиросы и выплюнул.— Ты отвыкни от этих... Соображай, что

говоришь. Мы ведь не первоклашки, правда? Мы серьезно разговариваем.

— А ты почему решил, что я шучу?

— Потому что... если твои слова принять всерьез, мне придется, извини, самое меньшее — это выставить тебя за дверь.

— Выставить, конечно, можно, — Валентин рассмеялся. — Но все-таки бояться редактора — непринципиально. Напиши, а там видно будет.

— Я искренне завидую вам, молодой человек. Вы далеко пойдете.

С каждым днем, с каждой встречей Олег становился для Валентина все более неприятен. Это вызывалось не какими-то мелкими неудовольствиями, а внутренней убежденностью в том, что Олег всей своей натурой противоположен ему. Осторожность, тупость и бюрократизм Копытова не возмущали Валентина так сильно, как внешняя смелость, самоуверенность и сознание собственного превосходства Олега над другими. Оба они — Копытов и Олег — сбивали его с толку, мешали нащупать верный путь. Внутренне Валентин был убежден, что в работе нельзя руководствоваться мнениями, которые высказывали Копытов и Олег. Но пока Валентин был бессилен против них, у него не было еще доказательств своей правоты, была лишь твердая вера в нее.

Проведение читательской конференции на паровозоремонтном заводе Валентин мог считать доказательством своей правоты, важной личной победой, что, в конечном итоге, вынужден был признать и Копытов. Но это не доставило Валентину никакой радости, тем более удовлетворения. Это было что-то вроде разведки боем, он проверил свои силы, убедился, что может драться и побеждать.

— Все-таки как иногда женщина способна унижить мужчину, — прервал его размышления Олег. — Ведь если бы, предположим, Николаю вздумалось ее бросить, дело бы обстояло иначе. Мужчина уходит открыто, решительно, а тут слезы, раскаяние, никому ненужное.

— Откуда ты знаешь, как уходят мужчины? — раздраженно спросил Валентин.

— Догадываюсь. Да и ...быль молодцу не в укор.

— Есть такие молодцы, — съязвил Валентин.

— Ты, я вижу, упорно стремишься к конфликту. Нетипично, нежизненно. Советский молодой человек не может

вступить в конфликт с другим советским молодым человеком. Теории социалистического реализма не знаешь.

— Иногда мне кажется,— тихо проговорил Валентин, покосившись на Олега, развалившегося на диване,— что ты не мысли, не убеждения высказываешь, а просто жонглируешь словами... Честное слово, все твои разглагольствования — не смелость, а злопыхательство.— И останавливая вскочившего с места Олега, он твердо продолжал, повысив голос: — Пиши, а не брюзжи, черт тебя побери! Писать надо, если чувствуешь себя правым! Совесть никогда не простит человеку, если он промолчит, зная о зле.

— Ты меня удивил! — насмешливо развел руками Олег.— Я даже растерялся... Ты соображаешь, что ты говоришь? Пойми, мы не на собрании...

— Вот уж это я больше всего ненавижу! — Валентин постучал пальцем по краю стола.— Вот это у нас часто встречается: на собрании говорить так, а дома — этак.

— Ну, хорошо! — Олег подсел к Валентину.— Один вопрос: ты не рисуешься?

— Нет.

— Тогда я не понимаю тебя.

— Так и должно быть. А я никогда не пойму тебя... До свиданья.

— Гудбайте, юноша.

Олег даже не пошел провожать Валентина. Он стал вспоминать разговор и — странно! — только сейчас по-настоящему разозлился на Валентина. Нет, довольно церемониться с этим высокопарным болтуном! Надо отбить у него охоту разыгрывать из себя идеального журналиста...

Вернулась Лариса. Она, видимо, очень устала и не села, а почти упала на диван, вытянув ноги и удовлетворенно проговорила:

— Ольга немного успокоилась... Бедная девочка...

— А что ты-то бегаешь? — у Олега от возмущения даже дрогнул голос.— Что, без тебя не обойдутся?

— Хочется думать, что нет...

— Да, к слову сказать, Ларочка... Этот Лесной — не очень-то приятная личность. Можно не приглашать его?

— Олик, я не ослышалась?

— Нет, а что?

— Я считаю, что тебе есть чему поучиться у Валентина.

— Ясно... Я не навязываю тебе своего мнения, но Лесной мне неприятен.

«Я не обращаю на это внимания,— внушала себе Лариса,— это пустяки. Не стоит расстраиваться». Олег вернулся, Лариса тихонько оделась и вышла на улицу. Конечно, она могла и не делать этого... Но ей представлялось: сидит один в пустой квартире несчастный, убитый горем человек. Неужели нельзя помочь ему? Говорят, в горе человек становится более откровенным, отзывчивым. А вдруг разрыв между Роговыми просто крупная ссора?.. Как это страшно: любить, а потом... суд! А проходит ли любовь? Конечно, нет. Настоящая любовь, конечно, не проходит. Вот если вместо нее было подобие любви, тогда немудрено... Может быть, они просто не могут разобратся? Может быть, всего лишь одно слово раскроет им глаза? Может быть, она знает это слово?

Николай выглядел расслабленным, придавленным.

— Вы очень удивлены? — несмело спросила Лариса.

Не ответив, он беспомощно улыбнулся и пододвинул стул.

— Я пришла, чтобы... чтобы...

— У-те-шить?

— Не знаю,— неуверенно ответила Лариса,— может быть. Я не могла не прийти.

— Это называется иностранным словом — альтруизм.

— Я хочу разговаривать серьезно. Понимаете?

— Отлично понимаю. Скандал. Интересно посмотреть вблизи.

— Как вам не стыдно? — печально произнесла Лариса.— Мне искренне жаль вас.

— Почему жаль? — Николай нервно поежился.— Не пропаду, не одна на свете.

— Противно! — Лариса встала.— Знаете, лучше признаться, что бессилён перед горем, чем опешить даже горе.

— Я не уважаю афоризмов, сочиненных на ходу. Если говорить вашим стилем, я никогда не прощу женщине даже мгновенной мысли о другом.

— Это уже не афоризм, а принцип... Значит, я напрасно надеялась...

— Да! Да! — Николай заходил по комнате быстрыми, короткими шагами.— Я не нуждаюсь в утешениях.

По дороге домой Лариса несколько раз присаживалась отдохнуть. Сердцу было очень тяжело. Растет маленький, растет не по дням, а по часам. Оттого и тяжело маме.

Скорей бы у тебя был день рождения. Как я жду тебя! Ты не бойся, малышка, у меня сильные руки. Они не устанут ласкать тебя, если тебе будет грустно, лечить, если придет болезнь. Они не испугаются огня, если ты попадешь в него, они протянутся до неба, если захочешь быть поближе к солнцу. Только давай сейчас же договоримся: маму слушаться. Я помогу тебе жить так, чтобы ты не делал ошибок, которые делала мама... Мой ребенок, мой малышка...

И зачем ей вздумалось ходить к Николаю!

Она немного почитала перед сном и заснула, спокойно и тихо, как человек, который сделал за день все, что от него требовалось.

Глава седьмая

Утром к Николаю подошла Маро, протянула запечатанный конверт и пробормотала:

— Ольге отдай. Ладно? А?

Николай побагровел, поднялся со стула и сказал, выделяя каждое слово:

— Она мне больше не жена. Я предложил ей уйти.

— Ты очень врешь,— убежденно произнесла Маро.— Я так думаю: она сама ушла. Она правильно сделала. Я бы убежала. Да.

У Валентина испортилось настроение. Он был дежурным по номеру газеты и читал полосы, закрывшись в отдельной комнате. Поздно вечером, когда он, закончив дежурство, собрался уже уходить из типографии, позвонил Полуяров, спросил унылым голсом:

— Погулять не хочешь? Заходи за мной.— Он помолчал и добавил строго: — Буду ждать.

Валентин не особенно обрадовался приглашению: хозяйка квартиры требовала, чтобы он приходил пораньше. Кроме того, отношения с Полуяровым попрежнему оставались неопределенными. Он заставил Валентина трижды перedelать очерк о колхозной свадьбе, трижды забраковал и неожиданно согласился подписать в набор.

— Тебе же хуже. Ты краснеть будешь.

Конечно, Валентин обиделся. Но еще обиднее было, что Полуяров оказался прав—очерк, действительно, не удался. Это Валентин понял, читая гранки.

Едва Валентин вышел из типографии, его охватило

тревожное чувство: зачем он понадобился Полуярову в такое позднее время? Заглянув в кабинет ответственного секретаря, он увидел Олега. Всем своим видом — усталым выражением лица, небрежной позой — он старался подчеркнуть, что оказался здесь против своей воли. Полуяров был в рубашке с засученными рукавами, без галстука, словно собирался драться. На щеках проступал румянец, выдававший его волнение. Густые лохматые брови сошлись на переносице. Он попытался улыбнуться, и брови разлетелись, но тут же сомкнулись.

— Ну, вот, — тяжело произнес Полуяров, — все в сборе. Валентин, прогулка на время откладывается, предстоит серьезный разговор. Вот папиросы, спички, форточка открыта, курите, сколько душе угодно... Я курить бросил. Позавчера. Чего и вам желаю. Ну, на эту тему поговорим особо. — Он прошелся по кабинету, видимо, не решаясь начать разговор. — Олег, заранее извиняюсь.

Олег пренебрежительно поджал губы, кивнул, но спросил:

— А что случилось?

— Начнем, — медленно проговорил Полуяров. — Чтобы избежать кривотолков, буду выражать свои мысли прямо. Вы, конечно, знаете, какими качествами должен обладать советский журналист. Теоретически здесь все предельно ясно. Практически... я предлагаю вам искренне, ничего не скрывая, по душам поговорить о честности. Журналист обязан быть чистым и честным. Что это, по-вашему, значит? Олег, твое мнение?

— Павел Павлович, увольте меня от теории. Я есть хочу.

— Теорию мы сейчас же применим на практике. Не бойся испортить аппетита, ответь на мой вопрос.

— Пожалуйста. Не искажать намеренно фактов, не гнаться за гонораром и прочее, всем известное.

— Все?

— В основном.

— А ты, Валентин, что на этот счет думаешь?

— Нужно быть убежденным, принципиальным.

— Несколько обще.

— Стилль Лесного, — насмешливо вставил Олег.

— Проще говоря, — спокойно поправился Валентин, — быть честным — значит, писать только о том, о чем не можешь не писать.

— Здесь бы я поставил семь восклицательных знаков, — предложил Олег.

— Нет, предложение сугубо повествовательное, — спокойно отозвался Валентин. — Писать не только потому, что об этом надо писать, не потому, что за это получаешь зарплату, а потому, что это тебя волнует, что ты высказываешь свои убеждения, отдаешь душу...

— Ты напрасно пошел в газету, Лесной. Шел бы лучше в мелодекламаторы, — иронически проговорил Олег.

— Так! — резко прервал его Полуяров и, жестом попросив Валентина молчать, сказал: — Ты прав, Лесной. У меня только маленькое добавление. Честным может считаться тот журналист, который имеет моральное право, повторяю, моральное право писать о том, о чем пишет.

— Чем все-таки могу быть полезен? — спросил Олег. — Я предпочитаю работать, а не философствовать.

— Да ну? — подчеркнуто удивился Валентин.

— Перехожу к сути. — Полуяров встал. — Олег, ты любишь свою жену?

— Что?! — вырвалось у Валентина.

— Что?! — Олег вскочил.

— А почему вы удивляетесь такому простому вопросу?

— Согласитесь, это довольно неожиданно...

— Охотно допускаю, — Полуяров подошел к Олегу, положил руку ему на плечо. — Любишь?

— Я не буду отвечать!

— Почему? Я, например, кому угодно отвечу, если спросят. Я люблю свою жену.

— В конце концов, это просто безобразие! Вы не имеете права вмешиваться в мою личную жизнь! Какое ваше дело? Уж не хотите ли вы этим бестактным разговором доказать, будто бы заботитесь о людях?

— Не кричи.

— Разрешите мне уйти, Павел Павлович!.. Надеюсь, что в личных делах я не обязан отчитываться перед начальством.

— То, о чем мы говорим, не твое личное дело.

— Наглость.

Полуяров обошел стол, сел на свое место.

— Может быть, наглость, — согласился он, — но иначе нельзя.

— Хорошо, я удовлетворю ваше любопытство, — вызывающе произнес Олег. — Я люблю свою жену. Говорю совершенно честно.

— Да, такую чудесную женщину нельзя не любить. Особенно, если учесть, что она становится матерью твоего ребенка... Значит, ты любишь ее?

— Разрешите мне уйти?

— Подожди.

— Безобразие! Кто вам дал право? Вы вообразили, что если являетесь моим начальником, то можете позволить себе, что угодно? Вам дали право уродовать мои статьи, но править мою личную жизнь я не позволю!

— Довольно, — жестко остановил Полуяров, — не о правах разговор. Перейдем к делу. Валентин, тебе нравится фельетон «Сорняк»?

— Не только мне, всей редакции.

— Да, Олег удачно написал о мерзавце, бросившем жену с ребенком.

— Неужели только из-за этого вы меня вот уже скоро час...

— Жаль только, что сам автор ведет себя немногим лучше, — и, предупреждая возмущение Олега, Полуяров встал. — Почему ты вчера не ночевал дома?

— Ах, вот что! Ну, знаете... увольте.

— Трусишь?

Олег ответил:

— Я буду молчать.

— Вчера ты пьянствовал в ресторане, а потом отправился...

— К друзьям, — торопливо подсказал Олег.

— А может быть, к подругам?

— Что вы от меня хотите? — Олег нервно рассмеялся. — Между прочим, это не первый случай, когда меня пробуют выжить из редакции. Кому-то я встал поперек дороги. Не проще ли, товарищ Полуяров, не тянуть, не подкапываться, а сразу? Так, мол, и так: не хотите ли уйти по собственному желанию? Я уйду. Впрочем, вы и уволить можете.

— Глупости мелешь. Растерялся и сам не знаешь, что говоришь. Зачем мне тебя увольнять? Кому ты можешь поперек дороги встать? — Как всегда, Полуяров смотрел прямо в глаза собеседнику, и Олег не выдержал его

взгляда, опустил голову. — Формально мы уже не раз имели право и уволить тебя, и наказать так, чтобы... А мы хотим сделать тебя человеком, журналистом.

— Я уже журналист.

— Ну, смотри... «Сорняк» в газету не пойдет.

— Надо полагать.

— Сегодня ты обо всем расскажешь Ларисе. Я поговорю с ней завтра. Надо решать вопрос. Учти, что я знаю все.

— Но откуда? Неужели достаточно сплетни, доноса...

— Журналист не должен давать повода даже для сплетен, особенно для сплетен подобного рода. Фактов-то ты отрицать не можешь?

— Не хочу. Завтра я подам заявление об уходе из редакции. Вы удовлетворены?

— Последнее слово за Ларисой.

— Об этом я побеспокоюсь. А работать я с вами все равно не буду.

— Утро вечера мудренее.

— Зачем вы позвали меня? — спросил Валентин, когда Олег ушел, хлопнув дверью.

— И тебе полезно знать о таких вещах, — устало ответил Полуяров. — А гулять мы все-таки пойдем. Не возражаешь?

С главной улицы они свернули в переулок. Там почти не было прохожих. Редкие фонари и тишина делали переулок таинственным.

— Хорошо, — восхищенно проговорил Полуяров. Запрокинув голову, глубоко дыша, он смотрел на небо. — Сколько чудес в природе, а мы их не замечаем, привыкли. Вот мы дышим. Ты когда-нибудь задумывался над тем, какая это, оказывается, удивительная способность — дышать! А видеть? — Он кивком предложил идти и продолжал озабоченно: — Мы часто портим себе жизнь, слишком часто мешаем себе быть счастливыми, иногда ради короткого удовольствия ломаем свою судьбу. Сегодня посмотрел на проступок сквозь пальцы, завтра — исправляться уже поздно.

Валентин с удивлением поглядывал на Полуярова, чувствуя, что от его искренности светлеет на душе, а мысль начинает работать легко, свободно.

— Мы почему-то оцениваем отрицательные качества людей очень странным способом: боремся, так сказать,

против явных недостатков, уже обнаруживших себя в полную силу. А вот зародыши многих недостатков — несерьезное отношение к выбору профессии, работа только по долгу службы, без инициативы и страсти — эти зародыши недостатков мало волнуют нас. Правда? Конечно, правда! А отсутствие непримиримости к тому, что считаешь неверным, несправедливым? Недаром легче живут люди равнодушные, которые не ошибаются только потому, что не имеют собственных мыслей. — Полуяров поднял уши шапки. — Надо воспитывать непримиримых газетчиков, боевых, горячих, злых, и вместе с тем добрых, когда это требуется... Слишком часто ссылкой на бюрократизм начальства мы прикрываем собственную нерешительность в борьбе за правду. Вместо того, чтобы быть готовым разбить себе лоб в борьбе за свое мнение, мы произносим пламенные общие фразы об оставшихся еще недостатках. А фразы приелись. Их спокойно произносят и те, у кого недостатков хоть отбавляй.

— Я согласен с вами...

— Подожди, подожди. Я не случайно именно с тобой разговаривался. Такие, как ты, чаще срываются, чем добиваются своего. Ты рассчитываешь на легкую жизнь, мечтаешь в короткий срок найти себя в газете, найти свое место, стать настоящим журналистом.

— При чем здесь легкая жизнь?

— Не в прямом смысле слова, конечно. Надо себя приучить к мысли, что ничего не дается легко, не паниковать при неудачах, а трезво смотреть на вещи. Понимаешь, Валентин, что я хочу сказать? Я не люблю равнодушных людей, спокойных людей не люблю и не с них надо брать пример. Есть такое великолепное понятие — ясность ума, то есть человек может быть разгневан, возмущен в высшей степени, но он сохраняет способность мыслить точно и холодно. Мозг его работает лихорадочно, но мысли вырабатывает не сумбурные, а отчетливые. Он никогда не даст чувствам управлять собою, не посоветовавшись с рассудком. Вот давай посмотрим, как иногда у тебя бывает. Приехал ты, предположим, в леспромхоз, увидел что-то хорошее или плохое, загорелся, написал, а материал бракуют. Ты кипятишься, дело доходит чуть не до оскорблений, работать ты после этого не можешь... Бывает?

— Бывает, — вынужден был согласиться Валентин.

— Проходит определенный промежуток времени, ты остываешь...

— И забываешь обо всем.

— Вот именно. Чем это объяснить? — спросил Полуяров и сам ответил: — Тем, что не глубокое, а поверхностное изучение жизненного материала рождает многие наши статьи. Пока живы непосредственные впечатления, до тех пор мы и болеем за судьбу рукописи.

— Я понимаю, Павел Павлович, но какое отношение...

— Имеет наш разговор к разговору с Олегом? Небольшая связь есть. Олег докатился до точки. Я не хочу сказать, что он конченный человек. Нет, он будет работать и даже приносить пользу. Но будет ли он настоящим человеком?

— Я не уверен.

— И знаешь, когда в'его натуре червячок завелся? Олег мне однажды любопытнейшую вещь рассказал. Он-то ей никакого значения не придает, а я запомнил. Еще будучи школьником, он написал письмо в редакцию областной газеты о том, что некоторые школьники играют в уличную денежную игру «чику». Письмо напечатали. А в день выхода газеты Олег сам был пойман с поличным — сам играл. Об этом он вспоминает со смехом. Но, может быть, с этого и началось? А? Вот с этого самого случая? Олег решил, что в печати можно выступать против зла, а в жизни быть за него. Ведь «Сорняк» не первый его фельетон о семье. Понимаешь? Олег разделил людей на две группы: одна—это простые смертные, другая—избранные, которые могут писать фельетоны о первой группе. Далее. Все свои выводы Олег делает только на основании собственных ощущений.

— Это я понимаю, — задумчиво проговорил Валентин. — Вы мне про ясный ум расскажите.

— Под этим я понимаю большой запас знаний. Он позволяет анализировать явления. Нам что важно? Написать очерк так, чтобы читатель понял, как герой стал героем. Нам важно написать критическую корреспонденцию так, чтобы ее объект и пикнуть потом не мог. Вот здесь и требуется ясный ум. Чтоб не он чувству служил, а ему чувство служило.

— В общем, вы говорите о том, о чем я давно думаю. Мало в благородном негодовании воскликнуть: «Ах, как плохо работает цех номер десять!» Надо разобраться, по-

чему он плохо работает и доказать, что есть выход из положения. Мало писать о наличии недостатков, надо искать их корни. Так?

— И вот когда ум найдет все это, тогда сердце поможет нанести последний удар по виновникам... Короче говоря, журналисту смелость нужна не сама по себе, а соединенная со знанием жизни. Да, кстати, непримиримость — это уже качество ума, а не сердца.

Они шли и шли. Валентин не любил высказывать свои еще не обдуманые мысли, поэтому молчал, хотя Полуяров навел его на интересные размышления.

— Вот так подумаешь вслух, — говорил Полуяров, — и легче станет, даже воздух как будто посвежеет. Ты уж извини, я тебя порасспрашиваю. Ты слышал об истории в семье Роговых? Тут что-нибудь можно сделать?

— Вряд ли... — боясь, что разговор может стать тягостным для него, Валентин все же решился: — Рогов по глупости считает, что его жена ушла ко мне.

— Час от часу не легче, — Полуяров даже замедлил шаги. — Ведь ты приехал-то... когда?

— Неважно. Это длинная история, и грустная. Но Ольга уходит не из-за меня.

— А сам ты как?

— Плохо.

— Да, — печально протянул Полуяров, — никогда бы не подумал... Неприятно... Каждый раз удивляюсь: смотришь на человека — вроде простой организм, а внутри у него сложнейшие переживания. У каждого своя душа, своя голова, разберешься не сразу... Зайдем ко мне? Ты ведь холостяк, свободный человек.

— К сожалению.

— Ну и отлично — в том смысле, что зайдем. Забыл, понимаешь, позвонить жене, предупредить, что задерживаюсь. А она насчет этого сурова.

— Так, может быть, мне неудобно?

— Ничего, посмотришь на семейную сцену.

Полуяров дернул за деревянную ручку звонка. За дверью послышались шаги, и звонкий женский голос обрадованно спросил:

— С приятелем, конечно, пришел?

— А что, нельзя?

— Твое счастье.

Дверь открылась. Полуяров пропустил Валентина вперед и, набрасывая щеколду, проговорил шепотом:

— Страшны только первые минуты. Теперь уже все в порядке.

— Не храбрись, Павлик, все равно ведь боишься.

Валентин удивленно обернулся и в свете неяркой лампы увидел маленькую, похожую на девочку, темно-лосую женщину. Девочку она напоминала и обиженным выражением круглого, широкоскулого лица. Смотрела она исподлобья, но в узких, чуть раскосых глазах пряталась шаловливая улыбка.

— Виноват, Ли-за, — серьезно сказал Полуяров, — поверь мне, закрутился. Стыдно перед тобой, честное слово, что не позвонил.

Он протянул руку, чтобы погладить жену по голове, но жена отклонилась в сторону, и рука упала на плечо.

— Рассчитываешь, что растаю? — быстро проговорила женщина. — Разве трудно было позвонить? Снять трубку, сказать: «Задерживаюсь» — и все.

Она повернулась к Валентину.

— Добрый вечер. Проходите, проходите, я с ним потом разделаюсь. Есть хотите?

Полуяров помог Валентину раздеться и весело сказал:

— А все-таки, Ли-за, ты уже не мечешь молнии. Отошла. Позволь тебя представить. А это Валентин, наш новый сотрудник.

— Зовите меня просто Лизой. Я так привыкла с детства. Ужинать будем на кухне, там удобнее.

Кухня была маленькая, чистенькая, заставленная вещами. Видно было, что прежде чем разместить их, хозяева основательно подумали. Все стояло на своих местах. От этого кухня не казалась тесной.

— Здесь я занимался до недавнего времени, — сказал Полуяров. — Курить в комнате мне было строжайше запрещено. А я без курева ни писать, ни читать не мог.

— Просто вбил себе в голову, как все курильщики, что без дыма жить не можешь, — раздался из коридора голос Лизы. — А ведь вторые сутки пошли, и живой!

— Живой, — со вздохом повторил Полуяров, проводя рукой по шее, как будто ему было душно. — В недобрый час я выбросил в форточку пачку милого «Беломора». Ну, назад поворачивать поздно. Ты кури, Валя, я выдержу.

Валентин с любопытством приглядывался к Полуя-

рову, будто видел его впервые. Дома у него изменилось даже выражение глаз. Сейчас они были спокойными, чуть рассеянными. Чувствовалось, что человек пришел домой, и дом для него — отдых.

Вошла Лиза, поставила на стол тарелки с дымящимся борщом. Все она делала легко. Ее руки несколько раз коснулись полок с посудой, и на столе появились ложки, солонка, хлеб. Она сделала несколько движений — и хлеб оказался мелко нарезанным. Лиза присела и обратилась к Валентину.

— Давайте сразу на ты? Хорошо? У нас с Павликом все просто. Вы не на работе, начальник здесь я. Павлик, не смотри на меня грозно. Я не с тобой разговариваю. Ты знаешь, Валя, мы не живем, а кружимся. Мне на завод к восьми, значит, Сережку в садик приходится отводить Павлику. Вечером в садик захожу я, домой приду — обед надо готовить. Тороплюсь, тороплюсь, а все-таки не успеваю. Все-таки Павлику приходится помогать мне.

— Очень вкусный борщ, — многозначительно похвалил Полуяров.

— Кушай на здоровье... Нам бы еще маленькую комнату! Очень уж у нас тесно. Если бы ты видел, какой эта квартира была, когда мы сюда приехали! Грязь, стены облезлые... Мы с Павликом все сами отремонтировали! — с детской гордостью воскликнула Лиза. — Все, все сами сделали. Мы с Павликом любим хозяйством заниматься. Дрова всегда сами разделяем. Душа отдыхает!

— Нравится, Валя, борщ? — снова перебил Полуяров.

— Еще бы. Не часто мне удается домашнего поесть.

— Это почему?

— Я один живу. Мамы нет, отец в другом городе живет. Он военный.

— Так ты приходи к нам обедать! Я люблю, когда гости, особенно те, которые покушать умеют. Стряпаю я вкусно.

— Ли-за, ты его замучаешь разговорами.

— Ты знаешь, Валя, при посторонних Павлик старается выглядеть строгим, а на самом деле он веселый. Это из-за меня. Я, наверное, до старости девчонкой буду. Дурчусь, а потом вдруг вспомню, что возраст у меня вроде бы солидный. Ну, и Павлик за компанию решил не стареть.

— Что мне с ней делать, не знаю, — грустно произнес Полуяров, когда Лиза сложила стопкой посуду и ушла.

— Устает очень. Бодрится, правда, но устает. Я несколько раз замечал, как она засыпает. Еще головой к подушке не прикоснется, а уже спит... Мне намного легче. Я стараюсь ей помогать, но какая от нашего брата может быть помощь? Для меня среди ночи встать к Сережке — целое событие, подвиг, а Ли-за встает за ночь не по одному разу... Няня — пока мечта. Где ей поместиться в нашей-то тесноте? А приходящей не найдешь.

— Павел Павлович, — осторожно выговорил Валентин, — а трудно... так жить?

— Трудно. У тех, кто работает и семью создает, вообще не бывает легкой жизни, — медленно произнес Полуяров. — Сами-то понятия легкая и трудная жизнь — растяжимые. Я тебе по секрету скажу, — Полуяров наклонился к Валентину. — Тяжеловато бывает. Иногда очень... И как об этом вспоминать приятно! Мы свои чувства проверяем этими трудностями, закаляем свою любовь... Семья — великое дело. Я без семьи не мыслю по-настоящему полной жизни. Кроме того, я убежден, что никогда не узнаешь силу женской любви, не испытал любви женщины, немало прошедшей с тобой по жизни, матери твоих детей. Великое дело — семья. Вот тебе проверка человека. Не смог семьи создать, значит, и любить не умел, и жить толком не умел, и мало пользы принес.

— Я как-то не представляю себя семьянином, — признался Валентин. — Кажется, что... никогда у меня семьи не будет. Я, может быть, очень коряво выражусь, но я не представляю, не понимаю, что такое жена, чем она отличается от обыкновенной женщины. Не знаю.

— И не узнаешь до срока. Вся беда в том, что мы неправильно относимся к женщинам, пока не женаты. Не за то мы их любим, за что надо любить, не тем поклоняемся, кому надо поклоняться. Красивая любовь скорее бросается в глаза, скорее врывается в сердце, но зато ненадолго. Что нам в женщинах нравится? Глазки, губки, ножки, возвышенное отношение к жизни, необычайность, непохожесть на других и прочее. А эти ли качества в жизни важны? Ты извини меня за прозаизм, но если женщина с презрением говорит о кухне и красиво — о страсти, не надейся, что будешь счастлив с ней.

— Получается, что надо лишить юность возвышенного, поэтического отношения к женщине?

— Ни за что! Эх, покурить бы! — Полуяров хлопнул

себя по груди. — Нет, надо опозитизировать женщину-мать, женщину-хозяйку, сорвать поэтичность с женщины, которая хороша только вне семьи... Надо воспитывать в себе потребность создавать семью... Много стихов и песен о первой любви, о первом свидании, а вот о молодой матери стихов мало, песен нет.

— Вы за то, чтобы мы, молодежь, думая о любви, думали бы о семье? Чтобы в ней, в семье, сосредотачивались все надежды и мечты?

— Примерно так...

Они продолжали разговор, пока Лиза не позвала из комнаты.

Лиза сидела за чертежным столиком, втиснутым между кроватью и книжными полками. Дальше, вдоль стены, стоял письменный стол, шкаф, этажерка. Посередине — круглый стол, рядом детская кроватка. Вся мебель размерами была чуть меньше обычной — будто подобрана под рост хозяйки.

В кроватке, свернувшись калачиком, спал толстый, розовощекий мальчуган. Лицо его выражало недовольство. Неожиданно вздрогнув, он захныкал, не открывая глаз.

— Ты иди, Ли-за, займи Валентина, — прошептал Полуяров. — Ну, не шуми, Сергей, не шуми, ну, здесь я, вот...

Выйдя в коридор, Валентин не выдержал и закурил, сказал с сожалением:

— Мне, пожалуй, пора.

— А чай? — недовольно спросила Лиза.

— Нет, спасибо. Пойду. Честно говоря, я расстроился у вас тут. Маму вспомнил, отца... Иногда хочется прийти не в пустую комнату, а домой... Чтоб тебя ждали...

— Вон оно что, — Лиза понимающе кивнула. — Я помню такое. Я ведь тоже по общежитиям помоталась. Невесты у тебя нет?.. И не беда, — убежденно заявила она. — Не так просто ее найти... Лучше одному перемучиться, чем потом вдвоем. Так ты забегай, не стесняйся.

— Куришь? — с завистью спросил Полуяров, выйдя в коридор. — Хоть дымом подышу.

Он вышел на крыльцо проводить Валентина и сказал, пожимая ему руку:

— Насчет своей истории ты поговори как-нибудь с Ли-зой.

С этим решением — поговорить обо всем с Лизой, попросить совета — и вернулся домой Валентин. Он уже полюбил свою комнатку и с удовольствием возвращался в нее после работы. Ворчливая хозяйка почти не стесняла его, только в день платы за квартиру встречала на крыльце. Трудно было с дровами, но завхоз издательства обещал кое-что «организовать». Заработок Валентина был не то, чтоб мал, но и не велик, за расходами приходилось смотреть строго — деньги кончались дня за четыре до очередной полочки.

Постепенно Валентин втягивался в занятия, в чтение, сколотил стеллаж для книг, писал рассказы, конспектировал статьи Горького о литературе, слушал музыкальные радиопередачи.

Комнатка была тесноватой. Узкая и продолговатая, она с трудом вмещала кровать, письменный стол, этажерку и два стула. По своему обыкновению все стены Валентин завесил фотографиями и репродукциями. Над столом, в рамке, висел портрет Ольги, вырезанный из журнала.

На столе уже целую неделю лежало начатое письмо к ней.

«Ольга, у меня есть тысячи доказательств того, что я имею право просить тебя о...»

Он взял чистый лист бумаги и написал, не останавливаясь:

«Оля, мне необходимо поговорить с тобой. В конце концов, так больше продолжаться не может. Это невыносимо. Я сделал все, чтобы забыть тебя, но...»

Перечеркнув написанное, он скомкал лист. Письмо не получается потому, что он сдерживает себя, робет при одной мысли о том, что Ольга будет держать это письмо в руках. Его любовь уже встретила отказ и было страшно рисковать еще. А вдруг? Он возлагал на письмо слишком много надежд, все надежды. Но ведь другого выхода нет. Надо писать. Сейчас. Немедленно, чтобы скорее узнать ответ, каков бы он ни был.

«Ольга, я много раз начинал это письмо, искал особенных слов и не нашел. Я люблю тебя. Я любил тебя тогда, когда даже не знал твоего имени. Я любил тебя тогда, когда ты была женой другого. Я люблю тебя всегда. Я не уйду от тебя ни за что».

Он порвал листок и написал снова:

«Оля, приходи во вторник в девять часов вечера в Комсомольский сквер, к газетному киоску. Очень прошу. В.»

Теперь оставалось набраться решимости опустить письмо в почтовый ящик за углом.

* * *

После разговора с Полуяровым Олег не вернулся домой, а направился в компанию, с которой веселился вчера. Девчонки в ней сплошь дуры, ребята все пижоны, но с ними приятно. Олег — в центре внимания. Наобещал Аллочке черт знает что. Она сразу вообразила, что произвела неотразимое впечатление.

Хуже всего то, что утром он не мог оправдаться перед Ларисой: язык не повернулся. Выкрутиться было пара пустяков, сочинить что-нибудь правдоподобное, а он покраснел, стал извиняться.

Сложнейшее положение. Два дня назад они так крупно поссорились, что Лариса совершенно серьезно предложила ему отправляться к родителям. Он отнесся к этому иронически, но уйти не мог. Олег побаивался Ларисы, хотя и не признавался себе в этом. Больше всего его насторожило то, что она слишком серьезно отнеслась к пустяковому случаю.

Изредка Олег писал театральные рецензии, которые считал скорее приятным времяпровождением, чем настоящей работой. Договорившись с Копытовым, он пошел на очередную премьеру в драматический театр. Лариса осталась дома: пьеса ее не привлекла, показалась неискренней. Герой был консерватором, героиня — новатором, директор завода ополчился против героини, парторг стоял за героиню и перевоспитал всех отстающих в последнем акте при помощи многочисленных повторений общеизвестных истин.

Перед уходом в театр Олег полистал пьесу и заключил:

— Ерунда. Так в жизни не бывает.

— Как раз бывает, — возразила Лариса. — Только в тысячу раз сложнее, напряженнее и интересней.

Из театра Олег пришел рано — не досмотрел последнего акта. Жалея о потерянном времени, он зло высмеял пьесу, недостатки спектакля и сел писать рецензию.

Наутро Лариса, вытирая пыль со стола, увидела рукопись и прочла заголовок: «Песнь о созидании. Новый спектакль драматического театра». Не веря своим глазам, она прочитала рецензию, расхваливавшую и пьесу, и спектакль.

— Это что такое? — крикнула Лариса, вся дрожа от гнева.

— Рецензия, — ответил Олег.

— Это халтура, а не рецензия! Это беспринципность! Фальшь!

— Мне надоели твои идейные выкрики, — грубо начал Олег, но умолк, увидев, что Лариса рвет рукопись.

— Гонорарщик! Где твои красивые слова о долге журналиста? О смелости? Какой же ты после этого журналист! Нет, не может быть! Неужели это ты написал?

— Перестань, — Олег поморщился, — не выдавай наивность за добродетель. Можно подумать, что наша уважаемая газета согласится когда-нибудь разругать пьесу, одобренную центральной печатью.

— Это дело Копытова — печатать или не печатать. А ты зачем писал?

— Не я первый, не я последний. В конце концов, когда тебе надоест строить из себя пропагандиста, который судит о жизни по лекциям, размноженным на стеклографе? Неужели тебе надо объяснять, что мнение областного журналиста должно совпадать...

— Замолчи, или я ударю тебя, Олег! Мерзость какая! Меня всю трясет... Я ожидала от тебя чего угодно, только не это! — Она передернула плечами. — Все могу простить, кроме лжи.

— Ты положительно ненормальный человек.

— Только посмей сдать рецензию... Мне надо подумать, стоит ли нянчиться с тобой...

Рецензию он не сдал, но столкновение с Ларисой озлобило его. Он всегда считал, что она обожает его до слепоты, что он сам себе и ей хозяин. И вдруг он увидел Ларису непокорной и сильной. Он впервые подумал, как он отнесется к тому, если Лариса разлюбит его. В это просто не верилось. «Ну, а если?» — спрашивал он себя. И сколько ни пытался уйти от ответа, думалось: он потеряет что-то очень для него важное, может быть, даже необходимое. Это «что-то» пока неощутимо, пока Олег может обойтись без него.

Олег изменил Ларисе и сразу пожалел об этом. Щекотливое чувство независимости, лестное внимание избалованной поклонниками Аллочки, даже сознание превосходства над кутящей компанией — недолго радовали Олега. Он попросил бы у Ларисы прощения, если бы не увидел, что она действительно может расстаться с ним. Это возбудило желание доказать, что он ни от кого не зависит и проживет один.

Трудно было открывать дверь в комнату, когда он вернулся домой. Он чувствовал, что Лариса все знает. Если бы он застал ее рассерженной, заплаканной, несчастной, он упал бы ей в ноги и вымолил прощение.

Но он не мог точно определить, что поразило его в Ларисе. Она стояла у окна, задумчивая, строгая, и он понял: сейчас ему не будет прощения. И сразу захотелось доказать, что простить надо, что он сам понимает, что поступил мерзко.

— Вещи пока не будем разбирать, — сухо сказала Лариса. — Мне неприятно тебя видеть... Потом как-нибудь разберешь.

— Ларочка...

— Что?

— Можно мне сегодня остаться здесь?

— Нет, нельзя.

— Но... — Олег остро сознавал, что ему далеко не безразлично, чем закончится разговор. Он согласился бы выслушать любые упреки и обвинения, лишь бы остаться сейчас с Ларисой. — Я виноват, — с трудом проговорил Олег, чувствуя банальность своих слов. — Я обещаю, я клянусь тебе... Ты всегда была доброй и великодушной и... — он не решился сказать «очень любила меня».

— Что же ты не договариваешь? — спросила Лариса. — Я ведь не боюсь правды. Я даже могу сознаться... — губы ее страдальчески искривились, глаза сузились, удерживая слезы. — Я даже могу сознаться, — тихо повторила она, — что люблю тебя... могу простить, мне это совсем не трудно.

— Прости.

— Что?

— Как что? Ну, то... что я не ночевал дома.

— Ты знаешь, я до сих пор не верю, что ты изменил мне, — темносиние глаза Ларисы словно посветлели, — ну, никак не верю... хотя это и так. Ты мне слишком дорог,

чтоб я простила тебя. — Она смотрела в глаза ему. Во взгляде было столько любви, что Олег опустил голову. Лариса с болью и лаской сказала:

— Я ведь так ничего и не поняла. Почему ты не смог полюбить меня? Я тебе не нравлюсь как женщина? Первая встречная лучше, что ли? Не правда... Как грубо я говорю... А рецензией ты меня убил... Иди. Я одного только хочу, чтобы ты, хотя бы под конец жизни, сказал мне спасибо.

— Спасибо.

— Иди.

...Плохо человеку, когда он один. Лариса посмотрела на портрет любимого поэта. Поэт хмурился. Он-то должен понять ее. Он-то знал эту, застилающую глаза страсть, которая может бросить в могилу, может дать крылья, поднять в облака. Плохо человеку, когда он один.

На другой день она не встала. Только к вечеру подумалось: «А вдруг ничего не было? Просто приснился дурной сон, сейчас она проснулась, и Олег вот-вот войдет в комнату. Стучат! Нет, тихо. Все это было... Кажется, одно усилие, еще раз закусить губы и — будешь уверенной, спокойной. А сердце ноет, оно глупое, сердце, оно ничего не понимает».

Стучат! Стучат! Лариса бросилась в коридор, толкнула дверь.

— Добрый вечер, — ласково проговорила стоявшая на лестничной площадке Лидия Константиновна. — Как далеко вы живете! Извините, что поздно навещаю вас.

Лариса пропустила ее вперед, а сама задержалась в коридоре, чтобы собраться с силами. Она впервые заметила, как Олег похож на мать.

— Где же вы, Ларочка? — позвала Лидия Константиновна. — У вас уютно, симпатично. Не лучше ли стол переставить сюда? Да, кстати, я ведь по делу. Я хочу забрать вещи. А почему у вас такой больной вид? Вы нездоровы?

— На-сморг. Какие вещи?

— Пейте стрептоцид. Вещи Олега, разумеется. Вы представьте, ни одной рубашки.

— А! — тихо вскрикнула Лариса и натянуто рассмеялась. — Пусть сам придет.

— Сам? — недоуменно спросила Лидия Константи-

новна. — Он не может. Не обижайтесь, но ему неприятно. Вы должны это понять, Ларочка.

— Мне тоже неприятно, — сказала Лариса и удивилась, что она до сих пор сдерживается, даже не плачет.

— Неужели вам еще хочется его мучить? — Лидия Константиновна с укором взглянула на Ларису. — Довольно. Он и так много пережил.

«Плакать я не буду, — подумала Лариса, — скорей бы она ушла», а вслух сказала:

— Берите вещи. Вон чемоданы. Я все уложила.

— О, спасибо.

Задержавшись в дверях, Лидия Константиновна заботливо, мягким голосом (совсем как Олег) проговорила:

— Ради бога, ни о чем не беспокойтесь. Деньги вы будете получать абсолютно аккуратно.

— Вот спасибо, — кусая губы, произнесла Лариса, — вот хорошо... А сколько вы будете... мне платить?

— Ну, рублей триста-четыреста.

У Ларисы зачесалась правая ладонь. Казалось, разожмись кулак, и рука сама ударит эту даму по пухлой щеке. Лариса шагнула назад, проговорила:

— Немало.

— Я тоже так думаю, — обрадованно согласилась Лидия Константиновна. — Я всегда считала вас в высшей степени порядочной девушкой. К тому же, все расходы по разводу мы...

— Идите к черту, — устало сказала Лариса. — Убирайтесь.

Закрыв дверь, она подумала: «Я не стану рвать на себе волосы. Сейчас я сниму футляр со швейной машины, сяду и буду шить распашонки. Мне нельзя волноваться, иначе крошка вырастет нервной. Такое впечатление, что нервы дрожат. Но я этого не замечаю...» Ее характер, — считала Лариса, — состоит из семидесяти пяти процентов воли и двадцати пяти процентов прочих качеств. В эту ночь она решила, что на всякий случай неплохо бы иметь запас воли свыше нормы.

* * *

Копытов растерянно смотрел то на Ларису, то на Полюрова.

— Ну, это уж зря, погорячились, — бормотал редактор.

— Или я должна уйти из редакции, или он, — настойчиво убеждала Лариса.

— Мы не можем отпустить тебя, — твердо возразил Полуяров, — глупо было бы... за чьи-то грехи отпускать хорошего работника. Сергей Иванович, я считаю, что нужно обсудить вопрос о Вишнякове на общем собрании. На этом настаивает весь коллектив.

— Только и забот, что моральные дела обсуждать, — недовольно проворчал Копытов. — Давайте!

— Сильна девка! — восхищенно сказал он, когда Лариса вышла. — Мне бы такой характерец... Дурак Вишняков. А ты что «Сорняк» задерживаешь? Не хочешь печатать? Почему?

— Неужели не понимаешь?

— Нет. Псевдоним поставим. А материал поучительный. Чтoб другим неповадно было. Кому какое дело, что автор...

— Это наше дело, Сергей Иванович.

— Не понимаю. Я бы напечатал.

— А я нет.

На собрание пришли все, даже уборщица тетя Настя, сухонькая аккуратненькая старушка, с мальчишеским голоском. Олег сидел в углу, бледный, сгорбленный. Он часто менял позу, трогал узел галстука, приглаживал и без того гладко уложенные русые волосы, почему-то проводил по бровям мизинцем. Полуяров долго молчал, не зная, с чего начать. В дверях стояла Лариса, он не мог отвести от нее глаз, сердце остро ныло.

— Товарищи! — резко сказал Полуяров и замолчал, подумав, что каждое слово, наверное, больно колет Ларису. — Мы собрались... собрались обсудить поведение работника нашей редакции Вишнякова. Мне кажется, что есть причины провести не обычное собрание, а товарищеский суд. Какие будут предложения?.. Кто за это предложение?

— Прошу слова, — быстро проговорил Николай, сидевший рядом с Олегом. — Кого, за что судить? Вина Вишнякова еще не доказана. Мы не имеем права судить его. Не надо забывать, что Вишняков — коммунист. За свое поведение он в первую очередь отвечает перед партийной организацией.

— Проголосуем. Кто за то, чтобы считать наше собрание товарищеским судом над Вишняковым, обви-

няющимся в поведении, недостойном советского журналиста?

Ни одна рука не поднялась. Подождав, Полуяров заметил, что и сам не голосует. Но вот сразу поднялось несколько рук, потом еще... еще...

— Большинство. Прошу назначить кандидатуры в президиум.

После голосования Полуяров, избранный председателем, предложил Олегу пересест к столу президиума, лицом к собравшимся. Если бы сейчас по каким-либо причинам можно было отменить или хотя бы перенести собрание, все вздохнули бы с облегчением. На сердце у каждого было тяжело. Коллектив чувствует себя особенно ответственным за судьбу товарища тогда, когда ясно, что ему уже не место в коллективе.

— Суть дела, — глухо начал Полуяров, осторожно подбирая слова, — суть дела сводится к следующему. Вишняков ведет себя примерно так же, как герой известной вам корреспонденции «Сорняк». Две ночи он не ночевал дома, пьянствовал в компании девиц сомнительного поведения. Прошу высказываться.

— Может быть, послушаем Олега Филипповича? — предложил Копытов.

— Надо, надо, — нестройным хором согласились присутствующие.

Олег посмотрел в потолок. Валентин заметил промелькнувшую в его взгляде искорку какого-то решения. У Олега даже шевельнулись губы, но он сдержался и, опустив голову, заговорил тихо, почти вполголоса:

— Вы понимаете... мне тяжело... я виноват перед вами и перед Ларисой. Очень виноват. Я просил у нее прощения, но... Я готов понести самое суровое наказание. Одна справка: я был не в компании девиц сомнительного поведения, — он добродушно улыбнулся, — а среди школьных товарищей.

— Вопросы есть?

— А частенько ты с товарищами по ночам встречаешься? — крикнула тетя Настя.

— Два раза.

— А где ночевал? — спросил кто-то из заднего ряда.

— У них.

— У девиц или у товарищей? — крикнула тетя Настя.

— У товарищей, конечно.

— Почему не дома?

— Ну, выпил много... соображал плохо.

Первым взял слово Копытов:

— Вот понимаете ли, какая история. Это хорошо, Олег Филиппович, что ты свою вину осознал. Молодец. Я о другом хочу сказать. Вот сидите вы здесь, молодые, счастливые. Только мне да тете Насте за сорок. Да Пал Палыч нас догоняет.

— Года-то тут ни при чем, — вздохнула тетя Настя.

— При нас они, при нас! — оживился Копытов. — Я, знаете ли, вспоминаю, как мы, старики, росли. Олегу Филипповичу двадцать семь лет, а он уже специальность имеет, высшее образование и, хоть не принято в наше время об этом говорить, кусок хлеба имеет, работает в свое удовольствие. А ради кого мы трудно жили? Ради тебя, знаешь ли, Олег Филиппович. Вот и посуди, какой с тебя спрос за жизнь, — Копытов разволновался, вытер лоб платком. — Поведение твое — стыд и позор, а ты еще и журналист, статьи на моральные темы пишешь... Я потом еще выступлю, пока помолчу.

Маро не просила слова. Она встала и быстро проговорила:

— Он совсем плохой человек. Я давно, раньше всех знала, никто меня не слушал. Я бы его с работы выгнала. Да.

— Зачем же так? — вскочил Копытов. — Давайте сначала обсудим, поговорим, есть ведь, о чем поговорить. Решать потом будем.

Валентин не хотел выступать, но, посмотрев на Полуярова, вспомнил даже выражение его лица, когда тот говорил о непримиримости, и встал.

— Мы с вами тоже виноваты... — сдержанно начал Валентин. — Что греха таить, кое-кто из нас предполагал, что с Вишняковым все может быть. Молчали. Мы прощали ему и вредные разглагольствования о методах журналистской работы, прощали пренебрежительное отношение к коллективу, прощали зазнайство и высокомерие. Моральное падение Вишнякова не случайность. Вспомните историю с очерком «Таков советский человек», вспомните историю с рецензией «Песнь о созидании». Лишний раз убеждаешься, что журналист должен быть безупречным во всех отношениях. Простишь себе один раз фальшь в строчках, потом в жизни начнешь фальши-

вить. Я лично за увольнение Вишнякова из редакции. Это, по-моему, единственный правильный выход. Если Вишняков хочет стать настоящим журналистом, он испустит свою вину. Найдет возможность вернуться в газету. Сложнее вопрос с семьей. — Валентин посмотрел на Ларису и быстро закончил. — Мое предложение: просить администрацию уволить Вишнякова из редакции.

— Нельзя так, товарищи, — растерянно сказал Копытов, — очень уж... Олег Филиппович осознал свою вину. Надо дать ему возможность исправиться. Он же человек, тут осторожно надо действовать. Мы жестоко его осудим, и пусть работает. Ведь иначе разговоров не оберешься. Добро б уволили из-за чего-нибудь... а то... С этим, с моральным обликом, сейчас, знаешь как!

— Кто еще будет говорить?

— Я.

Все повернулись на голос Ларисы. Глаза ее были заплаканы, но заговорила она ровно, неторопливо:

— Вряд ли я смогу сказать что-нибудь связное. Тут обвиняли Вишнякова в плохом отношении ко мне. Да и вообще осуждали только за это... Да, мы разошлись... Это мое горе и моего ребенка... Но пусть он больше не пишет статей на моральные темы. А ведь он будет писать! Потому, что он нечестный газетчик. Вот за это его и надо... уволить.

— Ну что ж... — Полуяров обвел всех вопрошающим взглядом. — Будем голосовать? Кто за первое предложение: просить администрацию уволить Вишнякова из редакции, как опозорившего себя недостойным поведением?.. Один, два, три... Большинство.

— Еще бы! — с отчаянием воскликнул Олег, вскакивая. — Вы из зависти готовы на что угодно! Придрались даже к семейной жизни. Конечно, теперь нам не помириться... Я с радостью уйду отсюда, я давно собирался... За меня не бойтесь, не пропаду, не одна редакция на свете.

Он быстро прошел к двери, но остановился. На пути его, не двигаясь, стояла Лариса.

— Ты не беги, не бойся, — тихо проговорила она.

— Я не боюсь.

— Ты должен извиниться перед нами.

— К чему эта комедия?

— Ты должен извиниться перед редакцией. Ну, наберись мужества.

Олег боком проскользнул мимо Ларисы.

Расходились молча, смотря под ноги. Валентин одевался, когда к нему подошел Николай и сказал:

— Вы уверенно расчищаете себе дорогу. Кто еще мешает?

— Вы.

Николай от неожиданности растерялся, потом сделал попытку улыбнуться.

— Ни к чему эти ужимки, — бросил Валентин, — надоело.

Николай, взволнованный собранием, и не думал обижать Валентина. Скорее, наоборот. У него проскользнула мысль: а нельзя ли как-нибудь поговорить по душам, может быть, чем черт не шутит! Лесной вовсе не счастливый его соперник. Но едва Николай увидел спокойное лицо Лесного, все в нем закипело, сердце охватила бесильная злоба.

— Нам нельзя работать вместе, — резко произнес он.

— Мне отдел нравится, я из него не уйду, — твердо ответил Валентин. — Работать с вами трудно, это да. Вы же ничего не делаете.

— Жаловались?

— Нет. И так все видят.

— На мой стул метите?

— Слушайте, Рогов, — Лесной подошел поближе. — Бросьте. Как работник вашего отдела я для вас приемлем. От работы я не отлыниваю, вы это знаете. Вы меня ненавидите по другим причинам. И давайте не будем переносить на работу... глупую ревность.

— Не болтайте, вы!

— Юпитер, вы сердитесь. Не кривите душой, Рогов, скажите прямо, что ненавидите меня из-за Ольги...

— Мне абсолютно безразлично, что у вас там...

— Это называется истерикой, — прервал его Лесной и вышел.

Дома Николай обычно зажигал настольную лампу, доставал из кармана бутылку вина и начинал мыслить о жизни. Сначала настроение было препаршивейшее, хоть волком вой. Он вспоминал, как целыми днями наблюдал за Лесным, отыскивая, к чему бы придраться. И от того, что придраться было не к чему, злился еще больше. Его

выводил из себя каждый телефонный звонок, потому что к трубке чаще звали не его, а Лесного. К нему, а не к Николаю, приходили посетители. Создавалось впечатление, что заведующий отделом Лесной.

Выпив полбутылки, Николай веселел. Он всякий раз давал себе слово, что это последняя бутылка, что с завтрашнего вечера он начинает работать, что журналист он способный, в отличие от Лесного, и что жизнь еще наладится.

Оскорбленное самолюбие толкало Николая на поступки, за которые он в глубине души ругал себя. Сегодня, например, он передал Лесному всю свежую почту, а сам принялся рыться в столе.

— Хорошо, — согласился Лесной, — но меня ждут на паровозоремонтном заводе. Сначала съезжу туда.

— Меня не интересует, кто и где вас ждет, — раздраженно ответил Николай. — Вы нянчитесь с вашими паровозоремонтниками, но в плане нет ни одной статьи по этому заводу. Зато намечена статья о патефонниках. От нее вы отлыниваете.

— Паровозники подсказали интересную тему. Статья о патефонниках на машинке, к вечеру сдам.

«Хоть бы психанул! — обиженно подумал Николай. — Ничем его не проймешь!» А вслух сказал:

— Прежде — письма. И сейчас, а не потом. Мне виднее, что делать.

Тут Лесной не сдержался и проговорил:

— Вы мне мешаете работать!

— За вашу работу отвечаю я.

Вспомнив об этом, Николай чуть не сплюнул. Пора кончать. Надо уходить из редакции, уезжать в другой город, иначе можно надеться глупостей.

Он убрал бутылку в буфет, оделся и пошел к Олегу. Только он может подсказать что-нибудь дельное. Олег не растерялся, он всегда знает, что надо предпринять.

В богато обставленной столовой Вишняковых был приготовлен обильно накрытый стол, как будто свидетельствующий о том, что в семье произошло приятное событие. Олег молча указал Николаю на стул.

— Вы знаете, — обиженно поджав губы, произнесла Лидия Константиновна, — как не повезло Олегу? Лучший работник редакции, и, пожалуйста, придрались к пустякам! Поверили разным доносам и сплетням! Напрасно ты

отказываешься жаловаться, Олег. Надо сходить в обком партии, там же сидят умные люди...

— Мамочка, помолчи.

— Что ты решил? — спросил Николай.

— Пока ничего, — ответила Лидия Константиновна, — спешить некуда. Выберем город получше и переедем.

— Примерно так, — хмуро подтвердил Олег, — спешить, действительно, некуда.

— Но нельзя тянуть с разводом, — обеспокоенно проговорила Лидия Константиновна. — Пока она не успела наскандалить...

— Мамочка, прошу тебя, перестань.

— Но почему, милый? Ты обидел меня тем, что не послушался тогда. Вспомни мои слова. Я ведь не сторонница красивых фраз. Семья держится не на каких-то там высоких принципах, а на самых прозаических вещах: квартира, зарплата и прочее. Вспомни, как остроумно сказал Аркадий Семенович: «В квартирах с ванной семьей прочнее». А Лариса... Она и не пара тебе, и... Ну, хорошо, хорошо, не буду, — Лидия Константиновна ласково похлопала сына по щеке. — Я очень довольна, что ты стойко переносишь все неприятности.

— Не обращай внимания на ее болтовню, — брезгливо сказал Олег, когда мать вышла. — Положение очень серьезное... Пока меня зажали. И крепко. А кто? Неучи, вроде... впрочем, всех не перечислишь.

— А что ты намерен предпринять? — спросил Николай, который немного успокоился, увидев, что и Олегу нечем похвастаться. Но уже следующая фраза Олега: «Я добьюсь своего» повергла Николая в уныние. «Ты прав, — с завистью подумал он, — ты своего добьешься. А я?.. Научиться бы писать так, чтобы не выслушивать бесконечных придирок, чтобы не тратить силы на мелкие информации, под которыми стыдно ставить свою фамилию... Сделать бы что-нибудь такое... Вот тогда и начнется эта красивая жизнь известного журналиста, который пишет о чем хочет и как хочет».

Вернувшись домой, Николай еще раз подумал, что Олег — счастливчик, что он выкрутится из любого положения. А почему он, Николай, не умеет так жить? Ведь у Олега положение куда серьезнее, а он в себе уверен, не дрожит.

Крепло желание найти выход, одним ударом разрубить

запутавшийся узел. Надо было действовать решительно.

Наутро Николай прямо прошел к редактору.

— Уберите от меня Лесного,— неуверенно сказал он.

— Еще что? — удивленно протянул Копытов.— С ума, что ли, сошел? Мало в редакции скандалов? Нет мне дела до ваших капризов, мне работать надо, а не ваши чувства... анализировать, понимаешь ли. Иди к Пал Палычу, пусть он решает.

Обратиться со своим требованием к Полуярову Николай рискнул не сразу. Он походил по коридору, два раза прочитал давнишнюю стенгазету. Ему все-таки удалось доказать себе, что бояться нечего, и он вошел в кабинет.

Николаю казалось, что он говорит убедительно. И Полуяров, как будто соглашаясь с ним, кивал головой.

— Вы, конечно, слышали об истории с моей женой,— говорил Николай,— представляете, как это отразилось на моей жизни. Я умею держать себя в руках, но, согласитесь, всему есть предел. Я не могу работать с Лесным. Будь он заслуженный работник, я бы сам ушел из редакции, но... Лесной у нас новый человек... Вы понимаете, я не могу...

— Очень хорошо понимаю,— озабоченно произнес Полуяров.— Ты прав. Нельзя вам вместе. В какой отдел хочешь?

— То есть? — поразился Николай.

— Нет никаких оснований...— Полуяров задумался и повторил: — Нет никаких оснований переводить Лесного в другой отдел. Человек он у нас новый, но работает неплохо. Лучше тебя.

— В таком случае, я подаю заявление об уходе, — сказал Николай.

Полуяров сел напротив Николая, посмотрел на него не то с участием, не то с жалостью.

— Хорошо, что ты зашел,— сказал Полуяров,— надо что-то придумать. Я не оправдываю твоего поведения, но сочувствую. По-моему, ты, Николай, напрасно обвиняешь Лесного...

У Николая дернулась щека. Он криво усмехнулся и проговорил едко:

— Спасибо за сочувствие. Можно идти?

Отступать было поздно. Оскорбленное самолюбие, страх получить понижение в должности победили нерешительность, и после работы, выждав, когда редакция

опустела, Николай направился к Копытову. Открыв дверь в приемную, он услышал доносившийся из кабинета голос редактора:

— Воду мутишь, Паша. Не в том дело.

— Снимут тебя с работы,— раздался в ответ голос Полуярова.

— Не надейся,— сказал Копытов,— я знаю, кто на мое место метит, кто против меня коллектив восстанавливает, кто за моей спиной в прятки играет. Ты, Паша.

— Ересь говоришь.

— Ты, Паша, яму роешь. А кто в нее упадет?

Николаю стало стыдно, что он подслушивает чужой откровенный разговор. Он отошел в другой конец коридора. Когда в дверях приемной показался Полуяров, Николай смутился, словно застигнутый на месте преступления.

— Почему домой не идешь? — Полуяров по своей привычке смотрел испытующе, прямо в глаза.

— Да... задержался... Дела передавать надо.

— Смотри, Николай... доиграешься. Докапризничаешь. Работать надо, а не... перемен ждать.

Оставшись один, Николай растерянно задумался: сказать или не сказать? Копытов и Полуяров — враги, значит... надо сказать. Еще немного поколебавшись, Николай открыл дверь в кабинет редактора. Копытов резко бросил:

— Зачем?

— Мне нужно посоветоваться с вами, Сергей Иванович,— осторожно начал Николай.— Мое положение в редакции довольно нелепо. Но я беспокоюсь не о себе... Попытаюсь объяснить. Все считают, что я, так сказать, ваш ученик, а Лесной — подопечный Полуярова. И сейчас, когда на мое место Павел Павлович собирается посадить Лесного, это могут истолковать... Понимаете? Я человек прямой и прямо вам говорю: редакция смотрит и ждет: кто кого?

— Врешь...— коротко выдохнул Копытов.— Не верю!

— Как знаете...— растерянно пробормотал Николай.— Может быть, мне показалось...

— Ты брось сплетни разводить. Ученик!

...По дороге домой Николай остановился у первого попавшего на глаза киоска.

Глава восьмая

Маленькая надежда на большое счастье, без которого жизнь казалась немислимой, крепла. Но Валентин долго оттягивал разговор с Ольгой. Свидание в Комсомольском сквере не состоялось — Ольга заболела. Валентин обрадовался ее коротенькой записке не меньше, чем встрече. «У меня грипп, — писала Ольга, — сижу дома. Как поправлюсь, позвоню». Он перечитывал записку по несколько раз в день, вглядывался в буквы и говорил себе: «Все будет хорошо, только надо работать, жить, не жалея сил».

Они увиделись вечером тридцать первого декабря в том же сквере, где стояла гипсовая физкультурница, стройные ноги которой почти по колени утопали в снегу.

Внизу за чугунной решеткой, под высоким, крутым обрывом, лежала невидимая река, скованная льдом. Вдали, на другом берегу, вздрагивали, словно от холода, цепочки огней.

Шли молча. Присели на занесенную снегом скамейку. Ольга положила голову ему на плечо. Валентин растерялся. Происходило то, о чем он давно мечтал, особенно тогда, когда казалось, что выстрадавшая им любовь ей не нужна. Но сейчас он испытывал лишь щемящее волнение, а не радость. Вдохнув, Ольга выпрямилась, посмотрела на него широко раскрытыми, тоскливыми глазами и почти беззвучно сказала:

— Странно, даже зимой река чувствуется.

— Ветер...

Она помолчала и проговорила насмешливо:

— Ничего из этого, видно, не получится.

А сама подумала: «Иногда хочется прибежать к нему, заглянуть в глаза, рассказать... все равно будем вместе». В ней боролись два желания, одно сильнее другого: влечение к Валентину и недоверие к самой себе. Ведь все зависело от нее: позови она — и он придет. А потом? Пылкая, восторженная любовь, на руках будет носить, а потом? Надо думать об этом. В конце концов, от этого зависит вся жизнь.

— Ты устала, — донесся до нее голос Валентина. — Только ты не сердись. Знаю, у тебя и без меня неприятностей много, но и я не виноват.

— Не надо нам встречаться, — резко сказала Ольга и, сама поверив этому, продолжала горячо: — Вот перестану

себя в руках держать, забудусь... и к тебе могу прийти. Ты ведь меня совсем не знаешь, и я тебя совсем не знаю... Я только не сдержись, и начнется у нас с тобой... потом не рады будем. Начнется вроде бы с любви, а кончится... кто знает?

— Ерунду ты говоришь, Оля. Устала ты.

— Устала,— помолчав, согласилась она.— Думать не хочется. А тут еще ты. Теперь я никакой любви не поддамся. Сто раз ее прогоню.

— А я в своей уверен. Я без нее не могу.

— Лишний раз проверить не вредно,— твердо проговорила Ольга.— А если и вправду не можешь, твое от тебя не уйдет... Валька, милый! — она взяла его лицо руками, притянула к себе, прошептала: — Если бы ты знал... Ведь тебе не это надо, что я сейчас тебе могу отдать... Не надо нам встречаться!

Ольга закрыла глаза, чтобы удержать слезы, но они проникли сквозь ресницы, заблестели на щеках.

— Ну что ж...— Валентин подавил тяжелый вздох.— А что мне делать?

— Не знаю... Провожать меня не надо. Ладно? Встречай Новый год и... пожелай мне чего-нибудь очень хорошего.

Придя домой, Валентин открыл форточку, подождал, пока в комнате стало прохладно, и сел писать.

«Жизнь идет, жизнь уходит, об этом нельзя забывать,— начал он, еще не разобравшись, какая мысль завладела им.— Об этом думают не нытики и бездельники. Седой полководец, выиграв важный для истории народа бой, быть может, подумает, склонившись над картой, что принес бы больше побед Родине, если бы не сроки жизни. Художник, положив последний мазок на холст, отойдет, взглянет, довольный, и пожалеет, что, конечно, не успеет написать все картины, какие задумал».

Валентин пробежал глазами написанное, хотел подчеркнуть, но беспокойные мысли так и просились на бумагу. Он продолжал:

«Не того, что жить суждено только единожды и недолго, боятся те, кто живет большой жизнью. Они уверены, что даже такое короткое мероприятие, как жизнь, можно провести с пользой и толком, успеть сделать многое. У них не опускаются руки при приближении смерти, холодеющее сердце охватывает не тоска, а радость от

сознания, что прожил на земле, хоть недолго, — но человеком.

Чем больше трудится человек, тем горше ему знать, что жизнь очень уж коротка. Нет, быстролетность человеческого существования — не праздный вопрос, потому что жизнь не такое маловажное дело, чтобы не думать над ней серьезно и основательно. Иногда тот, кто не вспоминает о смерти, начинает хоронить себя в молодости, а те, кто не забывают, что когда-нибудь умрут, до седых волос остаются молодыми.

Мне двадцать семь лет, а я ничего, ровным счетом ничего не успел сделать, словно и не начинал еще жить. Если я сегодня умру, после меня не останется никаких следов, будто меня и не было. Я должен, я обязан удесятить усилия, загрузить мозг работой, чтобы ни одного дня, ни одного часа, ни одной минуты не пропало без пользы.

Но мне мешает моя до нелепости неудачная личная жизнь. А я хочу быть счастливым, я буду счастливым.

Мне нужна ее любовь.

Я буду за нее бороться».

*

Падал и падал снег, спешил встретить Новый год на земле.

Лариса бродила по улице. Навстречу шли шумные, по-праздничному беззаботные люди. Лариса смотрела под ноги, боялась поднять глаза: каждый встречный мужчина походил на Олега. Где он сейчас? Что делает? Наверное, завязывает перед зеркалом галстук и напевает. «А мне что делать? Какую песню петь?» — с болью и отчаянием думала Лариса.

Домой она вернулась уже в одиннадцатом часу.

— Идем к соседям? — спросила Александра Яковлевна. — Очень зовут. Ну нельзя же, милая! Хорошая моя, ведь Новый год! Праздник!

— Да, — печально согласилась Лариса, — весело...

— Не надо... У тебя вся жизнь впереди. Я и то надеюсь счастливой быть... Почему никого не пригласила?

— Кому я нужна, такая?

— Да ты что, Лариса! — с упреком проговорила Александра Яковлевна. — Плохо так думать.

— Мама, мне... идем куда-нибудь. Нет, лучше я уйду... Здесь больно, режет, — она положила руку на сердце. —

Больно. Понимаешь? Все время, не переставая, болит. Уснуть бы... Я пойду лягу.

Положив голову на подушку, Лариса зыбылась. Мать занялась стряпней. Не может быть, чтобы никто не заглянул. Лариса, правда, не хочет никого видеть. Приход друзей необходим самой Александре Яковлевне. Она привыкла к молодежи, а сейчас, в эти дни, у матери особенно тяжело было на душе, она даже ловила себя на желании прикрикнуть на дочь, сорвать злость. Устали нервы, необходимо было хоть ненадолго отвлечься.

Услышав стук в дверь, Александра Яковлевна поспешила в прихожую. На пороге стоял Валентин с кулками, пакетами и картонками в руках.

— С Новым годом,— сказал он почему-то шепотом.— И обязательно с новым счастьем... Не выгоните?

Когда он сложил покупки на стол и снял пальто, Александра Яковлевна притянула его голову к себе и поцеловала в лоб.

— Спасибо, Валя. Просто очень спасибо. Совсем спасибо, как Маро говорит.

— Пожалуйста,— смутился Валентин.— Не за что, собственно. А что сделать, чтобы ее развеселить?

— Развеселить ее вряд ли удастся, но что-нибудь придумаем.

— С кем ты разговариваешь? — крикнула из комнаты Лариса.

Александра Яковлевна знаком попросила Валентина молчать. Лариса вошла в кухню, остановилась, изумленная, и резко спросила:

— Зачем?

• — Новый год встречать.

— Брось, — усмехнулась она, — на кладбище сейчас веселее, чем у нас.

— А я не на веселье пришел... Ты посмотри, чего я купил! — искренне похвастался Валентин.— Тебе что есть можно?

— Сегодня все,— разрешила Александра Яковлевна.

Зайдя в комнату к Ларисе, он нахмурился.

— Может быть, мне лучше помолчать? — спросил Валентин.— Я еще вчера хотел с тобой договориться, что приду. Понимаешь, какая тут история произошла... Вдруг ни с того, ни с сего мне подумалось, что Новый год я

встречу, наверное, с Ольгой. Не знаю, где, не знаю, как, но обязательно с ней.

— Я о вас с Ольгой иногда больше, чем о себе, думаю, — проговорила Лариса. — Уж если у тебя дело плохо кончится, значит, — закон природы.

— Ну, знаешь, природу можно и переделать.

В дверь забарабанили.

— Маро?! — поразились Лариса.

— С Новым годом, Ларисочка! — вбежав в комнату, Маро кинулась к подруге, легко и осторожно подняла на руки и пропела: — Баю-баюшки-баю. Роди, душа, пожалуйста, девочку, только ростом поменьше, чем я. Нянькой буду, я сильная. Баю-баю-бай!

— Сговорились? — ласково спросила Лариса.

— Совсем нет.

Когда сели за стол и подняли бокалы, Маро вскрикнула:

— Ой! Я умру! Мне страшно! Я забыла! Если он убежал, он правильно сделал! Я дура! Да!

Разбросав стулья с дороги, она выбежала из комнаты. Валентин бросился было за ней, но остановился, взглянув на часы.

— Почти двенадцать.

В дверях показалась Маро. Она тащила за руку Максима Максимова.

— Ух! — облегченно выдохнула она. — Он замерз. Он меня ждал.

Начали бить часы. Рюмки под руками не оказалось, и вино для Максима стали наливать в солонку (соль высыпали прямо на скатерть). Он отрицательно замотал головой и показал глазами на графинчик с водкой.

— С Новым годом! С новым счастьем!

Выпили точно под двенадцатый удар.

— Вот теперь — здравствуйте, — сказал, сняв полупальто, Максим. — Страху-то я натерпелся. Думал, придется мне из-за Маруси сосульки вместо вина глотать.

— Ты молчи! — возмутилась Маро. — Ты водку пил.

— Я меру знаю, — гордо произнес Максим.

— Пора бы, Маро, представить своего кавалера, — сказала Александря Яковлевна.

— Он не кавалер, он... Максим, — потупив глаза, проворчала Маро. — Он песни смешные поет. Пой.

— После первой не могу. Голос мерзлый.

— Я тост скажу,— Маро поднялась.— Пословица есть. Без вина можно жить, без хлеба трудно жить, без воды можно долго жить, без воздуха можно совсем мало жить... А без чего совсем нельзя жить? Выпьем за это!

— А за что? — недоуменно спросил Валентин.

— Понятное дело, — крикнув, ответил Максим.— Само собой, за любовь.

— Ай! — вскрикнула Маро и погрозила ему кулаком.— Никто так не думал. Один ты! Без дружбы нельзя жить! Да!

— Ну, Маруся, кому как. Мне лично...

— Пой! — приказала Маро.

Максим нехотя отодвинул от себя тарелку с винегретом, сделал тоскливое выражение лица и затащил обреченным басом:

Семь братьев было нас на свете,
Мы продавали толсту шерсть,
Когда один из нас скончался,
Нас осталось шесть.

Потом Максим скорбно сообщил, что братьев осталось пять, четыре, три, два. Все сидели, зажимая рты руками, чтобы не рассмеяться. А Максим, чуть не рыдая, стонал:

Когда один из нас скончался,
То не осталось никого.

— И такого певца ты хотела заморозить! — сквозь смех воскликнула Александра Яковлевна.

— Хорошо спел? — спросил Максим.

— Он сейчас водку просить будет! — взмахнула руками Маро.

— Ага,— подтвердил Максим,— угадала. И откуда ты все знаешь, Маруся?

Немного опьянели. Маро без конца целовала Ларису, рассказывала ей на ухо:

— Он совсем хороший. Он меня Марусей зовет. Только он очень ухаживает.

Посторонний человек не заметил бы, что все сидевшие за столом чувствовали себя одной семьей. И лишь быстрые взгляды в сторону Ларисы, говорили о том, что о ней думают все. Вино было на исходе, и Валентин, как тамада, отвергал многочисленные предложения Максима.

— Есть тост! — сказал Валентин, переглянувшись с Александрой Яковлевной. — Самый важный. Выпьем за газету, за журналистов, за хороший, в общей сложности, народ! За то, что о них не пишут, за то, что их чаще ругают, чем хвалят. Выпьем за то, чтобы стать журналистами — настоящими, смелыми, беспокойными!

Лариса впервые за вечер пригубила бокал.

* * *

Олег пил много и добился, чего хотел: изгнал из памяти неприятные мысли и почувствовал себя прежним — веселым, остроумным и, главное, свободным. Он танцевал, игриво шутил с девушками, выбирал ту, которая должна была его сегодня развлечь. Лидия Константиновна ободряюще кивала ему. Она, как всегда, умело подобрала компанию, разношерстную, но быстро столкнувавшуюся. Вино сблизило, развязало языки. На кухне домработница меняла холодные компрессы на горячих лбах двух адвокатов и молодого поэта, который поднял слишком много тостов за свой талант.

Едва кончалась пластинка, Олег ставил другую и снова шел танцевать. Чтобы побороть смутное предчувствие какой-то беды, он часто подходил к столу и пил.

Вдруг отяжелевший мозг прорезала ясная мысль: Лариса! Олегу почудился ее голос: «Олик, милый...» Он оттолкнул от себя девушку, с которой танцевал, и, еще не соображая, что делает, бросился в прихожую, натянул пальто.

— Ты куда? — испуганно вскрикнула Лидия Константиновна.

— Не твое дело!

— Сынок, как ты...

— Не трогай меня!

— Софочка проводит тебя. Она очень милая девочка.

— От...стань.

Он шел в распахнутом пальто. «Лариса, Лариса, — твердил он, — прости. Ты лучше их всех». Очнувшись, он увидел Валентина, стоявшего перед ним в открытых дверях.

— Пусти, — пролепетал Олег. — Где Лариса?

— Замолчи! — угрожающе проговорил Валентин. — Честное слово, сброшу с лестницы.

- Вы... все против меня, а... Лариса... она...
— Ладно, ладно, отправляйся назад, откуда пришел.
— Проводи его, Валя.

Валентин обернулся: в дверях, прислонившись к косяку, стояла Лариса.

— Проводи,— повторила она,— а то он где-нибудь свалится.

Помедлив, Валентин пошел одеваться.

— Ла...риса,— с трудом выговорил Олег,— вот я... к тебе... а они...

— Я знала, что ты придешь,— прошептала Лариса, поцеловала его в лоб, застегнула пальто.— Как хорошо, что ты пришел...— и оттолкнула: — Иди.

...Новый год жил первые часы.

* * *

«В народный суд 2-го участка Кировского района от гражданина Рогова Николая Александровича, 1925 года рождения, проживающего по ул. Решетникова, дом 64, кв. 3.

З а я в л е н и е

Прошу народный суд расторгнуть мой брак с гражданкой Роговой Ольгой Игнатьевной, 1928 года рождения, проживающей по ул. Декабристов, дом 14, кв. 2.

К решению прекратить нашу семейную жизнь я пришел только после того, как убедился, что она невозможна. Решение мое обдуманно и твердо. Оно не результат вспышки или обычной ссоры, а единственно разумный выход из создавшегося положения.

Вначале мы жили вполне хорошо. Моя бывшая жена (сейчас мы живем раздельно) может подтвердить, что в отношении к ней я был безупречен. Она не могла пожаловаться на условия. Я ни в чем никогда не отказывал ей, скорее всего, даже баловал.

Видимо, убедившись, что она прочно завладела моим вниманием, жена стала требовать домработницу, совершенно отвыкла от дома. На этой почве случилось несколько крупных ссор. Но я не придавал им особого зна-

чения, стремился всеми силами наладить прежнюю жизнь. Я пошел и на то, что бросил заочную учебу в пединституте.

Я часто разговаривал с женой, пробовал убедить ее в неправильном поведении, ущемлял собственные интересы, не считался с самолюбием.

Однако ничего не помогало. Жена пошла дальше. Она стала встречаться с переехавшим в наш город Валентином Лесным, с которым она была знакома до замужества (встречи продолжаются и по сей день).

К тому же, пользуясь моим тяжелым душевным состоянием, Лесной решил выжить меня с работы путем подрыва моего авторитета и наущничества. Таким образом, я был поставлен в глупое, компрометирующее меня положение. Лесной грубо вмешивался в нашу частную жизнь, добиваясь, чтобы моя жена ушла от меня к нему.

И все-таки я до самого последнего момента старался сохранить семью, настойчиво убеждая жену, но в ответ слышал одни оскорбления. Даже тогда, когда она с чемоданом ушла из дому, я убедил ее вернуться. Но появление Лесного решило дело: он увел мою жену из моей квартиры к себе. Мое терпение кончилось — я человек.

Таковы причины, заставившие меня возбудить дело о разводе».

Прочитав заявление, судья, сухощавый мужчина с большими, холодными глазами, внимательно посмотрел на Николая и спросил сухо:

— Вы уверены, что жена изменяла вам?

— Иначе бы я не пришел сюда.

— Вы согласовали с ней свое решение?

— Да.

— Ну что ж,— судья снова внимательно посмотрел на Николая, — дело, как говорится, ваше. Но мой искренний совет вам, совет не только судьи, но и пожилого человека: подумайте, избавьтесь от излишней подозрительности. Любое дело о разводе суд ведет с целью примирения супругов. Для этого используется все возможное.

— Это и называется судебной волокитой?

— А вы не спешите с выводами,— еле заметно повысил голос судья.— Давайте к делу о разводе отнесемся в сто раз вдумчивее, чем вы отнеслись к вступлению в брак. Государство заботится о семье.

Николаю не терпелось уйти: разговор был ему неприятен. Он встал и проговорил:

— Мне кажется, что государство не пострадает от того, что одна неудачная семья распадется.

— В ваших словах есть доля правды,— невозмутимо ответил судья.— Государство, конечно, не станет менее прочным от того, что двое молодых людей поспешили вступить в брак. Но государство будет прочнее, если вступающие в брак не повторят вашей ошибки.

— Ну, если речь пошла о государстве...

— Не смею вас больше задерживать,— встав, поклонился судья.

Выйдя в коридор, Николай чуть не выругался... Судья — формалист, не разобравшись, действует по заведенному стандарту. Растянет эту историю на долгие сроки.

Но было уже поздно — дело началось. С того самого дня, когда Николай отнес заявление в суд, он совсем потерял покой. Кто его знает, чем кончится дело? Вдруг... Собственно, он знал, что никакого «вдруг» быть не может, но ничего не мог придумать, чтобы избавиться от гнетущего непреодолимого волнения.

Николай попрежнему заведовал отделом рабочей молодежи. С Валентином он не разговаривал, демонстративно подписывал его рукописи, не читая, а когда давал задания, даже не смотрел в его сторону.

Однажды Валентин дежурил по номеру. Скосив глаза на лежавшую перед ним полосу, Николай сразу заметил курьезную оплошность. Справа, внизу, под названием газеты, есть маленькая продолговатая клеточка, где указывается цена номера. Клеточка была пустой. Валентин не заметил этого и ушел с полосой к редактору. Николай заерзал на стуле, стараясь доказать себе, что ничего серьезного не случится — выговор на худой конец, не больше. Он хотел было пойти к Копытову и сообщить о смешной ошибке, но не сделал этого. Он несколько раз брался за телефонную трубку, чтобы позвонить в типографию и великодушно предупредить Валентина, но так и не позвонил.

На душе было гадко. Николай хорошо сознавал, что поступил подло. Чтобы оправдаться перед самим собой, он стал доказывать себе, что Валентин по отношению к нему совершил не меньшую подлость.

Редакция уже опустела, когда в отдел заглянул Копытов и позвал Николая в свой кабинет.

— Разговор у меня к тебе есть,— сумрачно сказал редактор, сев в кресло.— Правду говорят, что ты разводишься? Или сплетни?

— Развожусь.

— Ух, снял бы я сейчас с тебя штаны да высыпал как следует! — с искренним возмущением воскликнул Копытов.— Ты меня извини, конечно, за такие слова, но мало, видно, сейчас детей порют. Чего вы там не ужились? Чего не поделили?

В кабинет вошла курьерша и положила на стол первые экземпляры завтрашней газеты. Клеточка для указания цены номера была пустой. Копытов внимательно просмотрел заголовки, подписи под фотоснимками и начал читать газету, жестом предложив Николаю остаться.

— Ну, лети, голубушка,— проговорил Копытов, помедлил и подписал газету на выпуск в свет.— Так чего, спрашиваю, не поделили?

— Позвольте сказать вам все прямо,— вдруг заволновавшись, Николай встал.— Жена изменяла мне и изменяет с известным вам Валентином Лесным.

— Да ну?!

— Поэтому я и отказывался работать в одном отделе с ним, а вы не поняли меня.— Николай говорил и сам с удивлением слушал себя. Он понимал, что его сообщение о поведении Лесного и курьез с пустой клеточкой могут натолкнуть Копытова на серьезные выводы. Николай хотел смягчить свои обвинения, но, словно подталкиваемый кем-то в спину, продолжал: — Лесной не имеет права работать в газете. Его моральное лицо достойно всякого осуждения.

— Тебе легко рассуждать! — Копытов ткнул указательным пальцем в воздух. — Вишнякова, твоего дружка, за моральное лицо уволили? Уволили. Сейчас Лесного увольнять? А что скажут? Кого Копытов в редакции держит?.. Сейчас всякие моральные дела лучше прятать, чем вслух о них кричать. А Лесного я на заметку возьму.

Утром Николай прибежал в редакцию первым, схватил номер газеты — клеточка для указания цены была пустой.

До половины дня никто не заметил опечатки. Потом позвонил какой-то досужий острослов и ехидно спросил Копытова, из каких соображений «Смена» скрывает стоимость номера.

Разъяренный Копытов выскочил в приемную и крикнул оторопевшей Маро:

— Быстро всех ко мне!

В ожидании, пока соберутся сотрудники, он шагал вокруг стола, потом резко остановился и, размахивая газетой, выпалил:

— Больше так продолжаться не может! Позор! Сегодня без указания цены вышли, завтра без фамилии редактора, а там, гляди, такой ляп будет, что я только ногами застучу по лестнице. Ты, Лесной, больше других любишь язык почесать насчет критики. Дело, конечно, полезное, но в редакции работать не будешь! Можешь жаловаться, можешь на гонение за критику сослаться.

Устало дыша, Копытов сел.

— Не работать? — еле слышно произнес Валентин.

— Сегодня же подпишу приказ. Снимаю с работы за халатность, безответственность и сплошное, понимаешь ли, ротозейство! Ты еще оправдываться нахальства наберешься?

— Я оправдываться не буду. Я виноват. Но как же я без газеты... жить буду?.. Вы не имеете права...

— Я свои права знаю. Я за свои решения вот этим местом отвечаю, — Копытов стукнул себя по затылку. — Можете быть свободными.

Никто не поднялся.

— Не слышали? Можете, говорю, идти. Приказы не обсуждаются.

— А мы и не собираемся обсуждать, — не своим голосом сказала Лариса. — Мы осуждаем ваш приказ.

— Кто это — мы?

— Мне кажется, все, — Лариса посмотрела на Николая и поправилась: — По крайней мере, большинство. Например, я уйду из редакции, если Лесной будет уволен.

— Держать не стану! — отрезал Копытов. — Митинговать по такому поводу не позволю. Заявляю как начальник, старший товарищ и коммунист: против совести не пойду, на жалость не клюну, не надейтесь.

— Никакого митинга устраивать, конечно, не надо, — заговорил Полуяров. — Но нельзя не прислушиваться к единодушному мнению коллектива. Я также не согласен с увольнением Лесного.

— Дело твое, Пал Палыч, — Копытов вытер платком

лоб, — я назад не поверну. Продолжайте работу, товарищи. Вишнякова, останься, и ты, Пал Палыч.

Когда закрылась дверь, Копытов нахмурился и сказал виновато:

— Погорячился, понимаете ли. Нервы, будь они неладны. Ты, Вишнякова, не обижайся.

— За себя я и не думала обижаться. Как с Лесным?

— Ничего не могу поделать — дисциплина.

— Самодурство это, а не дисциплина. Я не буду работать в редакции.

— Не торопись, Лариса, с решением, — недовольным тоном посоветовал Полуяров. — И не груби.

— Вот именно, — горячо поддержал Копытов. — С тобой по-человечески, а ты хамишь. Вот всегда вы так: не знаете, в чем дело, а кричите. К твоему сведению, Лесной вообще подозрительная личность. Водятся за ним кой-какие делишки. Шутка сказать, у Рогова жену отбил!

— У вас неверные сведения, — начал Полуяров, но Лариса подскочила к столу и гневно спросила:

— Уж не Рогов ли вас информировал?

— Ты спокойно можешь разговаривать? — возмутился Копытов. — Ну никакого уважения! Лесного я уволил. Точка.

— Больше вам и сказать нечего, — тихо ответила Лариса. — Точка так точка. Есть такой знак препинания.

Лариса вышла.

— Жаль девку, — покачал головой Копытов, — нервная стала. Все из-за мужа, верно?.. Ты чего на меня уставился?

— Из любопытства, — насмешливо сказал Полуяров. — Что делать будем?

— Работать. Долг свой выполнять. В мелочах не возиться.

— Есть, Сергей Иванович, один закон природы — переход количества в качество. Так вот, по этому закону получается, что из мелочей со временем крупные вещи складываются. Но с каких пор человеческие переживания стали мелочами? — Полуяров положил руку на грудь и добавил: — Извини, но меня поражает твое невнимание к людям. Давай разговаривать серьезно. Сдерживался, сдерживался я... Словом, если поступать по совести, я должен идти в обком и сказать, что пора тебя снимать с работы. Надоело. Не могу я с тобой работать. Мешаем

друг другу, не понимаем друг друга. Либо ты прав, либо я. Надо разобраться.

— Да ведь мы не в частной лавочке, Паша! — убежденно сказал Копытов. — Нельзя нам, понимаешь ли, лирикой разной заниматься. Какие там могут быть переживания, когда работа — главное? Кому там дело, что у Копытова, например, дома дела неважные? Он обязан газетой руководить. Это с него и спрашивают. Да и нечего об этом разговаривать! Мы с тобой не муж и не жена, а руководители идеологической организации, коммунисты. Нас партия на ответственный пост поставила. А ты: не сошлись характерами! Смешно, понимаешь ли.

— Грустно. А насчет того, что партия на пост поставила... она и снимет.

— Ты брось! — встал Копытов. — Ты партию не трогай! Я за нее, знаешь, сколько сил отдал!.. Слушай, Паша! Брось ты философией заниматься! Давай работать!

— Работа будет. Когда в обком пойдем?

Копытов спросил с сожалением:

— И ты... как это?

— Брут?

— Вот-вот... В обком я с тобой не пойду. Иди один, если совести нет, если охота сор из избы выносить. Там тебя пристыдят. Зря яму роешь.

Отпустив Полуярова, редактор написал приказ и вызвал Маро:

— Быстренько, в трех экземплярах.

Застучала машинка. Смолкла. Послышался гневный голос Маро. Она вбежала в кабинет и бросила на стол листок с текстом приказа.

— Не буду печатать! Нет!

— Это еще что такое?! — Копытов изменился в лице. — С ума вы все посходили! Забываешься?

— Не кричите. Не боюсь. Я в третьем классе когда училась, ночью на кладбище ходила, не боялась.

— Ты мне пыль в глаза не пускай, дурочкой не прикидывайся.

— Девушкам так нельзя говорить. Некрасиво. Я уйду. Я вам скажу, что вы совсем плохой человек, вас никто не любит.

Маро была гордой девушкой. Она действительно ушла из редакции и никому не пожаловалась на свою беду.

Глава девятая

Все оказалось серьезнее, чем предполагал Валентин. Сколько ни утешал он себя, что происшедшее нелепо, легче не стало.

«Редактор предложил мне принять у вас дела», — вспоминал он торжествующий голос Николая Рогова. Хорошо, что он сумел сдержаться и ответил довольно спокойно:

— Так быстро? Жаль. А сдавать, собственно, нечего. Три письма.

Впрочем, голос у Рогова был не торжествующий, а виноватый.

— Ты только не падай духом, Валька, — попросила Лариса, — все будет в порядке.

— Мне словно по лицу ударили, — тихо ответил Валентин, — как в сказке: прилетело идолище и... Не верится. Чтоб я без газеты остался... не может быть! Не верю, хоть сто приказов напиши.

Мальчишкой Валентин плакал только от несправедливых обид. Особенно запомнился один случай. Тогда Валентину было лет пять. Он играл во дворе с толстым смешным щенком. Мимо проходил подвыпивший мужчина. Он сильно пнул щенка ногой и пошел дальше, как ни в чем не бывало. Валентин схватил камень, размахнулся, но бросить не успел — мужчина скрылся в подъезде. Щенок взвизгнул и заскулил. Плача, Валентин целовал и гладил собачонку. Даже теперь он не мог понять, как это взрослый дядя мог ударить щенка.

Сейчас Валентин казался себе маленьким мальчиком, которого ударил кто-то большой, сильный. Тогда, в детстве, он схватил камень и замахнулся...

В голову Валентина лезли самые обидные мысли. Им овладевали противоречивые желания: то хотелось пойти нагрубить Копытову, то расплакаться. Потом захотелось просто побыть одному, лечь, закинув руки за голову, подумать обо всем.

Утром он сразу направился в редакцию, но по дороге свернул в сторону, задержался у витрины «Смены». На первой полосе, под передовой, была напечатана его информация. Тоскливо сжалось сердце.

Как это так — он не на работе? Нелепо, дико. Валентин смотрел на знакомые колонки, пытался представить,

что сейчас происходит в редакции. Наверное, там смятение — ведь не может редакция работать без него! Нет, не то: он без редакции не может, а газета будет выходить без него.

— Здравствуй, Лесной, — услышал он обрадованный голос, обернулся: перед ним стоял Олег. — Любуешься? — кивнув на витрину, спросил тот. — Я вот тоже каждый номер прихожу смотреть. Как на могилу хожу... Прогуляемся? Не возражаешь?

Валентин даже обрадовался предложению: делать было нечего, а настроение — хуже не придумаешь.

— Значит, твоему оптимизму нанесен ощутительный удар? Что же ты намерен делать? — деловито спросил Олег.

— Ты уже знаешь?

— Вести о служебных несчастьях летят быстрее пули. Я ведь только и живу редакционными новостями. Признаться, был очень удивлен, что тебя, именно тебя, уволили. Не скрою, обрадовался. Этот случай поможет нам разрешить наш спор. Что же ты намерен делать?

«Продолжать или не продолжать разговор? — подумал Валентин. — А то опять сцепимся... Ну и что ж...»

— Еще не знаю, — ответил он, — не думал. Пока не верю.

Олег громко расхохотался и проговорил:

— Подожди, исчезнут робкие надежды.

— Пойду куда-нибудь в многотиражку, — сдержав злость, произнес Валентин. — Где наша не пропадала. Без работы не буду.

— Где-нибудь ваша да пропадет, если дальше так же будет. Ты просто стараешься себя успокоить... Едем отсюда? Что мало городов, газет? Неужели ты не испытываешь желания доказать «Смене», что на ней свет клином не сошелся?

— Меня не «Смена» уволила, а Копытов.

— Ну, а ему доказать? — разгорячился Олег.

— Зачем мне это?

— В благородство играешь? — презрительно спросил Олег. — Может быть, трусишь?

Валентин промолчал. Олег почувствовал, что сгрубил, и перевел разговор на другую тему:

— Как у Роговых дела с разводом?

— А у тебя?

— Ты все порываешься поссориться? К чему?.. Как Лариса?

— О ней я с тобой разговаривать не буду. Мне пора.

— Куда? — удивился Олег. — Торопиться некуда. А мне все-таки нужно поговорить с тобой. Только не ломайся. Скажи мне, ты такой на самом деле или рисуешься?

— То есть?

— Да вот... сверхположительным стараешься выглядеть. Это черточка карьериста. Мне органически неприятны люди вроде тебя, то есть люди, которые руководствуются не искренними желаниями, а разного рода утвержденными правилами. Такая, кстати, и Лариса. — Олег неожиданно замолчал, но потом продолжал: — Не люди, а свод правил и норм поведения. Сухость и серость сплошная. Бог мой, если бы вдруг центральные газеты, например, перестали печатать рецензии на новые кинофильмы, что бы вы стали делать? Мнения-то ведь нет!

— Все?

— Почти.

— Мне не хочется с тобой разговаривать. — Усмешка Олега раздражала Валентина. Он боялся разгорячиться, и поэтому говорил, глядя под ноги: — Но... если ты настаиваешь... Согласен с тобой, что у нас еще много перестраховщиков, особенно в литературе, искусстве и журналистике. К сожалению, перестраховщиков не судят.

— У них есть даже защитники. Во всяком случае, еще ни одного ответственного товарища публично не наказали за перестраховку.

«Почему он улыбается с таким превосходством? — подумал Валентин. — Почему он всегда самодоволен?»

— Ты носишь розовые очки, — резко сказал Олег. — Опасное приспособление. Оно искажает реальную действительность... Его несправедливо увольняют с работы, а он улыбается и доказывает, что в нашей природе несправедливости не существует. Ведь это же глупо, черт возьми!

— Я не улыбаюсь, — оборвал Валентин. — Меня уволили незаконно. Я своего добьюсь. И я всегда уверен, понимаешь, уверен, — он произвольно положил руку на грудь, — что устранение всех недостатков зависит от нас, а не от кого-нибудь.

— Копытовы не скоро на пенсию уйдут, — Олег не то усмехнулся, не то поморщился. — Не один, так другой добьет. Их много.

— Сколько бы их ни было, их ничтожно мало.

— Но у них много прислужников, добровольных и невольных. Эти прислужники — к ним и ты относишься — не имеют ни собственного мнения...

— Послушай, ты! — Валентин вплотную подошел к Олегу. — Ты, имеющий собственное мнение, кричащий об этом на всех перекрестках, ты написал фальшивую рецензию, а не я! Ты, а не я, подделался под мнение, с которым был несогласен! Ты! После этого ты поднимаешь крик о перестраховщиках. Ты пишишь о разных страхах, а не пишешь. Это хуже перестраховки.

— Случай с моей рецензией — ерунда, нелепый случай, — негромко сказал Олег. — Я говорю о другом. Вот я часто бывал в театрах на приемках спектаклей. Поверь мне, ужас, что там происходит! Собираются разного рода представители разного рода учреждений, в той или иной степени связанных с искусством. Начинают обсуждать спектакль. Что они говорят! К искусству они никакого отношения не имеют, в искусстве они ничего не понимают. Но искусство им подчиняется. Об этом, по-твоему, не надо кричать?

— Как называлась твоя статья?

— Я говорю не о статье.

— А о чем?

— О том, что я знаю, что мне хорошо известно.

— Тогда, извини за грубость, ты болтун. Вредный болтун.

— Сильное выражение. Расшифруй.

— Ты много говоришь и мало делаешь. Я слышал от тебя много ядовитых замечаний о разных недостатках.

— Я не прав?

— А где статьи?

— Чудак! — Олег принужденно рассмеялся. — О недостатках, о которых я болтаю и кричу, — он подчеркнуто громко произнес последние слова, — о таких недостатках статьи не напечатает.

— Я тебя спрашиваю: ты написал эти статьи?

— Я знаю, что их не напечатает.

— Вот когда ты их напишешь, тогда и будем разговаривать. Одно дело кричать, другое дело — писать. Писать труднее, многим это не под силу. Я пока не знаю случая, чтобы справедливая статья о крупных недостатках не увидела света, если автор приложил все усилия для этого.

Зато я знаю много случаев, — Валентин повысил голос, потому что Олег хотел перебить его, — знаю много случаев, когда у журналистов не хватало упорства, смелости или желания довести дело до конца, по-настоящему рискнуть. Они бросали дело на полпути и за кружкой пива до сих пор жалуются, что их таланты затирают. А я считаю так: если знаешь о каком-нибудь недостатке, так обязан о нем писать, не заботясь, напечатают статью или нет. Написать, а там видно будет. Я жаловаться не пойду, что меня затирают! Я драться буду! Так меня воспитали. Мы виноваты в том, что копытовы в руководящих креслах сидят! Ясно? Еще что?

Олег ответил удивленным, растерянным взглядом, помолчал и проговорил вызывающе:

— Позвольте мне остаться при особом мнении.

Он поднял руку, чтобы прикоснуться к краям шляпы, но скривил губы и махнул рукой.

Поднялась пурга. Можно было свернуть в тихий переулок, но Валентин двинулся против ветра. Он испытывал необъяснимо приятное чувство от того, что колючий ветер слепит глаза, обжигает лицо, заставляет повернуться к нему спиной. От разговора с Олегом осталась усталость, как после драки. Сознание было возбуждено, как бывает, когда решишь трудную задачу, сверишь ответ по учебнику — правильно.

Хорошо, что жизнь трудна. Не будь она такой, разве интересно было бы жить? Настоящие характеры вырабатываются, закаляются, мужают только в борьбе, в трудностях.

Нелегко иногда, правда, привыкнуть к некоторым истинам, понять их умом и сердцем, увидеть в действии, проверить жизнью. Каждый знает, что жизнь — это борьба нового и старого, борьба ожесточенная, без компромиссов. Но как-то трудно по молодости лет сразу понять, что старое — не философская абстракция, а живые люди, которые рядом с тобой. Новое — тоже не философская абстракция, а живые люди. Ты можешь быть либо с теми, либо с другими, середины здесь нет. Идти с теми, кто несет новое — значит рисковать сегодняшним днем ради завтрашнего, быть не единожды бйтым и осмеянным, а может быть, и сбитым с ног, пусть надолго.

Успех завоевывается только непрерывным усилием, неустанной борьбой. Жизнь — это как забег на сто метров;

надо пробежать их на одной, предельно высокой, скорости, вложить все силы, не рассчитывая и не прикидывая.

...Валентин не чувствовал ветра. Лицо одеревенело, было больно шевелить мускулами. Он прибежал домой, прислонился к печке. По мере того, как по телу разливался тепло, исчезало бодрое настроение. В таких случаях Валентин садился писать отцу.

«Знаешь, отец, просто перестал держать себя в руках. Много философствую, принимаю невероятное количество решений... И ты думаешь, для чего это все я делаю? С единственной целью — создать для самого себя видимость кипучей деятельности. Сила воли у меня маленькая. Я, отец, не жалею, я возьмусь за себя, мне только надо взяться серьезно.

Я подсчитал, что до выхода в отставку тебе осталось всего (еще!) четыре года. Приезжай ко мне. Чертовски хочется жить с тобой.

Теперь об одной неприятности. Только заранее прошу тебя, отец, не расстраиваться. Копытов уволил меня из редакции. Я дежурил по номеру и пропустил пресмешнейшую ошибку (газета вышла без указания цены). Дело, конечно, не в этой ошибке. Копытов вообще меня не любит и пр.

Но ребята за меня. Я не один. Обратились с просьбой в обком — разобраться в наших делах. Без работы я не останусь, завтра же пойду ругаться, жаловаться и драться.

А ты своего добился. Сбылось твое предсказание, что без твоей помощи мне долго не прожить. Пока присылай мне денег, я тут не экономил. А желание мое — жить самостоятельно — не чудочество. Конечно, ты меня прокормишь, но ведь рано или поздно у меня будет своя семья. Должен я быть готовым?

Еще раз прошу тебя: не расстраивайся, даже не волнуйся.

Ладно?

Помнишь чудесную албанскую пословицу: живи долго, как горы?

Жму тебе руку и крепко целую. *Твой сын*».

Не перечитывая письма, Валентин заклеил конверт. Отец, конечно, забросает телеграммами, но не написать ему нельзя: он не терпит никаких тайн. Письма к отцу всегда были для Валентина своеобразным духовным ле-

карством: возвращалось бодрое настроение, желание работать.

Наутро он пришел в редакцию.

— Привет, — обрадованно встретил его Копытов, крепко пожал руку, предложил папиросу. — Чего вчера не зашел? Я уж хотел к тебе рассылную посылать, узнать, как ты там. Может, заболел или еще что. Самочувствие-то как? Нормальное?

Тяжесть отлегла от сердца, Валентин весело кивнул.

— Ну и хорошо, молодцом, всегда бы так, — продолжал Копытов озабоченным тоном. — В нашем деле поддержка, понимаешь ли, нужна. Без нее нельзя. Меня вчера в обкоме пропесочили, будь здоров. И ничего, спасибо за критику сказал. Ты работенку не подыскал еще?

— Работу? — недоуменно спросил Валентин. — Какую работу? Зачем?

— Как зачем? Не святым ведь духом питается человек. Зарплатой.

— Я... мне... — дрогнувшим голосом пробормотал Валентин. — Я решил, что вы... Зачем же вы сейчас со мной так разговаривали?

— А что? По-человечески.

— Гадко все это.

— Опять? — с жалобным упреком спросил Копытов. — Вместо благодарности...

— Какой благодарности? Боитесь кресло потерять. Вот ваше руководство к действию... По-человечески...

— Нахал, — невозмутимо отозвался Копытов. — Я, может, ночь не спал, соображал, как бы тебе помочь, понимаешь ли. Я, когда тебя увольнял, не о кресле думал, не о себе и не о тебе, а о нашем общем деле — о газете. За нее, а не за тебя, я ответственность держу. Ответственность! Пойми. За нее мне, так сказать, деньги платят.

— За ответственность или за работу?

— Тут дело не в словах, ты к ним не придирайся. Моя работа и есть ответственность... Значит, так: я тебе дороги не закрываю. Уходи по собственному желанию. Жалко мне тебя.

— Увольняйте — дело ваше, — возмущенно сказал Валентин, — но по собственному желанию я из редакции не уйду, потому что никакого желания не испытываю.

— Брось языком-то чесать. Подумай.

— По собственному желанию не уйду, — повторил Валентин.

Копытов в сердцах отшвырнул от себя пачку бумаг.

— Получай расчет.

На месте Маро сидела незнакомая девушка — худенькая блондинка. Она с явным интересом оглядела Валентина, спросила:

— Вы где галстук покупали? Здесь?

За пудрой и помадой на лице ее угадывалась рано увядающая кожа, еле приметные морщинки свидетельствовали, что она успела повидать в жизни больше, чем положено в ее годы. Валентин почему-то всегда жалел таких девушек и поэтому ответил:

— Да, здесь, в новом универмаге.

Из кабинета выглянул Копытов и протянул секретарше листок бумаги:

— Риточка, быстренько, приказ.

В коридоре Валентина ждала Лариса.

— Где пропадал? — сердито спросила она. — Я уж хотела бежать к тебе.

— Неважно, где я пропадал. Важно, где я теперь буду. Надо было тебе прибежать, худо мне было. А где Маро?

— Уволена. Потом расскажу, почему. Дело, Валька, приняло очень серьезный оборот. Были мы в обкоме, у товарища Тополькова, первого секретаря.

— Ну и что?

— Надо писать в цека... — Лариса приложила руки к вискам. — Я не верю, не верю, что несколько честных людей, целый коллектив не может настоять на своем... Я изнервничалась. Дальше некуда. Сдерживаюсь из последних сил. Еще немного и кричать начну. — Лариса тряхнула головой и горько улыбнулась. — Был у меня Олег. Извинился за новогодний визит. А меня всю трясло.

— Не надо об этом.

— Надо. Душу отведу. Ты знаешь, меня его мамаша извела. Звонит каждый день. Деньги предлагает, мерзости разные говорит. — Лариса брезгливо передернула плечами. — Не знаю, что мне делать... Я ведь и работаю, и маме вида не подаю, и не плачу, даже спать себя заставляю. И вдруг не сдержусь? А?.. Сдержусь, Валька. Только очень уж тяжело... Уехал бы он скорее.

— Ничего, — угрожающе проговорил Валентин и с

мальчишеским задором добавил: — Помяни мое слово, не кто-нибудь, а мы радоваться будем.

Он проводил Ларису до кабинета, словно ее мог кто-то обидеть.

* * *

Желание признаться в бесчестном поступке жгло Николая. Однажды он проснулся среди ночи и уснул лишь под утро.

В редакцию он пришел с твердым решением — разыскать Лесного и сказать ему правду. К счастью, тот сам зашел в отдел забрать бумаги. Как ни в чем не бывало Валентин поздоровался и сел за стол.

— Ну, что поделываешь? — виновато, несколько заискивающе спросил Николай. — Как живешь?

— Вашими молитвами.

Пересиливая неловкость и неприязнь, Николай произнес:

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Смысл?

— Я виноват перед тобой. Я виноват в том, что... произошло.

— Поздно раскаиваться.

— Нет, не поздно! — решительно воскликнул Николай. — Я виноват в том, что тебя уволили.

— Может быть, — согласился Валентин, не догадываясь, на что намекает Рогов. — Но это ерунда. Я сам о себе позабочусь. А ты бы вот о том подумал, что работать разучился. Сидишь, стул давишь, — Валентин не говорил, а бросал слова в лицо Николаю. — Растолстел!

— Мальчишка! — шепотом взвизгнул Николай. — Молоко на губах не обсохло!

— Не надо, Рогов. Не надо унижаться до ругани, — задержавшись в дверях, сказал Валентин. — Просто подумайте о том, что вы не можете быть газетчиком. Очерствели. Обрюзгли. Ради денег пишете.

«Ну и что? — вызывающе спросил Николай свое отражение в зеркале и мысленно обратился к ушедшему Лесному: — А ты?»

Но даже ругаться было лень. Безделье приводило к назойливым мыслям. Избавиться от них удавалось только вином. Не много — два-три стаканчика в вечер — и становилось легче. Можно было болтать со случайными знакомыми, хохотать, жаловаться...

Изредка, обычно когда не было денег, Николай сразу после работы шел домой. На столе давно лежала стопка юридических справочников по вопросам семьи и брака. Он просматривал книгу за книгой, словно рассчитывал вычитать что-нибудь утешительное. Особенно внимательно он изучал «Инструкцию Народного комиссариата юстиции СССР о порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака». Каждый пункт Николай прочел не по одному разу.

«Народный суд рассматривает дела о расторжении брака по совместному заявлению супругов или по заявлению одного из них».

Николай ежился, словно на него со всех сторон смотрели чужие насмешливые глаза. Строки «Инструкции» настораживали, пугали. Слова «примирение супругов» встречались часто.

«Если примирение не состоялось, суд выносит определение, в котором указывается, что ввиду недостижения примирения производство дела в народном суде считается законченным».

Дальше — областной суд. Снова все сначала. Стыд и позор. Позор и стыд. Набьется полная комната любителей скандалов.

Но, как всякий самовлюбленный человек, Николай в конце концов признавал свое поведение безупречным. Временами он даже боялся за Ольгу: ведь как ей будет неудобно перед людьми.

В эти дни он перебрал в памяти все сколько-нибудь заметные события своей жизни и убедился, что жил правильно.

Из детства он помнил немногое. Отец с матерью жили дружно, ссорились редко. Оба работали, в субботу и воскресенье принимали гостей или ходили в гости. Сына не баловали. Микола, как называл его отец, никогда не капризничал, никому не мешал, и родители везде водили его с собой. Случалось, Микола забавлял взрослых, рассказывая относительно приличный анекдот, услышанный от отца.

Помнил Николай сестру матери, Зинаиду, молодую, вызывающе красивую женщину, которая дома ходила всегда полуодетая. Затаив дыхание, Николай по утрам смотрел, как она мылась до пояса под краном. Ее широкая, белая, как мрамор, спина постепенно становилась розовой. Николай и теперь видел ее.

Смерть матери Николай помнил плохо. В памяти осталось только ее бледное, чуть синеватое обиженное лицо, когда она лежала в гробу. После похорон сели за стол, пили, ели, кричали, пели тоскливые и разухабистые песни. Отец молчал.

С тех пор он почти каждый вечер возвращался домой, едва держась на ногах. Часто заходили друзья, говорили одно и то же:

— Жениться тебе, Саша, надо. Без бабы, знаешь, как...

И отец отвечал всегда одинаково:

— К черту.

Летом приехала Зинаида, все такая же молодая, ставшая еще красивее. Она ходила по комнатам в распахнутом халате и, усадив Николая на теплые, мягкие колени, спрашивала:

— Сыночком моим хочешь быть?

Николай вырывался из ее сильных рук, смущенный и встревоженный.

Уехала Зинаида раздраженная, даже не попрощалась. Отец так и не женился. Но все время в квартире не прекращались разговоры о необходимости жениться, о том, что без женщины не проживешь. Жена нужна, хотя она что-то вроде чемодана без ручки: и носить неудобно, и бросить жалко. Николай был верен памяти матери, но не понимал, почему отец не женился на красивой Зинаиде.

На фронт отец ушел добровольцем и в сентябре сорок первого года погиб. Перед уходом в армию он устроил сына в ремесленное училище. Военное время Николай пережил трудно. Тяжелая работа, постоянное недоедание привели его на базар. Он покупал продовольственные карточки, отоваривал их, делясь с продавцами, остальное сбывал. Постепенно он научился производить обмен с выгодой, заимел кой-какие сбережения.

В мае сорок пятого года Николай расстался с рынком. Работая мастером цеха, он поступил в вечернюю школу, понимая, что без образования далеко не пойдешь, жадно набросился на занятия, в два года сдал экзамен за три класса и получил аттестат зрелости. В партию ему посоветовал вступить редактор многотиражной газеты, куда Николай посылал небольшие заметки. Как только он получил партийный билет, его назначили ответственным

секретарем редакции. Вскоре информации Николая стали появляться в областной газете. Он узнал, что такое гонорар, и решил, что рожден быть журналистом.

Рано проснувшееся влечение к женщинам доставило Николаю немало неприятностей. Он не пытался охладить разбуженную кровь, а, наоборот, с острым любопытством следил, как беспокоит его страсть, искал книги, в которых заинтересовавшая его сторона жизни описывалась с явным откровением, жадно прислушивался к непристойным анекдотам, к сплетням о знакомых девушках. Он лишь ждал случая узнать поближе, что такое женщина. Каждое очередное влечение он принимал за любовь. Всякий раз он понимал постыдность своих желаний, ходил опустошенный, словно его публично разоблачили.

В цехе он пригляделся к одной работнице — хохотушке Аньке, полной, румяной, о которой шли сомнительные толки. Это и привлекло Николая. Он познакомился с Анькой, пригласил в кино. Прижавшись к ней плечом, он не видел происходившего на экране. Всю дорогу он молчал, а у крыльца обнял Аньку и поцеловал. Она рассмеялась и прошептала:

— Сёдни нельзя — соседка дома. На той неделе приходи, она в ночную будет.

Анька потянулась к нему губами, он испуганно оттолкнул ее и быстро пошел прочь. Больше он к Аньке не подходил, сообщив приятелям, что она ему не понравилась.

Он не мог думать о женщинах иначе, как о существах, предназначенных для вполне определенной цели. Не зная женщин, он был уже развращен в глубине души. Встретив Ольгу, он словно преобразился, очистился, но, став мужем, отметил насмешливо: «Вот как, оказывается, просто. Не стоило и мучаться столько времени».

Николай соглашался: может быть, он жил неправильно. Но не в этом дело. Хуже ли других он жил? Вряд ли. Не важно, что скрывается в душе, в думах, важно, что человек делает. А если и бывало что-нибудь некрасивое — так ерунда. С кем не бывало?

* * *

Внешний вид здания суда произвел на Ларису удручающее впечатление. Сначала она даже подумала, что ошиблась адресом. Суд помещался в небольшом доме,

нижний этаж каменный, верхний — деревянный. Вход был со двора, заставленного поленницами, заваленного кучами мусора.

Зря она согласилась выполнить просьбу Ольги, зря пришла. Как это страшно — суд! Допрос... свидетели... До чего может довести то, что начинается радостно, робко.

Войдя в небольшую, неудобную комнату, Лариса села в последнем ряду, стараясь не смотреть на окружающих. У Ларисы болела голова, она с трудом прислушивалась к происходившему. Только Ольгу она слушала внимательно. Ольга стояла прямо, расправив плечи, говорила громко:

— С Лесным мы познакомились несколько лет назад, случайно, когда я приезжала на соревнования. Он мне понравился, хотя мы виделись всего один вечер. Как-то так получилось, что... я решила... не знаю, почему... я уехала и не попрощалась. Я даже не помню... Ну, это мелочи. Когда я была замужем, мы снова встретились. И ничего. Только я все время думала о том, что он очень хорошо ко мне относится. С мужем мы жили хорошо. А когда Валентин приехал в прошлом году сюда, мы уже ссорились с мужем, я мучалась. С чего началось, просто не знаю. Скучно с ним стало и неприятно. В Новый год, помню, все гости ночью пошли с катушки кататься. Он меня не отпустил. И сам не пошел. Сказал, что стыдно заниматься ребячеством... Я сбивчиво говорю... потому что волнуюсь. Я сердцем все понимаю, а словами объяснить не могу. Понимаете, он мне как человек пустым кажется. Понимаете, не работает он, не горит, а с десяти до семи свое отсиживает. О людях он плохо думает. Как заметил, что со мной что-то творится, вбил себе в голову, что я ему изменяю. Вы понимаете? — голос Ольги обиженно задрожал. — А такого и быть не могло. Я ждала, думала, подойдет, спросит, успокоит. Нет. Вот и с ребенком так получилось. Говорил, что рано, что лучше еще года через три, когда квартиру обменим. Я послушалась, а сейчас вспомнить страшно. А он? Что ему? Лишь бы я дома сидела, лишь бы говорили, что у него жена красивая. А что с женой творится, ему все равно... И вдруг будто что-то взорвалось во мне. Увидела я, что разные мы люди, и ничего нас, кроме свидетельства о браке, не связывает. Нельзя нам мужем и женой называться. И он меня не

любил никогда, я ему просто так... понадобилась. Тяжело мне стало, не знала, куда спрятаться. Ненавидела я себя. А когда Валентин приходил, мне хорошо было, я себя человеком чувствовала, мне работать легче становилось. А Николай сапогом в душу, на каждом шагу...

Когда судья вызвал Олега, у Ларисы задрожали кончики пальцев. Она сжала кулаки, потом приложила ладони к ушам, чтобы не слышать его голоса.

— Свидетель Вишняков, вам известны причины, по которым намереваются разводиться супруги Роговы?

— Она, по-моему, изменяла ему с Лесным.

«Как тебе не стыдно, Олик?» — едва не крикнула Лариса.

— Откуда у вас такие сведения?

— Лесной влюблен в Рогову несколько лет. Он приехал к ней из другого города.

— У вас не возникало подозрений, что Лесной стремится занять служебное место Рогова?

— Нет. Лесной бескорыстен и честен до наивности.

— Не понимаю, как честность может быть наивной, — сухо произнес судья. — Но это к делу, как говорится, не относится. Итак, по-вашему, Лесной честен. А разве может честный человек вступить в незаконную связь?

— Я сказал то, что думаю.

«Он поглупел, — удивленно подумала Лариса, — поглупел».

Нет, она никогда не пойдет в суд, что бы ни случилось. «За недостижением примирения супругов...» — Целая человеческая драма уложилась в одну казенную фразу.

После суда Олег не подошел к ней. Ольга куда-то убежала. Исчез и Валентин.

Лариса направилась в поликлинику.

Здесь была особая жизнь, велись особые разговоры, взволнованные, тревожные, но радостные. Лариса освоилась со своим положением и уже могла посоветовать впервые пришедшей в клинику молодой матери:

— Больше двигайтесь.

После каждого посещения клиники Лариса будто взрослела, хотя ребенок все еще был для нее чем-то очень далеким. О нем напоминала смутная тревога перед родами, заложенная в женском сознании.

— Все хорошо, — сказала врач, — больше двигайтесь.

Сумрачными, тяжелыми были мысли об Олеге. Они не покидали ее, завладевали сознанием, и тогда казалось — нервы скручиваются. Она находила себе десятки занятий, десятки дел, чтобы отвлечься, дать хоть немного отдохнуть измоленному сердцу. Александра Яковлевна помогала дочери придумывать занятия: предложила помыть комнаты, сделать перестановку на кухне и побелить стены.

Они о многом говорили друг с другом, но главного пока не касались. Разговор начался неожиданно.

— Мама, — сказала Лариса, — давай поговорим... обо всем. Теперь ведь можно.

— О чем? — мать сделала вид, что не поняла просьбы.

— Об этом, — вздохнула Лариса, — о том... все о том же... где я споткнулась.

— А нужно ли?

— Нужно. Я понимаю, ты не хотела меня обижать, расстраивать. Но сейчас можно. Мне нужно знать, что ты обо мне думаешь, права я или нет.

— Трудно мне с тобой говорить, — тихо ответила Александра Яковлевна и чуть повысила голос, увидев слезы в глазах Ларисы: — Не надо плакать. Я ведь не плачу... Я не о своей обиде... И за тебя я не боюсь — перемелется, стерпится... Ты сходи когда-нибудь в детский дом номер четыре, на Плехановской улице. Волосы дыбом встанут. В глазах потемнеет... Уютно в этом доме, чисто, красиво. Детишки там живут. Хорошо живут. На каждом шагу чувствуют заботу, ласку. Безбедно они проживут, выучатся, людьми станут. Но... кругом их дяди и тети... хорошие, добрые, но — дяди и тети, а не мамы и папы. Нет у этих детишек родителей, не знают они ни материнской ласки, ни отцовской заботы. Папы и мамы бросили своих детей, живут в свое удовольствие, влюбляются, по несколько раз ходят в загс, разводятся. И что самое противное: не от бедности, не от тяжелой жизни бросили они своих детей.

— Как ты могла подумать! — прерывистым шепотом сказала Лариса. — Я не брошу его! Ни за что!

— Конечно, не бросишь, — жестко проговорила Александра Яковлевна, — а ему от этого... немногим легче будет. А отец у него будет? Встретишь ли ты человека, который сможет стать отцом этого ребенка? Таким отцом,

чтобы ребенок и заподозрить не мог, что нет у него папы? Я знаю, ты можешь от всего отказаться и замуж не выйти. А ты знаешь, как грустно расти без папы? — Александра Яковлевна отвернулась к окну и безжалостно продолжала: — Сколько сил ты потратила, чтобы оправдать мерзавца, который бросил тебя с ребенком? Приди он сейчас к тебе, и ты растаешь... Перебори себя! Пока он тебя унижал, оскорблял, ты в перевоспитание играла. Тогда я ни слова тебе... Но когда он своего ребенка бросил... ты его, подлеца, из сердца вырви, вместе с сердцем вырви! Не слушается сердце? Сходи в тот детский дом, посмотри... Нет прощения таким... Значит, он тебя не любил... Ведь я тебя люблю не только потому, что в муках родила, а потому, что ты... от Алеши, его частичка... Больше не живи так. В любви надо гордой быть, особенно если хочешь своей любовью кого-нибудь на правильный путь поставить. Напрасно ты свою любовь не ценила. А сейчас? Ведь ты мать! Он твою любовь, твоё материнство оплевал. А ты? Жалкая у тебя любовь.

— А я виновата?

— Виновата. Если чувствуешь, что любовь с опущенной головой ходит, боится выпрямиться — брось ее!

— Не могу. Не стерпится, не перемелется... Я верила ему...

— Куда спешила?

— Он...

— Опять он на первом месте. Ты бы не за него боялась. Не умер бы. О себе надо девушке в таких случаях думать... Ну, хватит. После драки кулаками не машут.

— Драка не кончилась.

— Побили нас, и крепко.

— Мама, — твердо сказала Лариса, — все это правильно, но... очень хорошо, что мы с тобой поговорили. — Она подошла к матери, обняла и заговорила, ласкаясь: — Я тебя очень люблю, мама... Всегда, всегда я думала о тебе и поступала так, как мне казалось поступила бы ты... В десятом классе мы писали сочинение о том, кто на кого хотел бы походить. Я писала о тебе... Мне никогда не надо было новых платьев, я мечтала о твоих, чтобы носить их после тебя... Больше ни разу в жизни я не сделаю ничего... что могло бы огорчить тебя.

— Хорошо бы, — Александра Яковлевна поцеловала Ларису. — Ты не обо мне думай. О себе.

Раздался стук в дверь.

— Кто бы это? — удивилась Александра Яковлевна и встала из-за стола. Мать так долго не возвращалась, что Лариса уже хотела идти за ней. Но Александра Яковлевна заглянула в комнату и весело сказала:

— Тебя зовут Григорьевы пить чай, настаивают, иди. Неудобно отказываться. Ну иди, иди. Я без тебя проветрю комнаты.

Когда Лариса поднялась на второй этаж и постучалась, Александра Яковлевна вышла на площадку и проговорила:

— Проходите.

Снизу поднялась из темноты Лидия Константиновна. Она осторожно, на цыпочках вошла в квартиру и благодушно прошептала:

— Очень хорошо; Ларочке, действительно, лучше не присутствовать при нашем разговоре. Молодежь никогда не поймет разумных доводов. Господи, давно ли мы с вами были такими!

— Слушаю вас, — скрывая раздражение, Александра Яковлевна предложила госте стул. — Только быстрее. Лариса вернется с минуты на минуту.

— Бедная девочка, — вздохнула Лидия Константиновна, — сколько ей приходится переживать из-за своей ошибки... Я пришла к вам, дорогая Александра Яковлевна, с открытым сердцем, хорошо сознавая, что мой визит вряд ли вас... обрадует. Но мы матери и пойдем друг друга. Надо исправить ошибки наших детей. Сами они, увы, не умеют. Они веселятся, наслаждаются, а мы за них страдаем. Поверьте мне, я разделяю ваше горе и тяжело, если бы вы знали, как тяжело, переживаю его. Я сгораю от стыда, но что поделаешь! Слезами не поможешь.

— Я жду.

Александра Яковлевна продолжала стоять у дверей, давая этим понять, что не намерена разговаривать долго. Но Лидия Константиновна сняла шляпку, расстегнула доху и горячо заговорила:

— Я очень волнуюсь, вы понимаете мое состояние. За эти дни я постарела лет на десять. Видеть несчастье своего ребенка — не знаю, не представляю, что может быть ужасней. Но перехожу к делу, — Лидия Константиновна оглядела себя в зеркале. — Я пыталась говорить

с Ларочкой о разводе. Он неминуем, необходим. Зачем тянуть? — Она подошла к безмолвно стоявшей Александре Яковлевне, заглянула ей в лицо. — Олег находится в затруднительном, неудобном и даже нелепом положении. Могу поклясться, что он искренне раскаялся и мучается не меньше вашей дочери. Ведь мы не собираемся отказываться от отцовских обязанностей. Мы с радостью, с удовольствием выполним все, что полагается по закону. Не перебивайте меня! — вскрикнула Лидия Константиновна. — Не надо громких фраз о долге и прочем! Посмотрите правде в глаза! Семья распалась, примирение невозможно. Подумайте о ребенке! Надо болеть за его будущее. В конце концов, он ни в чем не виноват.

— Уйдите отсюда, — брезгливо прошептала Александра Яковлевна.

— Вот! Вот! — торжествующе воскликнула Лидия Константиновна. — И дочь ваша такая же! Вы только о себе думаете! Ларисе вашей хорошо...

— Не гнать же мне вас в шею?

Лидия Константиновна вздохнула и с сожалением покачала головой, сказав:

— Вы грубы. Мне остается лишь поражаться.

— Поражайтесь.

— Милая Александра Яковлевна! — умоляюще воскликнула Лидия Константиновна. — Оцените мое терпение, мое бескорыстие. Хотите, я встану перед вами на колени? В прямом смысле этого слова! Вы понимаете, что Олег для меня — все! Что, что вам нужно? Скажите, и я отдам вам последнюю рубашку. Помогите мне освободить Олега от этого камня!

— Уйдите отсюда. Или я уйду.

Лидия Константиновна зарыдала.

— Это жестоко, — сквозь слезы выговаривала она, — эгоистично... Я предупреждала вашу дочь... можно было...

— Уйдите, честью прошу, — сказала Александра Яковлевна.

— У вас ее нет! Честь! Постыдились бы вы произносить это слово! Теперь я понимаю Олега. Конечно...

Лидия Константиновна сделала оскорбленное лицо и направилась к выходу. Задержавшись в дверях, она страдальчески нахмурила брови, прошептала:

— Не верю... не могу поверить. Выслушайте меня спокойно. В клинике моего мужа работает профессор Раков,

а не какая-нибудь подпольная акушерка... Допустим, вас это не устраивает. А развод? Если вас смущают расходы...

Она осеклась и вышла, хлопнув дверью. Александра Яковлевна с трудом подняла руку, чтобы убрать со лба прядь волос. Она медленно добралась до кровати и легла, не раздеваясь.

Она слышала, как вернулась дочь, но притворилась, что спит. Лариса открыла швейную машину... Александра Яковлевна задремала под монотонный шум.

Если носишь под сердцем то, что будет сыном или дочерью — твоим ребенком, душевная боль притупляется. Лариса старалась представить его, и перед глазами вставала кудрявенькая розовощекая девочка в белом сарафанчике, с большой куклой в руках. Зовут девочку Наташей. Она очень любит свою маму... И сердце начинало биться учащенно, радостно... Лариса спала, отодвинувшись на край кровати, чтобы не теснить Наташу с куклой...

На другой день вечером зашел Валентин.

— А я завтра уезжаю, — похвасталась Лариса и пожалела: Валентин сразу нахмурился и пробормотал:

— Я уже отъездился.

— Брось ныть! — строго приказала Лариса. — Надоест еще ездить.

— Это другой разговор, — согласился Валентин, — меня хоть сто раз увольняй, я все равно газетчик. В душе. Таким уж родился. Раньше я часто сомневался, стоит ли мне работать в газете. Когда работал, когда печатался довольно обильно, — сомневался. Когда уволили, перестал сомневаться.

— А у меня вчера гостья была, — начала рассказывать Александра Яковлевна. — Меня удостоила своим посещением Лидия Константиновна. Тогда я и попросила Григорьевых, наших верхних соседей, позвать Ларису на чай и задержать подольше. Не хотела я об этом никому рассказывать, но не смогла сдержаться, так она меня разозлила.

— Сия дама вызывает у меня желание драться, — сказал Валентин.

— Что ей надо? — резко спросила Лариса.

— Приходила, по ее словам, с благородной целью: ускорить развод, чтобы не мешать счастьем моей дочери, напомнить нам о том, что ребенок требует забот, что

нельзя нам, то есть мне и Ларисе, относиться равнодушно к его судьбе.

Пить чай Валентин отказался и ушел, хотя обычно сидел подолгу. Он бродил по улицам, обдумывая не впервые пришедшее решение. Несчастье Ларисы он принимал близко к сердцу и втайне желал хоть чем-нибудь облегчить ее положение. Валентин знал, что каждое напоминание об Олеге Лариса переживает с болью.

Надо действовать!

Дверь открыла Лидия Константиновна. На ней был молодивший ее яркий, сильно декольтированный халат из китайского шелка.

— Вам кого? — презрительно спросила она.

— Олега.

— Прошу. Он у себя. Направо.

Олег сидел в пижаме за пишущей машинкой. «Тишина, уют, довольствие, — с ненавистью подумал Валентин. — Будто ни одной пакости не сделали».

— Очень рад тебя видеть, — удивленно произнес Олег. — Я знал, что рано или поздно ты придешь. А я скучаю, хотя и не бездельничаю.

— Чем занимаешься? — спросил Валентин.

— Решил с пользой провести смутное для себя время. Делаю книгу очерков. В областном издательстве замысел одобрили, пообещали включить в план. Название неплохое подыскал: «Открытый взгляд». Нравится?

— В самый раз.

— Ты иронизируешь? Для этого и пришел?

В комнату заглянула Лидия Константиновна и любезно спросила:

— Чаю не хотите?

— Спасибо, не хочу. Если можно, не уходите.

Валентин отошел к двери, словно хотел закрыть выход из комнаты. Почувствовав что-то недоброе, Олег встал.

— Я буду основательно ругаться с вами, — сказал Валентин. — Когда вы кончите издеваться над Ларисой?

— Я попрошу вас, молодой человек! — возмущенно перебила Лидия Константиновна.

— Не забывайся, Лесной! — сквозь зубы процедил Олег.

— А я вас просить не буду, я вас предупреждаю: если будете приставать к Ларисе со своими гнусными предложениями...

— Какую чушь он несет, Олег!

— Если будете приставать к Ларисе со своими гнусными предложениями, — повторил Валентин, — я...

— Любопытно, — Олег шагнул к нему.

— Тебе я просто набью морду. Вот этой самой. Даю честное слово.

— Собственно, по какому праву, — Лидия Константиновна встала между Валентином и Олегом. — По какому праву вы берете на себя удовольствие защищать... ее... кто она вам?

— Друг. Мой большой друг.

— О! — Лидия Константиновна понимающе кивнула. — Это ваше дело. Но если вы, действительно, ее... друг, посоветуйте ей делать то, что советовали мы.

— Значит, договорились? — Валентин посмотрел на Олега, потом на Лидию Константиновну. — Больше ей — ни слова.

— Не смешите нас, молодой человек!

— Перестань, мама! — грубо оборвал Олег. — Лесной, я вас провожу.

Они вышли на лестничную площадку.

— Я очень прошу объяснить мне, что вы имеете в виду под гнусными предложениями? — обеспокоенно спросил Олег. — Какие предложения?

Валентин коротко рассказал о посещении Лидии Константиновны.

— Ну, она у меня узнает! — повернувшись к дверям, перекосялся Олег. Он взволнованно дышал и кусал губы. — Надеюсь, ты передашь Ларисе, что я никакого отношения не имею...

— Ты к ней никакого отношения не имеешь. И передавать я ничего не буду. А если у тебя есть желание сделать для Ларисы что-нибудь доброе, уезжай побыстрее.

Олег молча смотрел под ноги, потом бросился к двери и так хлопнул ею, что загрохотал почтовый ящик.

* * *

Вечером Сережка вел себя подозрительно хорошо — не шумел, не капризничал. Сначала он занялся тем, что попытался в одну туфлю засунуть обе ноги, устал и весело пролепетал:

— Вот какой я, оказывается, глупый. Кто же один туфель на все ноги надевает? Правда, мама?

Затем Сережка взял игрушечный стаканчик и долго стоял у водопроводного крана. Лиза незаметно подглядела за ним: сын стаканчиком наливал воду в литровую бутылку, принес ее в комнату, залез с ней под стол и притих.

Полуяров, ничего не замечая, ходил вокруг стола. Он уже больше трех месяцев не курил и лишь на кухне, по старой памяти, его тянуло к табаку. Поэтому он и боялся выходить туда. Лиза сидела за чертежами, но краем глаза следила за мужем: как бы не наступил на сына. Она ни о чем не расспрашивала своего Павлика: завтра у него партийное собрание, будут решать спор с Копытовым, уж лучше Павлика не задевать. Пусть шагает вокруг стола.

— Где Сергей? — неожиданно спросил Полуяров.

Лиза показала под стол. Оба они тихонько заглянули туда и чуть не расхохотались. Сергей сидел рядом с бутылкой, опустив в ее горлышко шнурок.

— Какой я, оказывается, глупый! — сказал он родителям. — Разве рыбу в бутылке ловят? Конечно, нет. Рыбу ловят в речке. Правда, папа?

— Правильно, — сказал Полуяров и взял Сережку на руки. Порой его охватывала такая нежность к сыну, что он, не зная, как ее выразить, принимался целовать Лизу. Вслед за ним тянулся и сын.

— Мои, — сказала Лиза, одной рукой обнимая сына, другой — мужа. — Ты знаешь, Павлик, это очень приятное ощущение. Ты и я не родные, но мне Сережка родной и тебе родной, он наш общий. Смешно.

— Он что-то очень горячий.

— Тебе кажется, — небрежно возразила Лиза.

Забрав сына, она ушла на кухню и спросила:

— Ты не болеешь, Сереженька?

— У меня все болит! — восторженно ответил Сережка. — Грудь, руки, ноги, животик — все. Я не здоровый. Полечи-ка меня.

Термометр показал тридцать семь и три.

— Давай, Сереженька, лечиться. Только папе не будем говорить.

Он выпил микстуру и деловито спросил:

— Долго болеть буду?

— Сколько захочешь. Лучше болеть поменьше. Я завтра на работу не пойду, днем мы с тобой поедem на трамвае.

— Долго будем ездить?

— Долго.

— Сядем у окна?

— Сядем.

— Смотреть в окно будем?

— Будем.

— А билеты купим?

— Купим.

— И мне купим? Как будто взрослому?

— Обязательно. Обязательно. Обязательно.

— Расскажи сказку.

Сказки Лиза сочиняла сама. И, видимо, в них было что-то особенное, потому что сын часто добавлял: «Нашу сказку».

— Жили-были на свете мы с тобой, — стала рассказывать Лиза. — Мы с тобой — это значит, ты да я. И жил-был на свете человек. Все у него было, только не было у него нас с тобой.

— Это папа наш? — шепотом спросил Сережка.

— Слушай, не перебивай. Все у этого человека было, только не было у него нас с тобой. А у нас с тобой все было, только не было этого человека.

— Папы? Да? — умоляюще спросил Сережка.

— Да, — ответила мама, — и решили мы подружиться с этим человеком. И он решил с нами подружиться. Потому что мы ему очень понравились. И потому что он нам очень понравился. Решили мы дружить и договорились, что будем спать ложиться во-время, или дружбе конец (Сережка зажмурил глаза). Первым будет засыпать сын, — Лиза понизила голос, — мама придет, посмотрит и тоже уснет. Папа увидит, что его друзья уже спят, и тоже спать ляжет. И спят три друга, три товарища, пока не выспятся...

Лиза поцеловала сына и вернулась с ним в комнату. Полуяров спросил удивленно:

— Что так рано заснул?

— Набегался, устал... Ты очень волнуешься, Павлик?

Он словно ждал этого вопроса, оживился, взял Лизу за руки, усадил перед собой и заговорил:

— Когда чувствуешь, что ты абсолютно прав, особенно остро болеешь за исход дела. А я тысячу раз прав! Я знаю, я виноват, я во многом виноват. Боясь подорвать авторитет Сергея Ивановича, я как-то робко вел себя.

— Но согласись, Павлик, что у тебя есть одна плохая черта, — когда Лиза говорила мужу неприятное, она всегда гладила его руку. — Ты нетерпелив, Павлик. Тебе бы раз-два — и готово. Может быть, Копытов поймет, что он плохой редактор, но надо ему терпеливо доказывать...

— Насчет черты не спорю, а с Копытовым я и так и этак пробовал. Потом, Ли-за, ты учти, что не я один против него настроен. Почти вся молодежь его просто не любит. Попробуй вон Лесному терпеливо докажи. Молодежь... С ней надо осторожнее, тоньше, ведь они еще не журналисты, ведь они еще учатся, они принципы вырабатывают. Ведь мы с Копытовым отвечаем, какой журналисткой вырастет, например, Лариса. Или Лесной. Первый редактор! Шутка сказать! — Полуяров снова зашагал вокруг стола. — А Копытов им самое страшное пытается в голову вбить: осторожность ради осторожности.

— Как ты постарел, Павлик, — неожиданно прошептала Лиза. — Извини, что перебила, но... видно, и я старею. Я стала замечать, что ты уже не очень молодой. А раньше не замечала.

— А я очень жалею, что... не молодею. Но мы ведь с тобой не старые, Ли-за! Старость-то измеряется не годами. Я вот не верю, что буду старым.

— Ой, Павлик, уж если мы с тобой об этом заговорили...

Полуяров любил посидеть вот так с женой — друг против друга — и поговорить о разных разностях, важных и незначительных, всерьез и в шутку. Лиза довольно шурилась, и ее раскосые глаза становились еще уже.

— Совсем забыла, — беззаботным тоном проговорила Лиза, поправляя сына подушку. — Я ведь завтра не работаю. Выпросила отгул.

Она ушла на кухню приготовить чай, прикрыла дверь. Сережка заболел, а у Павлика завтра важное собрание. Ему лучше ничего не знать, а то расшумится, разволнуется. Только бы у него на работе все хорошо было, за остальное она спокойна.

Семья... Моя семья... Раньше Лиза не понимала этого. Раньше казалось, что семья — это муж и ребенок. И она

удивлялась тому, что начальник конструкторского бюро, в котором работала Лиза, часто говорил, когда ему грозила большая неприятность:

— Ничего, у меня семья... Вы, молодые, не понимаете... Семья — это изумительная конструкция.

Два случая помнила Лиза. Пришел однажды муж с работы, злой, раздраженный до того, что она растерялась. Жили они вместе всего несколько месяцев, и Лиза не знала, как вести себя в таком положении. Ни разу не слышала она от него грубого слова, а тут он закричал:

— Ну дай что-нибудь поесть!

— Сейчас...

Она принесла тарелку супа и поставила перед ним. Полуяров, видимо, не слышал, как подошла Лиза, оторвавшись от газеты, повернулся — и рукой в горячий суп! Тарелка полетела на пол, он что-то кричал, но Лиза не слышала. Она убежала из дому и вернулась лишь к ночи.

Испуганный муж ждал ее у ворот дома. Они тут же, на улице, обнялись, поцеловались и стали извиняться друг перед другом. И все-таки вспоминать об этом было неприятно.

Через несколько лет, когда Сережке шел первый год, Полуяров случайно увидел в комиссионном магазине настольную фарфоровую лампу. Как часто бывает с людьми непрактичными, Полуяров решил ее купить. Только цена в триста пятьдесят рублей сдерживала его. Лиза смотрела, смотрела на страдания супруга и сама послала его в магазин. Полуяров вернулся торжественный и гордый. Он посадил Лизу в стороне, сам установил лампу и, восхищенный, замер.

— Красивая вещь, — сказала Лиза, — надо только повернуть ее вот так...

Она бросилась к столу, зацепилась за шнур, запуталась в нем, упала, и... лампа разбилась на мелкие кусочки.

Лиза лежала на полу и даже боялась расплакаться.

— Жалко, — искренне признался Полуяров, — и тебя, и ее. Ушиблась?

— Павлик, а почему ты... ты почему не кричишь, не ругаешься?

— А что ругаться? Ведь ты не нарочно уронила.

— Само собой, но... нервы, характер...

— И я начал себе удивляться, — шутливо сказал, присев рядом с ней на пол, Полуяров. — Но ты мне все-таки дороже лампы.

Об этом случае Лиза вспоминала часто. Она стала понимать, что семья — это не муж, ребенок и она, а все вместе, неделимо. Однажды, когда Полуяров уехал в командировку, Лиза почти не спала ночь, наслаждаясь мыслью о том, что есть на свете человек, который так ей дорог, что есть на свете Сережка, который дорог ей и тому человеку. Утром, придя на работу, она сказала начальнику бюро вместо приветствия:

— Семья — это, действительно, изумительная конструкция.

— То-то! — радостно ответил он. — А как долго доходит? Правда?

По характеру Полуяров был чуть суше жены и не умел восторгаться личным счастьем на каждом шагу. Оно, ощущение счастья, жило в нем, наполняло сознание, как живительный сок наполняет корни.

Вся жизнь была связана с семьей. Было просто необходимо и радость, и горе приносить в семью, потому что лишь в ней радость становилась полной, а горе гложло быстрее.

Зато отношения с сыном у Полуярова были непосредственней, чем у жены. Он часто забывал, что Сережка — совсем маленький, и всерьез принимал все, что тот говорил. Услышал сын на улице дурное слово и сказал его отцу. Тот расстроился и целый вечер не подходил к сыну.

По воскресеньям Полуяров с Сережкой гуляли вдвоем, разговаривали о важных вещах, а когда возвращались домой, Лиза не могла понять, кто из них больше доволен прогулкой.

Была у Полуярова затаенная мечта, о которой он не говорил даже Лизе. Он мечтал, чтоб его Сережка вырос выдающимся, большим человеком. Ведь самому-то себе Полуяров мог сказать, что не получился из него талантливый журналист. Он неплохой работник, любит учить молодежь, все это так, но Сережка, конечно, будет куда умнее, способнее! Отец поможет ему!

Лиза уже спала, а Полуяров все ходил вокруг стола, теперь уже спокойно, бесшумно. Обычно ему нравились эти минуты, когда он бодрствовал, а Лиза и Сережка спали. Но сегодня беспокойные мысли владели им... Об-

ком комсомола горой за Копытова... Редакторы приходят и уходят... Самое главное — доказать, что Копытов не умеет руководить молодежным коллективом.

Спал Полуяров крепко, встал свежим, дольше, чем всегда, плескался водой, вышел из дому пораньше. Утренние прогулки бодрили, подготавливали к напряженному рабочему дню.

День, как всегда, пролетел незаметно. Часа за полтора до собрания Полуяров отложил все дела в сторону и стал готовиться к выступлению.

На этот раз обычная процедура открытия собрания показалась ему утомительной и нарочитой. Он невольно поглядывал на сидевшего в кресле первого секретаря обкома комсомола Тополькова, высокого молодого человека с продолговатой головой на тонкой шее. У него было худое, с нездоровой желтизной лицо, короткие волосы. Сухие бледные губы улыбались привычной снисходительно ободряющей улыбкой.

Доклад Копытова был обстоятелен и самокритичен. Из всех работников он безоговорочно похвалил только Полуярова. Он выразил уверенность, что коммунисты подскажут меры улучшения работы редакции.

Полуяров попросил слова и тут же про себя отметил, что один раз уже не сдержался — не надо было выступать первым. Но поправляться было поздно, и он начал ровным, спокойным голосом, следя за каждым словом:

— Мы собрались, товарищи, обсудить самый важный и больной для нашей редакции вопрос. Вопрос о руководстве. В повестке дня он формулируется несколько иначе. Дело обстоит так, что день ото дня мы работаем все хуже и хуже, день ото дня обостряются противоречия между редактурой и коллективом, между редакцией и обкомом.

— Первый раз слышу, — недовольно перебил Топольков, — какие могут быть противоречия? В данном случае — это непартийное выражение. Недопонимание некоторое имеет место, но противоречий — никаких.

— Дело не в словах. Обком плохо руководит газетой, не помогает коллективу редакции. Остановлюсь сначала на внутриредакционной обстановке, на неумении товарища Копытова руководить, воспитывать. Редактор бросается из одной крайности в другую — то либеральничает, как это было в последней истории с Вишняковым, то

доходит почти до самодурства, как это было с увольнением Лесного и Гаркарян.

— Что верно, то верно, — натянуто улыбнулся Копытов Тополькову. Тот понимающе кивнул.

— Редактор оторвался от коллектива, — Полуяров повел бровью. — Он работает в одиночку, никому не доверяет. Чрезмерная, доходящая до трусости, осторожность, стремление застраховать себя от острой борьбы с недостатками, отсутствие собственного мнения стали определяющими чертами Копытова как редактора. Бесконечные сомнения, опасения, согласования, увязывания и прочие манипуляции со статьями, получившими одобрение коллектива, лишили газету боевого, наступательного духа. Со страниц «Смены» исчезла настоящая, большевистская критика. В столе редактора нашло вечный покой много статей, не увидевших света с ведома товарища Тополькова. Стремясь обелить, скрыть свои ошибки в подборе кадров, боясь взять на себя часть ответственности, товарищи Копытов и Топольков препятствуют появлению статей, которые правильно и резко ставят вопросы, вскрывают серьезные недостатки. И что обидно: жизнь показала, что корреспонденции были правильными.

Лицо Копытова беспрестанно менялось. Он то пробовал улыбаться, то пожимал плечами, то удивленно взглядывал на Полуярова, то, соглашаясь, кивал. Но чем дальше говорил Полуяров, тем реже поднимал голову редактор. Топольков, не отрываясь, писал в блокноте. Полуяров говорил неторопливо, спокойно, хотя от волнения не узнавал своего голоса. Он мысленно хвалил себя за то, что написал выступление.

— Теперь о некотором недопонимании или противоречиях между редакцией и обкомом, — продолжал Полуяров после паузы. — Обком давно осведомлен об обстановке в редакции и не принимает никаких мер. Руководство газетой он подменил мелочной опекой, ненужным вмешательством в будни редакции. На сигналы отдельных коммунистов товарищ Топольков не обращает никакого внимания. Он больше доверяет редактору, чем всему коллективу.

Полуяров сел и сразу спохватился, что сказал не все: забыл упомянуть о собственной нерешительности, о том, что давно надо было поставить вопрос о редакторе прямо и резко.

— Нельзя не согласиться с некоторыми замечаниями товарища Полуярова,—глубокомысленно говорил Николай Рогов, — но никаких противоречий с обкомом нет и быть не может. В редакции сколотилась группа недовольных, возглавляемая товарищем Полуяровым, и подняла шум... Ну что сказать о редакторе? Иногда, правда, Сергей Иванович бывает крут. Лесного, на мой взгляд, увольнять не следовало. Пользуясь присутствием товарища Тополькова, замечу, что обком уделяет газете мало внимания.

В перерыв Полуяров подошел к Валентину и не успел сказать и слова, как появившийся рядом Топольков озабоченно проговорил:

— С вами, действительно, неправильно решили. Завтра зайдите ко мне для беседы... А собрание идет хорошо. Критика острая, принципиальная, не взирая на лица. Чувствуется, что собрание будет поворотом в сторону улучшения качества газеты.

— У нас таких собраний было немало, — ответил Валентин, — но поворотов в сторону улучшения пока не было.

— Унывать не стоит, — Топольков похлопал Валентина по плечу, улыбнулся Полуярову. — Постараемся помочь. Посоветуемся и что-нибудь придумаем.

По-настоящему разволновался Полуяров, когда после перерыва попросил слова Валентин. Но опасения оказались напрасными. Валентин часто заглядывал в блокнот, говорил сдержанно, хотя откинутая корочка блокнота чуть дрожала в его руке. Лишь в конце выступления Валентин повысил голос:

— Наш редактор утратил облик советского руководителя. Он главный виновник создавшегося положения, когда большая часть коллектива вынуждена осуждать его методы руководства. Нам надоело быть пешками, которым не положено иметь своего мнения, нам надоело думать и писать по-копытовски.

Встала Лариса.

— Товарищ Копытов, — с высокой ноты начала она, — наплевательски относится к коллективу. Ведь не первый раз мы говорим об этом. И на партийных собраниях, и на летучках все разговоры сводятся к тому, что наш редактор потерял облик советского руководителя, что его надо снимать с работы. А он попрежнему считает, что его безобразия — это всего-навсего ряд недостатков. Он

уверен, что коллектив не может подчинить его своей воле, что найдется рука, которая защитит Сергея Ивановича...

— Давайте спокойнее, — сказал Топольков.

— А мы не можем спокойнее! Мы не хотим быть спокойными! У нас беспокойная профессия. Для нас успокоиться — значит засохнуть, охладеть, писать не статьи, а докладные.

— Ну что ж, докладные тоже дело полезное, — пошутил Копытов.

— Вот товарища Копытова и любят в обкоме за его спокойствие. Таких с работы не увольняют. Они — спокойные, они никого не трогают. Для них и волк — сват и овца — кума. — Лариса стала говорить сдержанно, слова звучали убедительнее. — Самое опасное для редактора — перестраховка. Зажать критику в кулак, критиковать только дворников да продавцов, выполнять задачи газеты формально, спокойно, согласовывать, утрясать, а не выступать — вот чем руководствуется товарищ Копытов.

— Разрешите? — Топольков встал, положил руку с блокнотом на стол и посмотрел на потолок. — Суждения товарищей в части плохого качества газеты справедливы. Справедливо и то замечание, что обком не уделял газете достаточного внимания. — Он пожевал губами, озабоченно склонил голову набок. — Нехорошее впечатление произвело на меня выступление товарищей Полуярова и вот... вас. — Топольков посмотрел на Ларису. — Очень несамокритичные выступления, нервные, я бы сказал. Критикуя, некоторые товарищи забывают о том, что газете положено и что не положено, забывают свое место. Нельзя.

После выступления Тополькова к столу вышел Копытов, виноватый, добрый, смущающийся.

— Согласен, — горячо произнес он, приложив руку к груди, чуть наклонившись. — Правильно подметили мои недостатки. И возражать не буду. Ошибок у кого не бывает. Было бы желание бороться с ними. А у нашего коллектива есть такое желание. Я приложу все усилия...

«Сейчас начнется главное, — думал Полуяров. — Если быть принципиальным до конца, то я обязан выступить с предложением ...Но кой-кем оно может быть истолковано превратно...»

— Какие будут предложения?

Правая рука налилась тяжестью, не поднималась; Полуяров спросил:

— Можно мне?... Я предлагаю, товарищи, вынести Копытову строгий выговор и просить бюро обкома комсомола снять его с работы как несправившегося.

— Есть еще предложение! — крикнул Николай. — Я предлагаю ограничиться строгим выговором.

Приступили к голосованию по первому предложению. Слышно было, как на улице промчался, весело звеня, трамвай.

— Шесть против четырех.

После собрания попрежнему невозмутимый, снисходительно улыбающийся Топольков попросил Полуярова задержаться. Прошли в кабинет. Копытов снял пиджак и бросил его прямо на стол, сорвал галстук.

— Вот вам свобода мнений, неорганизованность! — возмущенно сказал Топольков Полуярову. — Вы не понимаете, что делаете! Детский подход к серьезным вопросам! В демократизм играете? Я даже боюсь прямо охарактеризовать ваше поведение, товарищ Полуяров.

— Не бойтесь. И почему вы обращаетесь ко мне, а не к партийной организации?

— Я не сторонник демагогии. За такое собрание отвечать будете вы, заместитель секретаря, — Топольков начал одеваться. — Пока мне доверено руководство обкомом, редактором будет Копытов.

— Газета не ваша, а обкома. А вы — не обком. Мнение коллектива редакции относительно редактора и обкома проверим на областной конференции.

— Фу ты, черт, — прошептал Копытов, взъерошив волосы руками, — до чего муторно. Как с похмелья. Голова кругом.

— Вопрос будет разбираться в обкоме партии, — многозначительно произнес Топольков.

— А пусть! — махнул Копытов. — Ведь прямо мне в глаза... мои люди... Ведь я для них все делал. Недосыпал, в кино, знаете ли, некогда было сходить... Уволить просят! Я сам уйду! — с внезапной решимостью воскликнул он. — Не толковались... Вот обида-то...

— Ты пока еще редактор, — недовольно остановил его Топольков. — Бюро...

— Да что ты мне — бюро да бюро! Мои товарищи по работе прогоняют меня. Вот мне нож в сердце!

— Что ж раньше, Сергей Иванович, не разумел? — Полуяров подошел к нему.

— Не трогай меня, Паша, не трогай,— отодвинулся Копытов,— а то я тебе такое скажу...

— Во всяком случае, — произнес Топольков, — мы сделаем самые серьезные выводы в части происшедшего.

Копытов ушел вместе с Топольковым. Оставшись один, Полуяров подсел к телефону.

— Ли-за,— сказал он тихо,—я сейчас приду... Ждешь? Правильно делаешь.

Глава десятая

Даже то, что он будет восстановлен на работе, не радовало Валентина. Личные неудачи по сравнению с тем, что обсуждалось на собрании, казались теперь ему не столь серьезными, исправимыми. Он вспоминал взгляд Полуярова, то горящий гневом и возмущением, то усталый, почти равнодушный. Да, надо иметь мужество быть честным, не приспособливаться, быть нетерпимым к несправедливости.

Непримиримость. Быть непримиримым... Если ты уверен в своей правоте, не отступай ни в большом, ни в малом. Правый всегда победит. Он пройдет через тысячи преград, с головой окунется в пучину горя, узнает, почем фунт лиха, и друзья, может быть, отвернутся от него, но он, правый, победит. Самое главное — бороться. Валентин видел, каких усилий стоило Полуярову его выступление: не потому, что он боялся Копытова или Тополькова, а потому, что рисковал не добиться своего.

В большинстве случаев мы отступаем из-за того, что, устав, начинаем сомневаться в успехе трудного дела. Сколько статей и фельетонов у скольких журналистов остались лежать в столах или были разорваны авторами в клочья лишь потому, что сами авторы не поверили в справедливый исход борьбы, не выдержали напряженной схватки, сдались. Сколько недостатков из-за этого не было раскрыто своевременно!

Газета — великое оружие партии. Журналисты — это идущие впереди. А идущий впереди должен бросаться в атаку, чтобы не быть смятым. Немного отстань, и газета уже не оружие, не командир, а неторопливый регистратор событий.

Чтобы не ошибаться, не жить лишь от указания до указания, надо служить партии и умом, и сердцем. Сила — в призвании. Не только по команде солдаты идут в атаку, но и по зову души.

Ты пишешь только потому, что не можешь не писать. Если напишешь по другим причинам, ты — не идущий впереди. Равнодушный не может идти впереди.

Взволнованный размышлениями Валентин распахнул форточку. В комнату хлынул свежий воздух. Где-то недалеко весна. Никому не остановить ее. Она придет, радостная, светлая. Не остановить ее прихода, как не остановить движения земли вокруг солнца.

— Все-таки она вертится!

Старое опасно тем, что иногда занимает положение, на котором может быть только новое. Топольков — секретарь обкома комсомола, и, если он против, не так-то просто добиться своего.

...Радостно сознавать, что ты не один. Локоть к локтю — силы больше, шаг тверже. А если вся редакция вместе, не каждый сам по себе, а все вместе — от курьера до редактора — одним умом, одним сердцем будут делать газету?

Хороший руководитель — не тот, кто чувствует себя только начальником, а остальных считает только подчиненными, не делится с ними своими высокими соображениями и смотрит лишь на сигналы сверху, для которого запятая в приказе важнее человеческой судьбы. Хороший руководитель верит подчиненным, посвящает их в свои замыслы, убеждает, ведет вперед, шагая в первом ряду.

Валентин сам чувствовал некоторую наивность своих рассуждений. Пусть известные истины он принимал за открытия. Ведь не трудно заучить, что дважды два четыре, труднее понять — почему.

Перед сном Валентин перечитал короткое письмо отца:

«Совсем забыл ты старика, сын. Одолела меня одна дума. Внучат хочу. Честное слово. Постарел ведь я, и хочется тебя мужчиной, отцом видеть.

Да и тебе пора подумать о семье. Насколько я тебя знаю, парень ты чистый, честный и на всякие штучки не способен. Напиши мне прямо, как там у тебя с личной жизнью. Жду.

Будь здоров (а у меня сердце пошаливает).

Отец.»

Письмо пришло одновременно с телеграммой — «Бодись скорее подробности отец».

«Надо,— решил Валентин,— завтра же утром известить отца, что все окончилось благополучно. А насчет личной жизни сообщать пока нечего. Вот успокоится Ольга, тогда с ней можно будет поговорить. Измучилась она».

А он? Он всегда старался оправдать ее, находил множество доводов, чтобы не думать о ней плохо. Валентин в глубине души всегда предполагал, что большой любви предстоят большие испытания. Когда он узнал, что Ольга не любит его, все остальное (и то, что она замужем) уже не трогало его. Он страдал лишь от того, что не любим.

Осуждал ли он ее? Нет, больше жалел. Сколько бы горестей ни принесла ему неудачная любовь, он согласился бы пережить ее снова, чем испытать ошибку.

Сейчас, когда появилась надежда на счастье, Валентин впервые задумался над тем, сумеет ли он дать Ольге радость. Семья, брак были для него синонимами любви, любви на всю жизнь. И он беспокоился, принесет ли его чувство счастье любимой.

Утром он отправился в обком. Здесь, в приемной Тополькова, Валентин просидел часа два, глядя на гордую, высокомерную, окающую секретаршу, которая кричала в телефон на секретарей райкомов, как кондукторша на безбилетников. Ее крикливый голос раздражал, и Валентин вышел в коридор, к окну. Отсюда, с пятого этажа, люди казались меньше, чем были на самом деле.

Мимо стремительно прошел Топольков, на ходу проговорил:

— Прошу извинить, спешу. Я дал указание решить вопрос с вами положительным образом.

Валентин почему-то подумал, что Топольков спешит в обком партии — защищать Копытова.

* * *

— Раз-два-три! Раз-два-три! — отсчитывая такт хлопками, командовала Ольга. Гимнастки выполняли вольные упражнения. — Легче, милые, веселее! Помните, вы очень красивые, стройные, изящные! Понимаете? Раз-два-три!

Перед новой группой довольно малоопытных спортсменов Ольга поставила трудную задачу — бороться за первое место в городских соревнованиях. Зная упрямый ха-

рактер своего тренера, девушки не стали спорить. Ольга умело вселяла в них уверенность, будила задор, тренировала с азартом. Она знала: только здесь, в спортивном зале, со своими ученицами она может быть счастлива. Там, за порогом, ее ждут муки совести и раздумья.

Она не могла забыть того, что пережила, когда с ней беседовали в судебном присутствии, не могла забыть самого суда. Она словно со стороны посмотрела на себя и застыдилась.

Особенно тяжело было вспоминать — а вспоминалось это часто — тот день... Она закрывала глаза, и в ушах раздавался торопливый говорок низенькой, полной женщины, прячущей в сумку сто пятьдесят рублей «за, сами согласитесь, рискованное дело». Потом Ольга вспомнила койку коридора больницы и белую стену, к которой она отворачивалась, когда мимо проходили студентки-практикантки. Тогда ей приснился ужасный сон: маленький, в клетчатом пальтишке ее сын, со сползшим с одной ноги чулком, стоит к ней спиной. «Милый! — кричит она. — Иди к маме! Иди ко мне, к маме!» А он так и не обернулся, не показал лица, ушел... а пальтишко было клетчатое, и с одной ноги сполз чулок...

Все это было, и все это не забывалось.

Радостно теплилась в сердце любовь к Валентину, но Ольга сказала себе: ты недостойна его... Сердце все равно не слушалось.

Эта любовь и мечта сделать в жизни что-нибудь важное, хорошее волновали ее, как волнуют будущего летчика плывущие в поднебесье облака. Не скоро достигнешь их, но они зовут, манят, и, ступая по земле, восторженно смотришь на небо.

Какие-то новые силы пробудились в Ольге. Она удивлялась, откуда берется в ней страстное желание работать и работать. Она подсознательно чувствовала, что это из-за пробудившейся любви, но не разрешала себе так думать. Временами появлялось злое желание почувствовать себя жалкой, достойной презрения. Покой ее был нарушен не только разрывом с мужем, но и робкими надеждами на будущее счастье. Она, конечно, не строила никаких предположений, наоборот, старалась убедить себя, что судьба справедливо наказывает ее. Но любовь — всегда деятельное чувство, и Ольга мечтала. Мечты как будто не были связаны с зародившимся чувством, она

просто думала о том, что способна совершить что-то очень важное, что у нее есть силы. Но с каждым днем эти мечты и мысли о Валентине становились все неотделимее. В тяжелые минуты она нарочно вызывала в памяти его образ, и на душе светлело, возвращалась бодрость, лучше работалось.

Однажды после неудачной тренировки она задержала девушек. Они расселись вокруг своего тренера, усталые, хмурые. Ольга знала, что нужно их и поругать, и подбодрить, но не знала как. Она смотрела в окно, растерявшись и смутившись, и вдруг невольно представила, что за дверями ее ждет Валентин.

— Расстроились? — весело спросила Ольга. — Это очень хорошо. Когда вам гимнастика будет доставлять больше огорчений, чем радостей, когда даже первые места покажутся вам занятыми незаслуженно, тогда и до настоящих успехов недалеко останется, прямо на дорогу выйдите. Милые девочки мои, мне очень хочется, чтобы вы стали замечательными гимнастками. Вы только поймите, как вам важно стать чемпионками города, республики, страны, мира! Если вы, если все ваши подруги будут чемпионками... — Ольга таинственно понизила голос. — Давайте помечтаем, что будет. Производительность труда зависит и от культурного уровня рабочих. И если в заводском клубе будут выступать свои, заводские, чемпионки мира, значит, завод замечательно работает! Вы только представьте себе, что все, все девушки с вашего завода занимаются спортом. А? Какие они сильные, стройные, симпатичные. И ребята за ними потянутся, не захочется им отставать. Я вас очень прошу, подружки мои чудесные, мечтайте больше! Чтоб дух захватывало, чтоб недалекие люди вас сумасшедшими считали!

Девушки ушли из спортзала повеселевшими, а Ольга, сама разволновавшая себя, медленно оделась и не могла подойти к дверям, потому что за ними Валентина, конечно, не было...

Двери открылись, и в раздевалку вошла Маро.

— Здравствуй, душа, — умоляюще сказала она, — мириться хочу. Очень люблю тебя.

Ольга уткнулась лицом в заиндевелый воротник шубки Маро.

— Вчера тебя во сне видела, — пропела Маро, — будто ты тонешь. Ой! Я спасла тебя!.. Ты меня зря ругала. Я хо-

рошая. А я безработная была. Да. Сейчас работаю на заводе.

— Ничего не понимаю. Какой завод?.. А Валентина ты видишь?

— Какой завод? — радостно переспросила Маро. — Паровозы ремонтирует. Токарем буду. Научат. В школе учиться буду. Заставят. Гимнастикой заниматься буду. Очень охота. А Валентин...

— Подожди, — Ольга покраснела, нахмурилась. — А почему ты из редакции ушла?

— Дурак редактор выгнал... Сейчас все расскажу, только не плачь. И Валентина он тоже выгнал.

— Не может быть! Ты... ты путаешь что-нибудь! — возмутилась Ольга, но тут же подумала: «Где же он сейчас?»

— Он умный, он не дурак, он не пропадет, — тоном, не допускающим возражений, заявила Маро.

— Я пойду к нему, — проговорила Ольга.

— Шагом марш, быстро иди.

— Нет, нельзя. Нельзя. Ты ничего не понимаешь.

— Очень понимаю. Я школу рано бросила, но все понимаю.

— Милая Маро, это совсем другое.

— Совсем нет, но если ты говоришь, тогда...

«Что с ним случилось? Как ему помочь? — думала Ольга. — Почему он ничего не сообщил мне?»

— В гости ко мне пойдешь? — спросила она.

— Ой! — радостно вскрикнула Маро. — Бегом побегу. Мы подруги. Мне с тобой говорить надо. У меня несчастье большое, меня замуж заставляют выходить, а я очень не хочу.

— Кто заставляет?

— Он... ну, он... Максим.

— Какой Максим?

— Длинный такой, веселый, песни смешные поет. Я его домой не пускаю, он на улице стоит. Долго стоит, пока не пущу. Потом чаю горячего просит и таблетки кушает. От простуды, говорит.

— Напугала ты меня, — задумчиво сказала Ольга. — Прибежала, и сразу столько новостей.

— Плакать мне надо. Он говорит, чтобы я к свадьбе готовилась... Он мне так сказал, мне так стыдно, что и

спать не могу! — Маро всхлипнула. — Он сказал... мне стыдно... что без меня... жить не может.

— Зачем же плакать? — ласково спросила Ольга. — И стыдиться нечего. Он хорошо сказал.

— А правда это? А? Бывает так? Что жить нельзя?

— Всегда бывает, когда любишь.

— Если ты говоришь, значит бывает, — черные глаза Маро широко раскрылись. — Я тоже думала так, но боялась... Я скажу ему... если еще спросит...

Вечер был тихий, безветренный. Маро взяла Ольгу под руку, прижалась к ней и негромко запела свою любимую песню. Сначала она пела по-армянски, а потом по-русски, с трудом сохраняя ритм: «Друга долго искал я. Очень долго. Не знаешь, как долго. Едва нашел. Он мне нужен, как песня. Хорошая песня. Ты ведь знаешь, что трудно без песни. Как без друга. О нем мне поют деревья и реки. Цветы о нем поют. Ты мой друг. Ты моя песня». Песней Маро высказала все, что теснилось в ее душе, и замолчала. Маро редко кого удостаивала дружбы, но уж если привязывалась, то крепко и искренне. Для Маро дружба была святым чувством.

Ольга жила в маленькой неказистой комнатенке. В ней стояли два хромоногих стула, стол и кровать. Привыкшая к чистоте и уюту, Ольга не любила своей квартиры, но благоустроить ее не было смысла — все равно нужно переезжать, хотя бы в более просторную комнату. Утреннюю зарядку приходилось делать в полутемном коридоре.

Но Маро эта комната показалась великолепной. Она не сводила с Ольги глаз. Обычно в первые минуты примирения разговор начинать трудно, и подруги только улыбались. Первая нашлась Маро. Она крепко обняла Ольгу, расцеловала и воскликнула:

— Очень люблю тебя! Поговори со мной! Как мне с ним... ну, чтобы он не подумал...

— Будь с ним поостроже.

— Он меня боится! Он водку пил. Я сказала: ненавижу. Он перестал. Я не поверила. Он меня домой привел. На столе бутылка стоит. Вот, говорит, здесь она, голубушка, месяц стоит, твоего, Маруся, разрешения ждет. Мама его сказала, что бог даст мне сто лет прожить. А Максим сказал: со мной Маруся еще дольше проживет... Мне стыдно...

— Пей чай, Маро, — предложила Ольга, чтобы вывести подругу из задумчивости. — Ты напрасно волнуешься.

— Совсем не напрасно. Он ведь не дружить со мной хочет. Он ведь жениться хочет!

— Ну и что?

— Ох... — У Маро появилось страдальческое выражение лица. — Не знаю.

— Пей чай. Ты любишь.

— Да...

Ольга не сдержалась и пошутила:

— Я о чае говорю.

— О чае?! — вскочила Маро. — Ой, я дура, да! Я убегу. — Она села, залпом выпила чай, поморщилась: сахару не было.

— Валентин где живет, ты не помнишь? — доставая из чемодана сахар, спросила Ольга.

— Свободная, двадцать четыре.

«Недалеко, — подумала Ольга, — минут двадцать идти, не больше. А что?..»

Маро стала собираться.

— Каждый день к тебе приходиться можно? Да? — она заглянула в глаза подруги. — Можно?

Проводив Маро, Ольга зажгла настольную лампу, поставила себя раздеться и лечь. Она завидовала Маро. Сколько та ни старалась скрыть любовь, она проглядывала в каждом движении, в каждой интонации. «Неужели со мной этого не будет? — испуганно подумала Ольга. — ...Свободная, двадцать четыре... Недалеко от семнадцатой школы... Удивится... Можно минут за десять дойти, если идти быстро. Ну, хорошо, вот я пришла, что буду говорить?.. Очень просто: услышала, что у тебя неприятность, и пришла узнать... Ночью?»

Ольга покосилась на часы, села на кровать. Без пятнадцати одиннадцать. И не вечер и не ночь. Она встала босыми ногами на холодный пол, поежилась. В окно лился голубой лунный свет. Ольга стала торопливо одеваться. Чудесная мысль: ведь совсем не обязательно заходить к нему, только бы постоять у окна, дотронуться до него, пожелать спокойной ночи... А завтра что-нибудь придумать.

Она не бежала по улице, она шла неторопливо, наслаждаясь каждым шагом. Ведь это были шаги к нему, к светлему окну. Ольга держала муфту на груди. По

временам на несколько шагов закрывала глаза и тогда она думала, что, даже если и не будет счастья, все равно она благодарна судьбе...

О, как тяжело дышать! Ольга только сейчас заметила, что бежит. Светло, как днем. Сколько огней в домах, но лишь одно окно заветное... Которое?

С трудом прочитав номер дома, Ольга подошла к окну, в котором горел неяркий, видимо, от настольной лампы, свет. В двух соседних окнах темнота. Показалось, что внутри все отяжелело, даже руки стали непослушными. Ольга медленно подняла руку и стукнула по стеклу. Вздрыгнула — стук раздался на всю улицу, сейчас сбегутся люди. А она не боится их! Она скажет, хоть кому скажет, зачем пришла. Здесь живет человек, которого она любит. Она недостойна его, она знает это, но пришла не за прощением, а просто... не могла не прийти.

За этот короткий промежуток времени, который потребовался удивленному Валентину пройти через коридорчик и кухню, открыть несколько запоров и выбежать во двор, Ольга устала ждать. Ей вдруг захотелось пить.

Шел легкий веселый снег. Ольга решила, что, если Валентин не выйдет, она наестся снегу и заболеет. Будет долго лежать в больнице. Тогда-то он придет.

Звякнула задвижка в воротах; Ольга хотела спрятаться, убежать, но, как это бывает во сне, не могла сдвинуться с места.

— Оля! — удивленно вскрикнул Валентин. — Откуда ты?

— Я... пришла, — тяжело выговорила она. — Узнать... как ты живешь... Маро была у меня и сказала...

Он стал о чем-то горячо говорить, но она увидела, что он без пальто, и перебила:

— Ты простудишься, милый.

Закружилась голова. И как это у нее вырвалось!

— Ты простудишься, — повторила она. — Иди, оденься, — и положила голову ему на грудь. — Не ругай меня, Валька. Не надо. Я знаю, я гадкая, но мне так захотелось к тебе, ты представить не можешь.

— Спасибо тебе, — ответил Валентин, прикоснувшись губами к ее лбу. — Я ведь устал без тебя...

— Ну, иди, иди, — сказала Ольга, прижавшись к нему. — Иди, быстрее. Проводишь меня. Здесь совсем недалеко. Я дошла за пять минут...

Этому разговору Олег придавал очень большое значение. Николаю пришлось уступить его настойчивой просьбе. За последнее время Николай привык к одиночеству, и свидание с приятелем представлялось ему тягостным. Придется что-то выслушивать, что-то отвечать, а думать совсем о другом. Если на людях ему еще удавалось сохранять невозмутимость, то дома он давал волю своей злости, ревности, оскорбленному самолюбию и страху. Здесь не надо было притворяться. Лишь надежда на то, что и Ольга, может быть, мучается, доставляла некоторое удовлетворение, которое особенно усиливалось, когда Николай бывал пьян. Возвращаясь домой, Николай вслух рассуждал, читал против бывшей жены целые обвинительные речи. Он пил не потому, что этого требовал организм, как бывает с алкоголиками, а потому, что ничего не мог делать. Стоило ему подумать, что вот сейчас он придет в свою пустую квартиру, как ноги сами несли его к ближайшему киоску или в пивную. После первого стакана он уже поглядывал вокруг, ища собеседника, охотно вступал в разговоры, разглагольствовал о подлости женского пола, воспевал холостяцкое житье и под конец рыдал, вспоминая свою семейную жизнь.

На работе Николай почти ничего не делал. Все казалось мелочным, ненужным. Он даже не читал «Смены». Случалось, что, переборов лень и равнодушие, он отправлялся на завод, расположенный где-нибудь на окраине города, но у входа в заводоуправление поворачивал обратно.

Однажды, побывав на кондитерской фабрике, он не написал ни строчки. И действительно, — уныло отмечал Николай, — ничего не случилось: газета не стала ни лучше, ни хуже.

Работа опротивела.

И только иногда, вспоминая, что за строчки платят, Николай оживал. Он поднимал телефонную трубку, обзванивал фабрики, заводы, учреждения и сдавал в секретариат информацию за информацией. Нужны были деньги.

Возвращение в редакцию Валентина заставило Николая принять деловой вид. Он дня за два разгрузил папки с залежавшимися авторскими письмами, съездил на машиностроительный завод. Неутомимость Валентина

вызвала у Николая странную реакцию: он со злорадством твердил себе: «А я не могу так». Всю работу он под разными предлогами перепоручал Валентину. При всей ненависти к нему, Николай порой невольно восхищался его живым отношением к делу. Валентин наслаждался тем, что делает. Он ни минуты не тратил попусту. С утра до вечера к нему приходили посетители, он ежедневно бывал на предприятиях.

Чувство вины перед ним вытеснилось у Николая раздражением, злобой. Это он, Лесной, виноват во всех несчастьях, свалившихся на голову хорошего человека, Николая Рогова! И Николай ждал случая, чтобы доказать всем, каков он есть на самом деле, этот тип в белоснежной рубашке!

Как-то Копытов поручил Николаю написать передовую. Он обратился к Валентину. Тот на память перечислил ему несколько фактов. Николай написал передовую и сел к телефону. О, если бы Лесной переврал хотя бы один факт! Но, увы, все оказалось правильным.

Однажды Николай не выдержал, возвратил Валентину небольшую зарисовку о штукатурках, придравшись к пустику.

— Ничего интересного, — сказал он.

— Вы что? — изумился Валентин. — Или ничего не понимаете?

— Выбирайте выражения! — огрызнулся Николай. — Ну, хорошо, я подпишу, отвечать будете вы...

Его раздражала даже аккуратность Валентина. Сам Николай редко брился, перестал носить галстуки, ходил в старом, изрядно поношенном костюме, в больших неуклюжих валенках, в которых обычно ездил в командировки.

— Что с вами? — спросил однажды Полуяров. — Подойдите к зеркалу. Не стыдно?

— Стыдно? — иронически переспросил Николай. — Но это наиболее соответствует моему настроению и положению в редакции.

— Понятно. Когда перестанете бездельничать?

— Когда будут нормальные условия для работы.

— Что вы подразумеваете? Честно.

— Я не могу работать с Лесным по известной вам причине.

— Слабоволие.

— Со стороны легко судить. Не проще ли перевести Лесного в другой отдел?

— Вы не замечаете одной интересной детали в жизни редакции? — строго произнес Полуяров. — Происшедшее на партийном собрании не мешает редакции работать. Никто кроме вас не носит траура.

— Завтра я приду в новом костюме. Вы удовлетворены?

— Да. Если вы в новом костюме будете работать, как полагается. Честное слово, Рогов, бросьте. Нельзя. Напрасно вы чего-то ждете, надеетесь на выгодные для вас перемены.

— Ничего я не жду, — ответил Николай. — Можно идти?

— Конечно. Как всегда, разговор между нами не состоялся. А жаль. Вы на опасной дорожке. Я надеялся, что вы переживете личное горе, как человек, как коммунист.

— А при чем здесь... — насмешливо начал Николай.

— А при том, — повысил голос Полуяров, — что в любых случаях жизни надо быть коммунистом!.. Расхныкались, распоясались... К бутылочке потянулись.

— Докажите, — жалобно возразил Николай.

— Докажу, — пообещал Полуяров. — Если подходить формально, мы должны уволить вас. Но учитывая ряд обстоятельств, редакция и партийная организация дает вам возможность исправиться. Возьмитесь за ум.

В глубине души Николай готов был поблагодарить Полуярова: «Спасибо. Я и сам понимаю, что иду неверным путем, но ничего не могу поделать. Вы поддержали меня». Но, смерив Полуярова недобрый взглядом, Николай ушел. И все же разговор взволновал его, навел на добрые мысли. Николай поспешил домой, кое-как навел порядок в комнате, затопил печку и едва не заплакал от охватившей его грусти. Быть может, он напрасно обвиняет Ольгу в искусно скрываемой связи? Быть может, он сам виноват и стоит ему отказаться от подозрений, как Ольга... вернется! А что? Вон, полный шкаф ее платьев, под кроватью две пары туфель, много вещей. Если бы она не рассчитывала вернуться, давно бы все забрала. Ведь она — Николай начинал верить в это — не живет с Лесным. Что же помешает ей вернуться? Ведь не могла же она уйти просто так!

Надо написать ей. Она добрая, она поймет.

Он склонился над бумагой.

«Ольга! Не буду оправдываться перед тобой... Я виноват и не имею права оправдываться. Жалею о том, что случилось, и мечтаю вернуть прошлое.

Ради всего хорошего, что было между нами, забудь мои ошибки и прости. Я совсем опустился, за это ненавижу себя и даю слово взять себя в руки. А слово мое крепкое.

У меня осталось много твоих вещей, заberi их. Они мучают меня, напоминают о тебе. Если не хочешь видеть меня, напиши, когда придешь, я оставлю ключ на старом месте».

Он вскочил, потирая руки. «Вот, что давно надо было сделать!»—радостно подумал он; потом раскрыл патефон, поставил пластинку и, подхватив стул, закружился в вальсе. Неожиданно в патефоне что-то щелкнуло, зашумело, пластинка издала тягучий звук и остановилась. Николай оторопело опустил стул, вспомнил, что Ольга называла патефон «тробом с музыкой» и не могла дожидаться, когда лопнет старая пружина.

Дождалась. Николай слонялся из угла в угол, стараясь понять, отчего вдруг испортилось настроение. Не из-за патефона же!.. Просто он явственно, зримо вспомнил Ольгу. Вот здесь она жила, здесь любовь была и прочее. Он с размаху ударил по подушке и чуть не выругался... Привык к ней!

Но, кажется, все налаживается, найден правильный выход из положения... А правильный ли? А если его письмо Ольга примет за проявление слабости, и он опять останется в дураках?!

До поздней ночи он размышлял над письмом. На другой день в редакции он долго сидел, держа конверт в руке, наконец, набрался решимости и подошел к Валентину.

— Материалы еще на машинке, — сказал тот.

— Я не о них... Мне нужно... увидеть Ольгу.

— Ну? А я-то при чем?

— Так-таки и не при чем?

— Знаете, Рогов, — Валентин забарабанил пальцами по настольному стеклу, — вы меня здорово злите своими вопросиками. Мне неприятно об этом говорить, особенно с вами, но приходится. О моем отношении к Ольге вы знаете. В нем ничего не изменилось. И если на то пошло, я откроюсь вам: я надеюсь...

— Надежды юношей питают,— неизвестно зачем сказал Николай. Он хотел сказать что-нибудь ядовитое, чтобы сорвать с Лесного маску спокойствия, но хмыкнул, выбежал в коридор и разорвал письмо к Ольге на клочки.

Потом этот день... Едва зайдя в редакцию, Николай почуял недоброе. Ему казалось, что все отводят от него глаза. Но никто ничего не сказал. Несколько раз мимо прошла Риточка, смотря на него с нескрываемым любопытством. Потом она подошла к Николаю и спросила участливо, протянув газету:

— Это вы?

Малиновый ноготок показывал на объявление о разводе... Рогов... Роговой...

— Я, — небрежно ответил Николай.

— Вот поэтому я и боюсь выходить замуж, — проговорила Риточка, поправляя платье на высокой груди.—Вдруг попадется муж вроде вас.

Она говорила совершенно серьезно, но мужчины всегда понимали ее по-своему. И поэтому, когда Николай однажды спросил ее: «Вы часто бываете в театрах?» — она ответила, сокращая разговор:

— Когда пойдем?

Он удовлетворенно ухмыльнулся, провел взглядом по точеной фигурке, расчетливо обтянутой платьем, и сказал:

— Да хоть завтра, в оперетту. Частица черта в вас!

«Тоже ведь — женщина, — насмешливо подумал Николай, глядя ей вслед, — дура-дурой, а способна... заинтересовать. Надо было иметь дело вот с такими риточками, а не жениться. Весело и никаких судов».

И все-таки в театр он не пошел и стал избегать Риточки. У ней ведь тоже свои расчеты, решил он, так пусть не думает, что пленила меня, пусть побегает.

Так и шли дни...

Предложение Олега встретиться было некстати. Николай, как никогда, остро чувствовал себя беспомощным, готовым в любой момент напиться, наскандалить.

— Я знаю, — сказал Олег, — ты расстроен, но есть великолепная идея. Надо ее реализовать.

— Заходи, — неохотно согласился Николай.

В квартире было холодно. Раньше печь топила Ольга, потом — женщина из соседней квартиры, но она перестала ходить, несколько раз встретившись с пьяным Николаем. Носить дрова было лень, и он, когда бывал трезв,

проводил вечер в накинутом на плечи пальто, сидя у включенной электроплитки.

Было очень неприятно, что Олег, войдя без стука, застал его стоящим на коленях перед печью. Словно оправдываясь, Николай пробормотал:

— Отвык от холостяцкой жизни.

— Привыкнешь. А порядок у тебя... относительный.

— Некогда, некогда, — озабоченно отозвался Николай. — Лесной меньше двух строк в день сдает. За двоих спину гну. Домой работу беру.

Олег нетерпеливо крутил в руках шляпу, не решаясь заговорить.

— Неужели шеф усидит? — он бросил шляпу на стол. — Копытов выгнал меня, кто-то выгонит Копытова, так оно и крутится без конца. Размышлял я над сим немало. — Олег присел на корточки, залюбовавшись огнем в печке. — Хочу быть хотя бы как вот этот огонь. Гореть... Надо уезжать отсюда. Слышишь?

— Зачем? — Николай испуганно отодвинулся от него. — Я никуда не поеду. Я нигде никого не знаю.

— Зато тебя здесь все знают. А если на место Копытова сядет Полуяров? Он выставит тебя из редакции в два счета.

— Он уже предлагал мне уйти.

— Вот видишь. Снова пойдешь в многотиражку? Мы должны доказать, что мы журналисты.

— Докажем здесь.

— Ха! Ты был здравомыслящим человеком. Ты должен знать, что не всегда умный человек имеет возможность поступать по-своему. Дураков развелось больше, чем надо. Едем отсюда! Новая газета, новый город, новые люди — легко забудешь все неприятное, здешнее. Едем!

— Мне надо подумать....

— Ничего ты не придумаешь. Нет у нас иного выхода. Сознайся, что оба мы основательно набезобразничали и скомпрометировали себя. Только на новом месте, с новыми биографиями мы сможем пробить себе дорогу.

— Поезжай один.

— Конечно, поеду. Я пришел помочь тебе. Тебя же так зажали, что ты пикнуть не смеешь! Почему ты мямля? Действовать надо!.. Я, например, хочу пожить один. Ни от кого не зависеть. Хочется поработать, засучив рукава...

Не могу забыть о газете, даже во сне... Как закрою глаза, так снова в редакции.

— Да, — неопределенно протянул Николай, — трудно без газеты.

— Трудно! — презрительно воскликнул Олег. — Невозможно! Едешь или нет? Пойми, я многое оставляю здесь. В местном издательстве согласились печатать мой сборник очерков «Открытый взгляд». Я бросаю эту заманчивую работу на половине... Я рискую, в конце концов. А ты?

— Подожди...

— В тебе удивительно сочетается болезненное самолюбие с полнейшим отсутствием оною. Ты всегда был расчетлив.

— Ты начинаешь говорить обо мне в прошедшем времени?

— Если не поедешь, скоро все будут говорить: «Помните, здесь работал Рогов? Ну, тот, которого уволили». Ведь ты находишься в глупейшем положении...

— Подожди, не завтра же ты едешь.

— Даже не послезавтра. Но мне такого попутчика не надо. Мне нужен настойчивый, злой...

Олег взял шляпу, но не уходил.

— Как Лариса? — мельком спросил он.

— Не знаю. Работает.

— Жаль... — еле слышно сказал Олег.

— Кого? — сразу оживился Николай.

— Ее.

— Ну?

— Жаль... Все-таки она... Представь себе, я до сих пор один. Смешно... А ты, вольный молодец?

— Я не скучаю.

Олег снова снял шляпу, подсел к огню и закурил. «Нет, я не поеду с ним, — думал Николай, — кто знает, чем кончится поездка. И здесь все потеряешь, и там ничего не найдешь. Олегу что! Там провалится, сюда вернется, тут у него свой кабинет есть. А кто мою квартиру караулить станет?.. Он уверен в себе, легко устроится и застрочит... Он умеет писать без усилий, беззаботно. Ни на одном слове не споткнется... Держится молодцом, никого не боится».

— Ну? — вызывающе спросил Олег. — Едешь?

Николай пожал плечами.

— Была бы честь предложена, — Олег поправил перед зеркалом кашне и, уходя, бросил: — Не забудь во-время закрыть печь.

Николай машинально открыл дверцу. Дрова давно сгорели. Только большая головешка дымила в темноте.

Глава одиннадцатая

Из командировки Лариса вернулась раньше срока. В маленьком городке, где она предполагала прожить не меньше недели, гостиницы не было, и ночевать приходилось в комнате для приезжих. В ней было неуютно и очень холодно. Лариса простудилась в первую же ночь, появился насморк, кашель, головная боль. Она с трудом продиктовала стенографистке небольшую информацию. Потом трубку взял Полуяров, расспросил о здоровье и приказал немедленно выезжать домой.

— Надо соображать, — с несвойственной ему грубостью сказал он. — Беречься надо.

В поезде Лариса почувствовала себя еще хуже. Проводница, разговорчивая, сердобольная женщина, дважды приносила таблетки, уверяя, что они «ото всего помогают», советовала встать: «хворь, она лежащих легче берет».

Но Лариса не могла пошевелиться. Хотелось на ходу выпрыгнуть из вагона, чтобы избавиться от назойливого оглушающего стука колес, равномерного покачивания, вызывающего тошноту. Вконец измученная, она догадалась о настоящей причине недомогания: крошка дает о себе знать, боится, чтобы о ней не забыли. Милое дитя мое, скорее бы уж ты появилось на свет. Мама у тебя хорошая, добрая, будет тебя любить. И папа у тебя будет, как у всех мальчиков и девочек. Хороший папа. Он будет тебя любить и маму тоже...

Дрогнуло сердце.

А вдруг не будет больше любви? Вот так навсегда и останешься с тоской и болью...

Она старалась думать о другом, но не смогла. И расплакалась. Резкая боль под сердцем затмила свет. Проваливаясь куда-то в пропасть, она хотела крикнуть, позвать на помощь...

Когда Лариса очнулась, колеса как будто стучали тише, покачивание вагона приятно убаюкивало. «Только

не надо никогда хныкать, — облегченно подумала Лариса. — Если я не захочу, никто не испортит мне жизнь». В голове прояснилось. Лариса передохнула, откинула одеяло, посидела и вышла из купе. У окна стояла проводница — грузная, с обрюзгшим лицом, на котором тихо и ласково светились черные молодые глаза. Она приветливо закивала Ларисе, спросила:

— Полегче тебе, поди? Ну и спала бы.

— Лежать не хочется что-то да и не спится.

— Первого носишь? Муж-от есть?

— Муж-то есть, — ответила Лариса, посмотрев в добрые глаза женщины, — есть...

— Вроде эпидемии это нынче, — шепотом отозвалась женщина. — От войны осталось, видать. Мужики народ, известное дело, бессознательный. Им нашего брата приголубить — все одно, что бражки выпить. Пройдет похмелье, и опять мужик — вольный человек. А мы любовь-то в себе носим, мыкаемся... Да ты плюнь на своего, не томись. Ты баская, захочешь, пятерых найдешь. Носить тяжело или как?

— Пока не особенно, — Лариса с удовольствием слушала негромкий окающий голос.

— Работаешь? — продолжала женщина. — Ну, тебе жизнь — не горе. Забудь дурака, я тебе говорю. Позабывай скорее. Которые ребят бросают, про тех разговор короткий. Не люди они. Одну бросит, другую бросит, а умрет, и не поплачет никто. Только по могиле кто-ино догадается, что человека зарыли... И девки, само собой, виноваты. Курсы бы для вас, молодых, женские открыть, научить бы вас уму-разуму. А что? В жизни всему учить надо. И арифметике, и как жить... Ну, иди спать, милая. Меня слушать, не дослушать. Остановка.

«Она права, — думала Лариса, — и мама права, и Валентин прав, и Павел Павлович прав, все правы. А больше всех права я...»

Это уже стало привычкой — в отъезде тосковать по редакции, мечтать о том, как пройдешь по комнатам, сядешь за свой стол и скажешь: «Вот я и дома!» Темным зимним вечером, сидя в тепле, при уютном свете настольной лампы, невольно вспомнишь о друзьях — журналах, о том, как сейчас тысячи корреспондентов больших и маленьких газет мерзнут в кузовах машин, чтобы

согреться, бегут за санями, идут на лыжах, пешком, едут в поездах, летят на самолетах — спешат. Редкий человек знает, скольких трудов подчас стоит коротенькая информация. За словами «наш корр.» скрывается человек, чертовски уставший в долгой дороге...

Приятно вот так, в мечтах, раздумьях, в деле почувствовать себя солдатом большой армии тружеников, идущих в бой за новую жизнь. Часто под словом журналист разумеют более или менее известную личность, автора более или менее смешных фельетонов, более или менее интересных очерков. А Лариса, думая о журналистах, думала о тех, на долю которых приходится много черной работы, о тех, которые обрабатывают письма, помогают авторам писать статьи, те, которые трудятся не ради славы. Много их, скромных трудолюбивых работников — советских журналистов.

Поезд запоздал. Лариса пришла в редакцию, когда все уже были на местах. Она вошла в кабинет Полуярова и едва успела поздороваться, как у стола появился Николай, со злым лицом, ошетилившийся.

— Вызывали меня? — спросил он и дернул плечом.

— Да. Придется выезжать, — нахмурившись, ответил Полуяров.

— Я не поеду.

— Тогда поедет Лесной.

— Значит, вы попрежнему обвиняете меня в искажении фактов?

— Я сомневаюсь в правильности выводов. Проверьте еще раз.

— Это просто издевательство!

— Рогов, вам мерещится, — рассмеялся Полуяров. — Проще съездить, чем скандалить.

— Я категорически отказываюсь.

— Тем хуже для вас, — Полуяров подождал, пока Николай вышел, и вздохнул: — Устал я малость... Сын у меня разболелся... Вы что же, дорогая, героиню из себя разыгрываете? Беречься надо, особенно в вашем положении. Что привезли?

— Стыдно сказать — одни информации. Ничего не успела сделать. Если не секрет, что случилось с Роговым? Зачем его с Лесным сталкивать?

— Рогов с ума сходит. Чем к нему лучше относиться, тем он злее, подозрительнее. Съездил он к шахтерам рас-

следовать одно письмо. Работник горкома комсомола сообщил, что молодой навалотбойщик Василий Кошелев, о котором Рогов в свое время писал очерк, стал пьяницей, а раньше был передовиком. Очень интересная тема. Рогов написал об этом плохо. Причину пьянства среди молодых шахтеров он объясняет тем, что в общежитиях не хватает шашек и домино. Бывает, печатаем мы такие глупости. Но оказалось, что Кошелев живет не в общежитии, денег зарабатывает много, сам может шашки и домино купить. Я предложил Рогову еще раз съездить, поглубже разобраться, а он... сами видели, что наговорил. Поедет Лесной... А вам я сейчас вызову машину — и марш отдыхать и лечиться.

Дома, не сняв пальто, Лариса легла на диван и сразу заснула. Ей снилось, что она идет ночью по полю, замерзшая, усталая, еле передвигая ноги. Воеет ветер. Вдруг нога ступила мимо дороги, и Лариса глубоко провалилась в снег. Она закричала, но из-за ветра не расслышала собственного голоса. Чем глубже она погружалась в снег, тем невесомее становилось тело. Она устроилась поудобнее, решила заснуть и проснулась.

Она встала и сразу вспомнила, что ведь Олег должен уехать. Значит, ей необходимо повидаться с ним. Сам он вряд ли зайдет. О, как давно они не виделись! Может быть, и ему хочется с ней поговорить? А вдруг она разревется при нем, с губ сорвутся обидные упреки, злые слова? Нет... Она тряхнула головой и против воли, словно бессознательно, сняла телефонную трубку. Пальцы крепко сжались, когда Лариса почувствовала, что сейчас услышит голос Олега.

— Я слушаю,— сказал он.

Лариса вся напряглась, будто готовясь поднять большую тяжесть, и ответила:

— Здравствуй, Олик. Это я.

— Лариса?!

— Да, — шепотом проговорила она. — Ты что сейчас делаешь? — Она подумала, как держать себя с ним и решила говорить так, будто ничего не случилось, просто они давно не виделись. — Олик, ты совсем забыл меня, — горячо прошептала Лариса. — А мне без тебя очень трудно. Я не могу тебя забыть. Я все вспоминаю и не верю... Ты когда едешь?

— Сегодня ночью.

— Сегодня? — огорченно переспросила она. — Так быстро... Тогда сейчас же иди ко мне, я больна, сижу дома. Приедешь? Да? Буду ждать. Приходи, милый. Быстрее.

Она бросилась на кухню, включила плитку. Надо угостить его кофе, черным-черным, какой он любит. Ей захотелось принарядиться. Она пересмотрела все свои платья с тоненькими талиями и надела синий халатик.

Кофе получился крепким, ароматным. Лариса накрыла на маленький стол, перенесла его к дивану. Когда послышался стук в дверь, она тихо засмеялась, хлопнула в ладоши и побежала открывать. Увидев ее, Олег немного смутился и отступил назад.

— Входи, входи! — закричала она, сняла с него шляпу, нахлобучила себе на голову, звонко поцеловала Олега в щеку, прижалась и прошептала. — Не удивляйся, Олик... Я немного сумасшедшая. Мне так хорошо, так хорошо...

Олег покраснел. Забывшись, он по старой привычке, без разрешения, снял пиджак и пошел повесить его в шкаф. Открыл дверцу. Все вешалки, на которых раньше висели его костюмы, были свободны. Олег повернулся и, не глядя на Ларису, глухо сказал:

— Прости меня...

— Давным-давно. Дать тебе твои туфли? Старые?

— Не надо, — сдавленным голосом отозвался он, — ничего не надо.

Он не подымал головы. Лариса села рядом, смотрела на него, не отрываясь. Он взял ее руку, поцеловал, с трудом выговорил:

— Как живешь?

— Плохо, — весело ответила Лариса. — Ведь на каждом шагу вспоминаю тебя. Пей кофе. Обо всем пиши, чаще пиши.

— Буду писать... И вообще... — он взглянул на Ларису, помолчал и вдруг быстро спросил: — Ты приедешь ко мне?

Дышать стало трудно. Лариса тряхнула головой, ответила:

— Нет... я буду ждать тебя... Все равно ты вернешься ко мне. Честное слово. Иначе быть не может. Иначе мне и жить незачем... Понимаешь?.. Ты поезжай, поживи один, подумай и возвращайся. Я тебя встречу. С цветами...

Поезжай. Правда ведь, что больше с тобой ничего не случится?.. Пей кофе. Специально для тебя сварила. Крепкий — скулы сводит.

— Да...

— Как приедешь, дай телеграмму, а то я переволнуюсь. Я ведь ненормальная. Если бы ты не пришел, я бы сама пришла.

— Ну что ты...

— Я буду ждать тебя, — радостно повторила Лариса. — ~~жалить~~ еще? Не торопись, посиди.

— Я не тороплюсь, то есть я, конечно, очень спешу, но... я не понимаю... я не знаю, как мне держаться... даже каяться и то стыдно...

— А я тебя не каяться позвала, — чуть обиделась Лариса. — Мне надо было тебя увидеть. А я знала, что ты приедешь. — Лариса обняла его за плечи одной рукой. — Ну куда ты от меня денешься? Ты потому и бежишь от меня, что я люблю тебя по-настоящему, — голос ее стал мягким, ласкающим. — Я знаю, что никто тебя так не любил. А ты пока боишься большой любви. Зря. По-моему, кто больших чувств не знает, тот и пишет плохо... Когда я была рядом, ты не ценил меня, ты был слишком уверен и ничего не понимал. Тебе казалось, да и сейчас кажется, что ты без меня можешь... Так вот... Затоскуешь по моей любви, по моей... Ведь грустно жить, если тебя не любят по-настоящему. А такую не встретишь на вечеринке или в ресторане...

— Я не от тебя бегу...

— Не будем спорить. Тебе все равно надо уехать, встряхнуться, пожить без советчиков и подсказчиков.

— Правильно, — Олег сразу оживился, — попробую жить по-новому.

— Попробуй, — грустно усмехнулась Лариса, — только будь умницей.

— Попытаюсь, — он помолчал и проговорил: — Одно меня мучает.

— Вот уж зря, — тяжело произнесла она, произвольно потрогав пояс. — Тут все в порядке. Не беспокойся, — она быстро встала, отошла к окну и, не оборачиваясь, попросила: — Ты уходи, Олик, я сейчас плакать буду... а тебе незачем это видеть... Уходи... До встречи, милый.

Она не слышала, как подошел Олег, и, почувствовав прикосновение его губ на шее, сказала счастливым голосом:

— Приезжай... Не забудь, что я тебе говорила. Я люблю тебя. Я отдам тебе все. Пойми это... Буду ждать, что ты вернешься чистым. Другого не приму.

Из окна было видно, как Олег быстро дошел до угла, остановился, закурил и, черпательно потоптавшись на месте, скрылся за поворотом. Лариса прижалась лбом к стеклу и все смотрела и смотрела на тот клочок асфальта, где недавно стоял Олег. Потом провела рукой по щеке и удивилась: щека была сухой.

«Все выплакала,— без грусти подумала Лариса.— Очень хорошо». От напряжения, испытанного во время разговора с Олегом, от усталости после бессонной ночи и жара во всем теле Лариса обессилела и легла.

На душе было удивительно светло. Лариса попыталась определить свое состояние, и в голову пришло одно: блаженство. Она с необычайной силой уверилась теперь в том, что Олег, конечно, вернется к ней. А это самое важное, самое радостное. Дышалось легко и свободно. Она заснула.

Разбудил ее голос матери:

— Посплетничаем, Валя. Как, по-вашему, скоро она... поправится?

— По-моему, не скоро.

«Интересно»,— обиженно подумала Лариса.

— Я расстроена: зачем он приходил?— говорила Александра Яковлевна.— Что у них за разговор был? Как бы ей худо не стало.

— Она фанатичка,— ответил Валентин.— Вбила себе в голову...

— Много ты понимаешь, психолог!— перебила Лариса, приподнимаясь на локте.— Молчал бы.

— Врача вызвать?— спросила Александра Яковлевна.

— Не надо. Я сейчас злая, меня никакая хворь не возьмет. А с тобой, Валька, мы еще поговорим... Я бы чего-нибудь поела.

Мать ушла на кухню. Валентин подсел к Ларисе.

— Здорово разозлилась?

— Еще бы... Нет, не очень. Поздравь меня.

— С чем?

— С одной радостью. Только не расспрашивай.

— Поздравляю.

Лариса кивнула, встала, долго смотрела на Валентина и спросила:

— Валька, ты ведь мне настоящий друг?

— Да.

— Так слушай. Я не хочу ничего от тебя скрывать, — она наклонилась и зашептала: — Я разговаривала с Оликом. Он сегодня уезжает. Ты проводи меня на вокзал. Придумай что-нибудь, чтобы маму не расстраивать.

Валентин хотел возмущенно возразить, но Лариса крепко, до боли, сжала ему руку и властно сказала:

— Поедем на вокзал. Поезд отходит без четверти одиннадцать. Я издали посмотрю.

— Хорошо, — недовольно буркнул Валентин. — Поедем, но я Александре Яковлевне врать не буду и тебе не советую. Если тебе провожать надо, тогда и скрывать нечего.

— Пожалуй, верно, — согласилась Лариса. — Прошу прощенья.

К ее неожиданности, Александра Яковлевна не стала возражать, только предупредила:

— Держи себя в руках, не рыдай и прочее.

— Есть! Железобетонные нервы, закаленные в самых неблагоприятных условиях.

— Ты подозрительно много шутишь.

— Действую по принципу Сирано де Бержерака: чтоб острое входило в сердце, и острое сходило с языка. Вы знаете, когда я в школе прочитала Ростана, мне страшно захотелось стать мужчиной. Таким же некрасивым и прекрасным, как Сирано! — возбужденно говорила Лариса. — Ну, почему вы такие равнодушные? Ну, что вы на меня смотрите? Вы абсолютно ничего не понимаете в жизни! Вы противные скептики! Но я вас очень люблю.

— Лариса, — с ласковым упреком сказала Александра Яковлевна, — не надо так волновать себя.

— Если бы у меня была машина и я умела править, я бы выехала на шоссе и помчалась вперед. Вы понимаете, как это здорово — быстро мчаться вперед! Не каждый может. В школе я мечтала стать летчицей. Но я ужасно боялась высоты. Я лазила на крышу и сидела там, закрыв глаза. Потом я мечтала стать водолазом. Помнишь, мама, я плавать училась? Я всю жизнь мечтала.

Потому что... — Она загадочно замолчала и, убедившись, что ее слушают, неожиданно закончила: — Но вы все равно не поймете. Давайте есть.

На вокзал шли пешком. Лариса рассказывала:

— Летом буду жить за городом. Возьму с собой Маро. Детеныш мой будет по траве ползать. Я буду цветы рвать. Валька, я очень люблю цветы, особенно подснежники. Однажды я сорвала подснежник под куском льда, на склоне оврага. Я жалела, что не умею писать стихи. Но первую строчку я сочинила: «Под льдиною холодною подснежник нежный вырос...» Ты думаешь, почему я сегодня такая? Потому, что я счастливая. Не веришь? А я верю. Я всегда верила, что каждый может быть счастливым, если по-настоящему захочет настоящего счастья.

Валентин шагал осторожно, чтобы не мешать Ларисе думать. Слушая ее, он соглашался: такая вера была в ее словах.

Они остановились у входа на перрон. Лариса смотрела на освещенные окна вагонов.

— Идет, — шепнул Валентин, увидев Олега, поднимающегося по лестнице.

Он прошел, не заметив их.

— Один, — радостно проговорила Лариса. — Только я его провожаю.

— Пройдем к вагону, — предложил Валентин.

— Нет. Я знаю, что ему хочется быть одному. Давай лучше поднимемся на мост.

Мост нависал над железнодорожными путями. Поезд, увозивший Олега, прошел внизу, обдав Валентина и Ларису густым дымом.

* * *

Нетерпение настолько завладело Валентином, что, спросив прохожих, он сразу направился на шахту искать Василия Кошелева. Дорога оказалась длинной, запутанной, но к шахте Валентин добрался еще до рассвета.

В шахтоуправлении было оживленно — собиралась первая смена. Валентин бродил по коридору, рассматривая стенгазеты, «молнии», «крокодилограммы». Кое-что он записал в блокнот.

У дверей, сгорбившись, сидел дед в голубой телогрейке. Валентин несколько раз прошел мимо, приглядываясь к нему, и спросил:

— Вы Василия Кошелева знаете?

— Кто его не знает? — проворчал дед. — Первый на шахте по этому милому делу, — он щелкнул себя по шее, около воротника. — Свихнулся парень. А вон где был... — Дед показал на Доску почета. — Быстрехонько слетел от тудова. И никакого с ним сладу нету. Каждый день домой волоком приволакивают.

— А что с ним случилось?

— Известно, что. Деньги большие шли, слава, почет, президиумы. А он из президиума-то прямо в чайную.

— Но почему? Ведь он передовым человеком был.

— Во! — дед угрожающе погрозил кому-то пальцем. — В каком он месте передовой, скажи! Дурак он глупый. Его бы уму-разуму учить, а его в президиум. Да вон он идет, милый.

Навстречу по коридору шел невысокий, заметно пригнувшийся парень. Маленькие, глубоко сидящие глаза смотрели не прямо перед собой, а немного вбок, через плечо, будто он ожидал удара сзади. Лицо у него было опухшее, отёчное.

— Извините, — остановил его Валентин, — вы Василий Кошелев?

— Ну? — отозвался парень, попрежнему смотря вбок.

— Я из газеты «Смена». Мне хотелось бы поговорить с вами.

— Ну?

«Его не скоро пробьешь», — подумал Валентин и, достав папиросы, предложил их Василию.

— Не курю, — отвернулся он.

«Это уже интересно», — отметил Валентин и спросил:

— Вы сейчас домой?

— Ну?.. Писать, что ли?

— Ну? — его тоном ответил Валентин. — Может быть, писать. Но пока не собираюсь.

— А пишите, я не боюсь, — Василий явно тяготился разговором. — Вон дед Егор про меня знает. Все, как есть. Был тут один ваш. Записывал ведь что-то.

— Давайте не будем спорить, — дружелюбно предложил Валентин, хотя Василий стал его раздражать, — встретимся и поговорим. Вы где живете?

— В шестом доме. Улица Горняцкая. Квартира один. Часа в три приходите, если уж... Из горкома, что ли, жаловались?

— Никто не жаловался. Мне просто интересно узнать, что с вами происходит, как вы...

— Долго ли умеючи? Сначала противно было, а потом привык.

Василий ушел. Валентин направился в комитет комсомола. Секретарь комитета, веселый, приветливо улыбающийся молодой человек, протянул руку, представился:

— Синегов. Прошу подождать минутку. Я переговорю по телефону. — Он взял трубку и долго, с занятым видом, расспрашивал какую-то Клаву о каких-то плакатах; потом улыбнулся Валентину: — Значит, опять по делу Кошелева? Что нами проделано в этом направлении? Два раза обсуждали на комитете, проводили индивидуальные беседы, бывали на квартире, давали общественные поручения.

— Почему он начал пить?

— Пьют шахтеры.

— Это что, вполне естественно?

— Конечно, нет, но попробуй докажи им. Никакие меры воспитания не помогают. Ведь у нас клуб есть, широкая сеть политечебы. Пытались вовлечь его в кружки художественной самодеятельности, в кружок по изучению биографии товарища Сталина. Ну и что? Верьте, не верьте, а есть предложение отобрать у Кошелева комсомольский билет. Очень просим вас помочь. Пропишите вы его в форме фельетона, чтоб другим неповадно было.

— Надо разобраться, почему...

— Известно, почему, — убежденно произнес Синегов. — Моральная неустойчивость. Недовоспитан.

— Да, но ведь раньше он не пил! — разгорячился Валентин. — Раньше-то он был морально устойчив. Воспитан. Передовым человеком был. И вдруг стал пьяницей.

— Я ведь не доктор, товарищ корреспондент, — недовольно ответил Синегов, озабоченно просматривая бумаги. — Некогда мне, понимаете, с пьяницами возиться. Поважнее дела есть. Не верите мне, проверьте.

— У меня нет оснований не верить вам, но ответа на вопрос тоже нет.

— Ну что с ним нянчиться? У нас же хороших людей полно. О них и пишите.

— Но ведь и Кошелев был хорошим человеком. Что с ним случилось?

— Неужели не знаете? — Синегов посмотрел на Валентина с явной неприязнью. — Вот был ваш товарищ. Раз-два, пошел, спросил всех и уехал. А вы...

— Мне нужно разобраться: почему молодой парень, передовой человек стал пьяницей.

Синегов улыбнулся не то виновато, не то насмешливо и развел руками.

Не привыкший доверять первым впечатлениям Валентин и не спешил делать выводы. Одно было очевидно: задачу себе он поставил правильно, хотя она очень трудна. Рогов пошел по легкому пути — ему нужно было написать корреспонденцию, сам Кошелев его интересовал мало. Рогов собрал факты, мнения, подкрепил их известными истинами и подписался.

Понять Синегова было нетрудно. Судя по всему, работник он неважный, но с комсомольских вожakov спрашивают так много, особенно бумаг, что не мудрено — они черствеют.

Валентин обошел почти все отделы шахтоуправления. Начальник шахты возмущенно сказал: «Выгнать придется». Главный инженер — настоятельно: «Пишите, пишите». Председатель шахткома поморщился: «Пьяница и дебошир».

И однако все эти люди по-своему были правы, хотя никто из них не интересовался, почему один из лучших бригадиров навалотбойщиков Василий Кошелев стал пьяницей. Дед в голубой телогрейке сказал, что Кошелев никогда передовым человеком и не был...

Жил Василий в двухэтажном восьмиквартирном доме. В большой комнате стояла кровать, стол, два стула, радиоприемник, в углу лежал большой сверток ковровой дорожки.

— А это зачем? — невольно удивился Валентин.

— Да так, под пьяную руку купил, — ответил Василий, сидевший на смятой кровати. Видно было, что он не ложился спать.

Валентин снял пальто, положил на стул, так как вешалки в комнате не оказалось. Ему пришла в голову остроумная мысль. Он выкатил сверток на середину комнаты, смерил глазами площадь пола и предложил:

— Давай сделаем тебе ковер. Ножницы есть?

Василий долго отказывался, но в конце концов согласился, пробормотав:

— Прилипчивый же ты.

Они разрезали дорожку на три части; она закрыла весь пол. Результат удивил даже Валентина: комната стала уютной, красивой. Василий недоуменно огляделся, прошелся по ковру и, довольный, сел.

И тут Валентин совершил ошибку, исправить которую удалось не сразу. Решив, что ему удалось расшевелить Василия, избавиться от официальности, он спросил:

— Расскажи-ка, Вася, мне о себе. С самого начала.

Будто кто-то ударил Василия по голове. Он пригнулся, и снова глаза его стали смотреть не на собеседника, а вбок, через плечо. Он огрызнулся:

— Чего рассказывать? Дело ясное. Пью, и вся недолга. Не я один. Чего привязались? Затаскали по собраниям. Чего еще надо?

— Злиться не надо.

— Да я не злюсь. Надоело все.

— Что надоело?

— Вся эта петрушка. Один я, что ли, пью? Насели на одного Кошелева. Хватит! — Василий ударил кулаком по колену. — Мотай отсюда!

— Ого! Ты, оказывается, слабонервный. Я, пожалуй, уйду. А то ты еще кулаками махать начнешь... Но я от тебя не отстану, пока не узнаю, что с тобой стряслось.

Ночь Валентин провел в лаве, из шахты поднялся усталый — ничего нового узнать не удалось. Он раздумывал над фактами, сопоставлял мнения. Ему было жаль Василия, он понимал, как это тяжело — жить одному в пустой комнате. Ни родителей, ни жены...

Было воскресенье. Валентин, так и не поспав, пошел в столовую, решив основательно подкрепиться, так как давно уже ничего не ел, кроме бутербродов. Столовая напоминала ресторанчик дурного пошиба, хотя размещалась в добротном каменном здании, неплохо отделанном. Большой, светлый, со множеством окон зал был наполнен дымом, руганью, хохотом.

Валентин постучал в дверь с табличкой «Директор».

— Не могу запретить, указаний нет, — с широкой улыбкой объяснил директор, толстяк с добродушным мясистым лицом. — За порядком мы следим, дежурный милиционер имеется, можете проверить... Вообще должен вас поставить в известность, что шахтерам нельзя не пить.

Так называемая рудничная пыль оседает на легких, и необходимо выпить.

— А водка что, из горла в легкие идет, смывает рудничную пыль? — спросил Валентин. — А вы хоть раз в шахту спускались?

— Дважды, — с гордостью ответил директор. — Из любопытства. Прикажете накрыть вам стол? У нас есть специальная комната для... — он широко улыбнулся, — есть комната для инженерно-технического состава и... еще одна комната. Отдельный вход. Гости всегда бывают довольны.

— А шахтеры?

— А! — директор махнул рукой. — Среди них нету ни одного культурного. Я вам скажу: у меня есть скатерти, но разве их можно постелить?

— Проведите меня на кухню.

Отсюда Валентин ушел часа через два, исписав пол-блокнота. Обедал он в другой столовой, на краю поселка. На обратной дороге он зашел в молодежное общежитие, записал его номер и одно слово: «скука».

Вечером Валентин пошел в клуб. Самым шумным и оживленным местом здесь был буфет. Из буфета изрядно подвыпившие парни отправлялись в кино или на танцы.

Есть ли связь между «активной» деятельностью директора столовой и воспитательной работой Синегова?

Утром Синегов встретил Валентина недружелюбно.

— Все еще не разобрались? — спросил он. — Недоверчивый вы.

— Доверчивые часто ошибаются.

— А что тут ошибаться? Дело ясное.

— Вы меня не понимаете, — стал терпеливо объяснять Валентин. — Мне важен не сам факт, мне важно не просто наказать Кошелева. Нашей газете необходимо знать, почему передовой шахтер превратился в пьяницу.

— Не умеет себя держать, вот и потянуло к стоечке. Его все продавцы знают, можете проверить. Его даже девушка бросила. Стыдно стало за такого кавалера. И чего вы копаетесь?

Надо было разыскать эту самую девушку — Марусю Егорову, которая считалась невестой Василия и уехала от него на другую шахту. Валентин сел на попутную машину. Шофер оказался разговорчивым и всю дорогу рассказывал о Кошелеве, которого хорошо знал. Он уверял,

что Вася — парень ничего, только зря его передовиком сделали.

— Как это, сделали?

— Ну, хвалили на каждом шагу, а чего в нем передового? А сорвался парень — заели. У нашего Синегова две заботы: взносы собирать да накачки давать. Чуть оплошаешь, до того навоспитывает, что волком завоешь.

Марусю Егорову Валентин разыскал лишь к вечеру в общежитии. В коридор вышла высокая, статная девушка, розовощекая, с черными косами до пояса. Про таких говорят: кровь с молоком, красоты нет, а залюбуешься.

— Сплетни, — равнодушно ответила она, играя ко-
сой, — не из-за него я уехала. Была нужда. Он за мной и не ухаживал. Мало ли, что говорят. Языки-то ведь не при-
вяжешь.

Ее равнодушие показалось Валентину нарочитым.

— А почему он пить стал? — спросил Валентин строго.

— У него спросите, — Маруся перекинула косу через плечо, взяла другую. — Я тут ни при чем.

— А я не верю, — сказал Валентин, догадавшись, что Маруся просто боится его. — Вы знаете, зачем я с вами разговариваю?

— Чтоб описать потом все, — дрожащим голосом проговорила Маруся. — А что про меня писать, я не причастная.

— Вот что, Маруся, — остановил ее Валентин, — даю вам честное слово, что о вас я писать не буду.

— А об нем?

— А что?

— Не надо, — умоляюще протянула Маруся. — Он напуганный. Синегов ему говорил, что газета статью большую напечатает. Вася снова и начал.

— Значит, он бросал пить?

— Сколь раз!

— И каждый раз снова начинал?

— А то как же? Жизнь у него неудачная. То его в отпуск не пускали, то на собрании зря ругали.

— А вы с ним почему поссорились?

— Ой, что вы! — умоляюще воскликнула Маруся. — Тут я и не знаю, как говорить. Тут, значит, так... Неловко, конечно, говорить, но полюбил он меня. А я к нему равнодушная. Ну, не виноватая я, если не пойду за него... А здесь я нормировщицей устроилась. А дураки сплетню

пустили, будто я из-за Васи переехала, сбежала от него будто.

— Нравится вам Вася?

— Ну... — Маруся смущенно отвернулась. — Что ж вы так расспрашиваете? Людям-то неудобно рассказывать... Нравится, только...

Факты накапливались, а ответа попрежнему не было.

У Валентина была надежда, что в воскресный вечер он застанет Василия трезвым. Но надежда эта была робкой. Он постучал в дверь тихо.

Василий сидел без огня и как будто даже обрадовался приходу Валентина. Он зажег свет, включил плитку.

— Привет тебе от Маруси, — словно между прочим проговорил Валентин.

— Чего? — оторопело спросил Василий. — От Маруси? — Лицо его стало ласковым. — Да ну?

— Ставь чайник. Хорошая девушка, умная, сразу все поняла. Не то, что ты.

— Ну так сравнили! Маруся... она, конечно, не я... Ругала меня?

— Хвалила, — громко сказал Валентин. — Вот если бы не пил ты...

— Не буду.

— Да ну?

— Не буду, — повторил Василий. — Уеду отсюда.

Закипел чайник. Валентин наблюдал, как Василий накрывает на стол, и не выдержал:

— Разве так чай заваривают? А хлеб надо тоньше резать. Сыру много не режь — не съедим, засохнет. Надо тебе шкафчик какой-нибудь завести для продуктов.

Хозяин беспрекословно подчинился гостю. Валентин был доволен. Он снял пиджак и пил чай стакан за стаканом.

Василий заговорил сам:

— Я вот все сидел и ждал, когда ты спросишь: а что ж ты, Вася, в воскресенье и трезвый?.. А я ведь не пьяница. Я пью почему? Да делать мне нечего, все мои дружки пьют... Передовиком я одно время был. Ничего такого я не сделал, просто хорошо работать стал. На совесть. В газете меня описали, с портретом. Грамоты дали. На собрания приглашали и везде говорили, что я, мол, передовик. А какой я передовик? И никто не посмотрел, что у меня внутри, на что я годен. А у меня и грамоты

маловато, и вообще... Ну, и не так я это дело понял. Ну, что передовику делать? Сначала я угощал, потом сам стал прикладываться... Очень хочется человеком стать, а не получается... Уму-разуму никто не учит. А все эти выговоры, есть они, нет их... ерунда. И не во мне дело. Не я один пью.

— Непонятно мне, Вася, — осторожно сказал Валентин. — Рассуждаешь ты правильно, вроде все понимаешь... А что ж сам себя не слушаешь?

— А я вроде молодого инженера. Теоретически все разумею, а на практике — нет. Беда-то в том, что такие, как я, ни в какую графу для отчета не подходят. Вы судите так: прикажи сейчас нашему Синегову представить отчет, скольких комсомольцев комитет отучил от пьянки, Синегов лоб разобьет, а отчеты сделает. Но уж если с него сводку в горком не просят, не пошевелится, хоть умри... А я злой стал. Я и выговора получал, и приказы про себя читал, а все думал: ну хоть единая душа обо мне, человеке, подумает? Не дождался... Я виноват, я знаю. Но ведь таких дураков, как я, много...

Ночевать Валентин остался у Василия, потому что разговор затянулся. Когда хозяин заснул, гость сел к столу и начал писать. Василий рассказал много интересного, а память может потом подвести. Валентин не сделал еще основного вывода, но было ясно, что история Кошелева будет лишь эпизодом в большой статье о воспитательной работе среди молодых шахтеров. Всю тяжесть критики надо направить на работу горкома комсомола. Хорошо бы, если в статье удалось от судьбы одного человека перейти к общим вопросам, чтобы задеть судьбы многих молодых шахтеров.

Свои выводы Валентин изложил на другой день Синегову. Тот слушал внимательно, не перебивая, потом сказал:

— Я и сам над этим думал. Мне самому бумажки жизнь портят. Сижу я над ними, как писарь или счетовод. Вот, думаю, эти данные в горком передам и за настоящее дело примусь. А завтра другие сведения требуют. А я с первичных секретарей опять цифры трясу. Где уж тут людьми заниматься?

В горкоме комсомола Валентин провел два дня. Его предположения подтвердились полностью. Можно было выезжать в редакцию.

Риточка быстро вскочила со стула, увидев в дверях генерала в серой папахе и с пушистыми седыми усами.

— Разрешите? — спросил генерал густым басом.

— О, пожалуйста!

— Мне нужно увидеть Валентина Лесного.

— Сегодня ему разрешили работать дома.

— Ничего не понимаю, — генерал пошевелил широкими бровями. — Во-первых, дома его нет, а во-вторых, он уволен.

— Не беспокойтесь, товарищ генерал, — с обворожительной улыбкой произнесла Риточка, — он уже восстановлен.

— Вот сорванец! — генерал помял ус.

Риточка не сводила с него восторженных глаз. Генерал даже смутился и пробасил:

— К редактору можно?

Копытов быстро встал, удивленно глядя на необычного посетителя.

— Лесной, — представился генерал. — Сына ищу.

— Он... — Копытов был в замешательстве. — Он дома работает... Срочный материал.

— Разрешите на правах отца полюбопытствовать, за что его увольняли?

— Понимаете ли, обстоятельства...

— Нет! Нет! — энергичным жестом остановил его генерал. — Я пришел не просить за него. Больше всего не переносу подобных папаш. Мне важно узнать причину, в целях воспитания, так сказать.

— К чему о причинах говорить? — сразу успокоился Копытов. — Ошибка произошла. Теперь он снова в штате. Работает удовлетворительно.

— Какой, извините за выражение, мерзавец! — генерал хлопнул папашой по колену. — Я из-за нег шесть суток в счет отпуска взял, а он... и ведь ни строчки!

— Строчки они туго сдают, — рассмеялся Копытов. — Профессиональная болезнь.

— Выпороть его еще не поздно. А ведет себя как?

— Невнимателен некоторым образом. Халатен. Дисциплины не хватает.

— Удивительно! — генерал поднялся. — Будьте уверены, я ему хвост накручу. Виданное ли дело, чтобы

у сына старого служаки дисциплины не доставало? С кем он тут дружит?

— Со многими. Вы пройдите в соседнюю комнату, к товарищу Полуярову, он в курсе дела.

Через полчаса редакционный «Москвич» привез генерала Лесного к дому Ларисы. Дверь открыл Валентин и отшатнулся назад.

— Папа! — крикнул он и бросился к отцу.

— Валька... — отец трижды поцеловал его и решительно приказал: — А ну, показывай свою Ларису!

Они прошли в комнату.

— Здравия желаю, — сказал отец, остановившись у дивана, на котором лежала Лариса.

— Вот она, — сказал Валентин. — А это мой папа, Алексей Алексеевич.

— Здравствуйте, — Лариса смутилась.

— Да как ты сюда попал? — возбужденно спросил Валентин. — Я глазам не верю.

— О том, как я сюда попал, мы поговорим особо. Дуй в магазин. Где у вас чайник?.. Это что такое? — заговорил Алексей Алексеевич, взглянув на пальто сына. — Не стыдно? Ты же его в университете носил! Сегодня же изволь купить новое. Франтов не терплю, а приbedняться зачем? Это все твоя теория! Вы знаете, Лариса, эту теорию?

— Папа, я иду в магазин.

— Иди. Так вот, он хочет быть абсолютно самостоятельным. Жить в отрыве от родного отца. Иметь свой бюджет.

Валентин вышел.

— Я и не знала, что вы генерал, — сказала Лариса. — Валентин всегда неопределенно говорил, что у него отец военный.

— Это ведь тоже своего рода хвастовство... А впрочем, он правильно поступает. Очень прошу, расскажите мне, как он тут. Люблю я его и не то, что боюсь, а... один он у меня, и больше никого.

Выслушав Ларису, Алексей Алексеевич удовлетворенно заключил:

— Хорошо живете. Только анархии в вас много. Выдержки у вас не хватает. Излишняя горячность вредна чуть поменьше, чем равнодушие.

— Но если бы вам пришлось выбирать — излишнюю горячность или равнодушие?

— А почему вы все время спорите?

— Но если я не согласна?

— Представляю, как трудно с вами начальству, — шутливо сердился Алексей Алексеевич и, помолчав, продолжал серьезно: — Я отдал армии жизнь. И я бы очень хотел передать Валентину ту естественную потребность быть дисциплинированным, которую воспитывает армия... Вот... Ваш муж скоро подойдет?

— Нет, — ответила Лариса, — он в командировке.

Вернулся Валентин с покупками.

— В театрах часто бываете? Вечеринки часто устраиваете? — расспрашивал Алексей Алексеевич. — Ты все еще балерин из журналов вырезаешь?

Только к вечеру отец с сыном оставили Ларису. Алексей Алексеевич поцеловал ей руку и сказал:

— Вы меня успокоили. Я уверен, что с вами мой потомок не свихнется. Вы присматривайте за ним. Кланяйтесь вашему мужу.

— Спасибо. Вы больше не зайдете?

— К сожалению, нет. Еду. Желаю вам успешно... сына или дочь...

Когда вышли на улицу, Алексей Алексеевич проговорил:

— Вот... в каких надо влюбляться. Вы давно дружны?

— Как приехал. А в кого влюбляться, папа, я примерно знаю.

— Ну так что? Женись?

— Обязательно.

— Обязательно, — обиженно повторил отец. — Меня черная зависть гложет. Полковники, майоры, капитаны дедами становятся, а я... поздравляю!

— Меня не надо агитировать, папа. Осенью твое желание исполнится.

— Не врешь? — обрадованно прошептал Алексей Алексеевич.

— Не вру.

— Пошли за вином!

В свою комнату Валентин ввел отца с гордостью — тот любил порядок.

— Хорошо устроился, — похвалил он. — Для штатского холостяка неплохо.

Разливая коньяк, отец спросил:

— Ты к этому не пристрастен?

— Нет.

— А то смотри. Терпеть не могу молодых пьяниц.

— А пожилых?

— Я старик, я о молодежи беспокоюсь. Молодые от безделья, от сытой жизни, от пустой башки, от бескультуры пьют. Нечем жизнь заполнить, вот и делают вид, что и у них занятие есть, что и они могут жизнью наслаждаться. А в сущности, просто деться некуда: работать не умеют или не хотят, вот и тянутся к рюмке. Силы воли нет.

— Мне приходилось думать об этом. Согласен с тобой. Если у человека есть настоящее занятие, пьянствовать не потянет. Некогда.

Валентин положил голову на колени отца. Было и радостно, и немного грустно.

— Да, — протянул Алексей Алексеевич. — Жаль, мамки твоей нет. Хорошая женщина была. В отпуск к ней на могилу съездим. Навестим. Поклонимся... Ты, может, мне расскажешь... о своей?

— Расскажу. Я бы давно рассказал, да боюсь: вдруг не сумею рассказать? История наша немного... необычная. Она замужем была.

Алексей Алексеевич пошевелился.

— Она хорошая, папа, — горячо проговорил Валентин. — Очень. Жаль, что нет возможности познакомить тебя с ней.

— Ничего, ничего, — поспешно проговорил отец, — я ведь... дело твое. Ну, была замужем... Смотри, если... В отпуск-то увижу ее?

— Увидишь... Когда-нибудь я тебе расскажу про все. Редко мы с тобой, папа, встречаемся, а я почему-то не чувствую, что не вместе мы живем.

— Молод еще, — недовольно отозвался Алексей Алексеевич. — Я, например, чувствую... Я большую часть жизни без семьи прожил, а без семьи какая жизнь? Мы, русские, по натуре народ основательный, семьянины... Ты мать плохо помнишь?

Мать была веселая — это Валентин хорошо помнил. Пела она и — что его особенно поражало, когда был маленьким — великолепно колола дрова. Алексей Алексеевич пропадал в командировках и приезжал домой ненадолго, дня на три.

Маленький Валентин ждал отца не только потому, что

любил его, но и потому, что радовался за маму. Отец, куда бы он ни ездил, всегда привозил подарки. И какие это были подарки!

— Приехал я из дремучей тайги, — рассказывал бывало отец, посадив на одно колено сына, а на другое — жену, — кругом тайга и ни одного магазина. Но подарки я привез. Вот, Валёк, тебе сосновая шишка — интересная вещь. Шел я по тайге и думал, кем же будет мой сын — летчиком или не летчиком? И в тот самый момент, когда я подумал, что мой сын будет летчиком, эта шишка упала мне прямо на голову... А вот этот уголек, — говорил он матери, — я поймал в котелке с чаем. Я соскучился по тебе и решил с горя выпить целый котелок чаю. А в котелок попал уголек. Его я и прихватил тебе на память.

В дни приезда отца Валентин самоотверженно ложился спать во-время. Он только просил отца с матерью не закрывать дверь в его комнату, чтобы сын видел их, пока не уснет. И до сих пор Валентин помнил, как отец с матерью сидели на диване, что-то рассказывая друг другу, а он засыпал...

Рано утром Валентин проводил отца на вокзал. Расставались они по-мужски, скрывая нежность. Пережитое при расставании было настолько сильным, что от станции до редакции Валентин прошел пешком.

Будничная работа обладает способностью быстро подчинять себе, и Валентин, придя в редакцию, как обычно, сел за свой стол. Надо было заканчивать отчет о совещании молодых новаторов-машиностроителей.

Совещание оказалось заранее подготовленным спектаклем. Доклад Тополькова «Новаторы производства и комсомольские организации» не отвечал теме, начинался характеристикой международного положения, содержал огромное количество примеров производственной деятельности новаторов-машиностроителей и заканчивался соответствующими призывами.

Выступления участников заранее готовились в горкомах комсомола, состояли из цифр, фамилий, процентов и лозунгов. В итоге получился парадный производственный отчет. В зале царил вежливая скука. Только однажды совещание оживилось. Токарь одного завода Гурьев, оторвавшись от бумаги с текстом выступления, заговорил звонким голосом:

— Неплохо наша молодежь работает. Но областная комсомольская организация тут ни при чем. Никакой помощи передовикам она не оказывает, как и обком комсомола. Она данные собирает. О нас только на совещаниях вспоминают. Здесь о нас и заботу осуществляют.

В своем отчете Валентин основное место уделил выступлению Гурьева.

Полуяров подписал рукопись в набор, и Валентин уехал на завод. Вернулся он к вечеру.

— К Полуярову вызывают, — насмешливо сказал Николай.

— Твой отчет забракован. Не в том разрезе написан. Его переделывает Рогов, — с плохо скрываемым раздражением сообщил Полуяров.

— Но Рогов же не был на совещании.

— Стенограммы у него на столе. Ты не расстраивайся, бывает.

В коридоре Валентин задержался, услышав голос Николая, диктовавшего машинистке:

— Абзац. Докладчик рассказал об огромных успехах молодых новаторов производства, трудящихся на благо любимой Родины. На заботу большевистской партии и правительства молодежь отвечает самоотверженным патриотическим трудом. В период постепенного перехода от социализма к коммунизму, отметил докладчик, большое значение имеет стирание граней между умственным и физическим трудом. Это ярко проявляется в деятельности новаторов, передовых людей социалистического производства.

Валентин прислушался.

— Абзац. Далее докладчик сообщил о наиболее показательных примерах работы лучших представителей трудящейся молодежи нашей области, совершенствующих производство, вскрывающих неиспользованные резервы, экономящих сырье, материалы, электроэнергию, улучшающих качество продукции. Абзац. В докладе были вскрыты корни того трудового энтузиазма, с каким работает молодежь, дан анализ деятельности комсомольских организаций, способствующих развитию движения новаторов, распространению их опыта. Абзац. В заключение докладчик выразил уверенность, что молодежь нашей области утроит усилия в борьбе за досрочное выполнение пятилетнего плана. Абзац. В прениях выступило одиннадцать

человек. Они взволнованно говорили о той любви и заботе, которыми окружена молодежь нашей страны, рассказывали о своем труде, о передовых методах работы, обещали не останавливаться на достигнутом.

Задетый за живое Валентин вошел в комнату и сказал:

— Порвите эту халтуру, Рогов. Порвите. Совесть спокойнее будет.

— Я выполняю приказ редактора, — высокомерно отозвался Николай. — Диктую... В заключительном слове товарищ Топольков отметил, что проведенное совещание послужит толчком для дальнейшего развития массового движения рационализаторов. Абзац. Участники совещания обратились ко всей молодежи промышленных предприятий области с призывом усилить борьбу за новый подъем производительности труда. Все. Спасибо.

— Готово? — из кабинета выглянул Копытов. — Быстрей вычитывай — и ко мне. Скоро товарищ Топольков подойдет. С фамилиями, цифрами поосторожней. Лесной, зайди. Пал Палыч поставил тебя в известность насчет... этого? Понял, в чем дело? Не так надо писать. Состоялось важное мероприятие, надо его значение, понимаешь ли, показать, а не... Ну, ясно, значит? Отец-то зачем приезжал?

— Волновался, — ответил Валентин, не понимая, для чего его вызвали. — Я в суматохе забыл ему написать, что все окончилось благополучно.

— Уехал?

— Уехал.

— Быстро... Ты почему не с ним живешь?

— Не хочу на его шее сидеть. Вот уйдет в отставку, вместе будем жить.

— Молодец, — равнодушно похвалил Копытов. — Вот что... слухи до меня дошли, будто вы в цека бумажку написали. Не прыгай, выслушай меня. Может, я дельное что скажу. Я не боюсь, что вы на меня критику наведете. Мне одно непонятно... Есть у нас обком комсомола, обком партии, райком партии — обращайтесь, требуйте, помогут ведь. И незачем в Москву писать, шуметь, бузить, людей из-за пустяков тревожить. Сор из избы выносить. Обком партии нами сейчас занимается...

— Я никакого письма в цека не писал. Но если решение партийного собрания не будет выполнено, обязательно буду писать.

— Прыткие вы какие... Я в газете десять лет проработал, а сейчас любой мальчишка, вроде тебя, лезет меня учить. Вишнякова брякнула: «Вы русского языка не знаете!» Может быть, не спорю. Да и не это с меня спрашивают. Грамматическую ошибку всегда простят... В общем, не понимаю я вашего брата... Иди.

Валентин отметил, что нотация Копытова и случай с отчетом не вывели его из равновесия, как бывало раньше. Копытов не показался ему глыбой, которая может задавить. Он не боялся Копытова, не терялся перед ним.

После работы Валентин отправился к Ларисе, где они договорились встретиться с Ольгой. Оставаться вдвоем они еще боялись, потому что робели, а втроем было хорошо.

Лариса прихварывала. Она лежала на диване. Поверх одеяла — газеты, книги, блокноты.

— Прочитала в книге: «Хороший заголовок в газете — верный признак высокой журналистской культуры». Выписала заголовки своих трудов за год... Неважная картина. Скучно, Валька, без газеты. Бессмысленно как-то. — Она закрыла глаза и сказала тихо: — От Олега письмо. Именно такое, какое я мечтала получить... Он не рисуется, не хвастает будущими успехами... Верю...

Здесь Валентин был как дома. Он поставил на плитку чайник и стал накрывать на стол.

— Здорово развита в нас эта вера в обязательное счастье, в счастье во что бы то ни стало, — отозвался Валентин, — бывает, что и не везет, и надежды рушатся, и неприятности разные табуном нагрянут, и мысли темные в голову лезут, а попробуй скажи мне кто-нибудь, что у меня впереди счастья нет, — не поверю.

— Ты мне напомнил одну любопытную историю, — Лариса присела, сложив руки на груди. — До Маро у нас в редакции секретаршей работала Лена. Обаятельная девушка, добрая до бесконечности, как-то притягивала к себе всех. Очень я ее любила... И неприятно, обидно до слез было, когда я узнала... На вечеринке одной захотелось мне сесть с ней рядом. Лезу сквозь строй стульев и говорю: «Трудно же до тебя добраться, Леночка». Посмотрела она на меня тоскливо-тоскливо и ответила: «Добраться до меня проще простого». Потом я поняла эту фразу. Наша чудесная Лена, на которую многие наши ребята молились, жила другой жизнью, нам неизвестной.

Мне про нее Олег таких пакостей нарасказывал, что я даже ему не верила. Я не могла понять, как в одном человеке могут совмещаться чистота и грязь... И ты знаешь, жила в ней вера в настоящее счастье. Встретила она своего героя.

— Мне не по душе такие типы, — недружелюбно проговорил Валентин. — Не люблю я этих сложных натур. Человек должен быть простым, а если появляются в нем разного рода сложности, значит, он с вывихами.

— Но в человеке всегда надо разбираться с участием. И когда хочешь помочь человеку, ищи в нем прежде всего крупинки хорошего. От них и отталкивайся.

Валентин не стал спорить с Ларисой, потому что она очень волновалась, а он понимал, что нервничать ей нельзя.

К тому времени, как закипел чайник, пришла Ольга. Она была в тренировочном костюме, взлохмаченная, возбужденная, без слов поцеловала Ларису, улыбнулась Валентину и начала пить чай.

— Что с тобой? — хором спросили Валентин и Лариса.

— Подождите... Сейчас. — Она смахнула упавшие на лоб волосы и сказала устало: — Даже не знаю, с чего и начинать... Вы даже представить не можете. Мне даже говорить страшно.

Перестань! — строго приказала Лариса. — В чем дело?

— Ну, слушайте, — лукаво ответила Ольга. — Только не подумайте, что я сошла с ума и заговариваюсь... Меня вызвали на тренировочный сбор в Москву.

— Ну и что? — разочарованно протянул Валентин. — Не в первый ведь раз?

— Милые мои, — серьезно сказала Ольга, встав из-за стола, — на сборе будут готовиться к международным соревнованиям. Сборную страны готовить.

Раздался оглушительный стук.

— Она вышибет двери! — крикнула Лариса. — Откройте ей скорее!

Маро появилась в распахнутом пальто, с шалью в руке. Она подбежала к Ольге, обняла ее и расхохоталась. Вошел Максим, спокойный и неторопливый, поздоровался и спросил недоуменно:

— И чего? Подумаешь, за границу ехать!

— Ты ничего не понимаешь! — затопала ногами Маро. — Ты молчи! Ты хороший, когда молчишь! — Она повернулась к Ольге. — Ты нас вспоминай. Мы спать не будем.

— Она спать не будет! — рассмеялся Максим. — Вся страна, Маруся, спать не будет.

— Он совсем не может молчать! — всплеснула руками Маро. — Он нарочно так говорит. Он любит...

— Ага, — добродушно ухмыльнулся Максим.

Маро простонала, отвернулась от него и с ненавистью проговорила:

— Сейчас он скажет, что такой случай надо... как это?

— Вспрыснуть, — скромно подсказал Максим. — Но у меня — зарок.

Перебранка Маро и Максима развеселила друзей. Посидели, поохали и, дождавшись Александру Яковлевну, стали расходиться.

...Третий раз в том же самом сквере. Весенние ветры принесли немного тепла, и снег начал таять. Еще сопротивляясь весне, он покрылся твердым серебристым настом. Тропинки обледенели. Воздух был пропитан влажными запахами приближающейся весны. Казалось, на губах гипсовой физкультурницы затаилась живая улыбка. Казалось, что физкультурница вот-вот переступит с ноги на ногу, поведет широкими плечами, стряхнет с них мокрый, тяжелый снег и повернется лицом к реке, откуда летят весенние ветры. И еще казалось: физкультурница рассмеется, когда ветры растреплют ее гипсовые волосы.

— Она ведь наша старая знакомая, наверное, все про нас знает, — проговорил Валентин, очнувшись от раздумья. — Я сюда часто приходил.

— Удивительно, почему ты не встретил меня, — тихо отозвалась Ольга.

— Просто не везло, — затаив дыхание, сказал Валентин. Он снял перчатки и мял в руках ком снега. — Знаешь... я бы во всех садах, парках и скверах, на всех проспектах поставил бы великолепные статуи. Из белого мрамора.

— А у меня в голове сейчас музыка... Просто музыка.

Счастье всегда кажется хрупким. Валентин и Ольга

боялись нарушить охватившее их чувство тихой радости, которое бывает тогда, когда любовь еще не высказана прямо, но существует, живет. Они испытывали лишь одно желание: быть вместе.

Гуляя по городу, они молчали и не замечали, что молчат. Они долго смотрели на световую рекламу «Граждане, соблюдайте правила уличного движения», задержались у витрины «Смены», постояли у «Гастронома», в окне которого была изображена пухлая девица с мечтательными глазами, предлагавшая пить «Советское шампанское».

Пробежав глазами доску объявлений, Валентин радостно сказал:

— Судьба, Оля!

В одном из окраинных клубов шел тот самый кинофильм, который они смотрели когда-то в дождливый день их знакомства.

...Они вбежали в зрительный зал, когда сеанс уже начался. Валентин настолько ясно вспомнил тот день, что ему даже послышался шум дождя.

Глава двенадцатая

Собрание у редактора было назначено в необычное время — в десять часов утра. Когда все расселись по местам, вошел Копытов. На лице его, гладко выбритом, припухшем от бессонницы, обозначились глубокие складки. Он не спеша снял пальто, повесил его в шкаф и не успел закрыть дверцу, как пальто с шумом упало. Копытов остановился, помедлил, махнул рукой и направился к столу. Закурил.... Погасил спичку. Достал из кармана газету.

— Вот первый номер «Смены». Послезавтра выходит триста пятьдесят второй,—тяжело проговорил Копытов.— Худо ли, плохо ли, а поработали. Что было хорошего, вспоминайте, что плохого — не судите. Всякое бывало. — Он обхватил голову руками, положил локти на стол. — Товарищи! — Копытов выпрямился и заговорил глухо: — Областной комитет партии... Ну, сами знаете. Сдаю дела Пал Палычу... Жалко с вами расставаться, привык, понимаете ли. Идите, — опустив голову, закончил он.

Потом Копытов прошелся по кабинетам и попрощался с каждым сотрудником.

— Желаю тебе, Вишнякова, успехов в работе и в жизни, — невесело сказал он Ларисе. — Не поминай лихом.

— Куда вы теперь? — растроганно спросила она.

— Не знаю. Буду проситься в районную газету, в деревню.

Трудно было узнать Копытова. Он не старался скрыть своего горя, выглядеть бодрячком или незаслуженно обиженным, хотя в глубине души все же не понимал, почему молодежь не полюбила его.

— Ну, Лесной, бывай здоров, — проговорил Копытов, протянув руку. — Желаю тебе успехов. Парень ты способный, но бедовый. Без царя в голове. Газета таких не любит. Меня особенно не ругай. Будешь когда редактором, кой-что поймешь, может, и сам таким станешь. Не раз Копытова вспомнишь. — Он повернулся к Николаю. — Ты, Рогов, давай за ум берись. Человек ты серьезный, тебе и карты в руки.

— Спасибо вам за все, Сергей Иванович, — негромко проговорил Николай, посмотрев на Валентина.

Тот понял и вышел.

— Не за что.

— Как не за что? — Николай понизил голос. — Сергей Иванович, помогите мне. Нельзя мне оставаться без вас в редакции. Полуяров выставит меня в два счета.

— Он мужик справедливый. А чем помочь?

— Возьмите меня с собой.

— Куда?

— Ну, где работать будете.

— А поедешь?

— А вы разве уезжаете?

— Собираюсь. В районную газету.

— Это хорошо, — растерянno пробормотал Николай. — Вас уже назначили?

— Назначат. Поедешь, что ли?

— Право, не знаю. Я ведь в сельском хозяйстве разбираюсь неважно. Но мне надо уехать. А с другой стороны...

— Эх, ты! — Копытов ткнул ему в грудь пальцем. — Гамлет!

«Дурак!» — чуть не крикнул Николай, но заставил себя улыбнуться. Он смотрел вслед Копытову и не услышал шагов Риточки.

— Коля, — прошептала она, — ты подумай, он в деревню едет! Ужас какой!

— Не болтай глупостей! — обрезал Николай. — Сколько раз тебе говорить: не подходи ко мне в редакции!

— Пожалуйста, — оскорбленным тоном ответила Риточка.

— Отпечатай мне заявление с просьбой уволить.

— Коля...

— Я кому сказал?

Подписав заявление, Николай сразу отнес его Полуярову.

— Лучше ничего не придумали? — насмешливо спросил тот. — Зачем? Я не в восторге от вас, но давайте попробуем работать. Я с вами много либеральничал, были причины. У вас было тяжелое состояние и...

— Вас это не касается. Подпишите заявление.

Николай надеялся, что Полуяров продолжит разговор, но он написал резолюцию: «В приказ».

— Спасибо, — иронически сказал Николай, — я вас никогда не забуду.

Николай растерялся. Выйдя в приемную, он отвернулся от Риточки, чтобы она не видела его лица. Когда волнение несколько улеглось, Николай вернулся в отдел и, собрав всю силу воли, сказал развязно:

— Лёсной, можешь торжествовать. Я ухожу из редакции, теперь ты получишь повышение.

— Всю жизнь стремился, — равнодушно отозвался Валентин.

— Попрощаемся? Пожелаем друг другу удачи на жизненном поприще? Я ведь уезжаю в дальние края. Олег прислал телеграмму. Есть хорошее место.

— В добрый путь.

— Ты сейчас готов мне и цветы подарить?

— Нет. И не надо говорить пошлости.

— Скажите, пожалуйста, какая суровость. Интересно, что у вас дальше будет. Одним бы глазком посмотреть, когда у вас пройдут души прекрасные порывы...

— Никогда не пройдут.

— Сомневаюсь, чтобы Ольга надолго...

— А я не сомневаюсь.

— Я-то лучше ее знаю!

— Не надо, Рогов, — остановил Валентин. — Горе надо уважать, а не хихикать. Желаю всего доброго.

Николай ушел из редакции, ни с кем не попрощавшись. На душе было мерзко. Тщетно старался он ободрить себя и независимым уходом из редакции, и легким успехом у хорошенькой, пикантной Риточки, и решением областного суда... Олег прав. Надо начинать все сначала. В путь! Подальше отсюда! Скоро все забудется, станет приятным воспоминанием. Нелегко нам жилось, но мы выстояли.

Но почему Олег не шлет телеграммы?

...Все забудется. А сейчас на душе мерзко. Легко сказать — уехать. Он осмотрел комнату: все это куплено не сразу, не на одну зарплату. А на новом месте ждет пустая квартира. Но и здесь оставаться бессмысленно. Что делать?

...Все это хорошо... Николай понюхал корочку, потряс головой. Хорошо. Отлично. Еще стопочку и довольно. Нет, из этой квартиры он никуда не уедет. Черт с ними, с Лесными и прочими... Он поставил стопку и погладил себя по груди... Отлично... Нечего приbedнаться. В такую квартиру согласится зайти не одна Риточка. Мы еще проживем!.. Выпьем, Коля!.. Только не хандрить, а верить в себя.

Заслышав стук в дверь, он на всякий случай спрятал бутылку и пошел открывать. Приход Риточки окончательно исправил настроение. Вначале Николай принял озабоченный вид, в глубоком молчании выкурил папиросу и небрежно спросил:

— Утешать пришла?

— Да, — искренне призналась Риточка, и на ее красивом лице появилось выражение неподдельной грусти.

Николай растрогался, похлопал ее по колену и весело сказал:

— Не горюй, детка. Таких, как я, не легко сбить с ног! Ты думаешь, много хороших журналистов сидит без дела? Место, конечно, поискать надо, но...

— Я нашла тебе место! — радостно воскликнула Риточка.

— Ты?! — Николай и удивился, и возмутился. — Я не позволял тебе вмешиваться в мои дела. Сам устроюсь. Займись-ка лучше чаем.

Риточка не пошевелилась. Николаю стало жаль ее.

— Ну, не сердись, — он потрепал ее по спине. — Спасибо, как говорится, за внимание, но, право, я в нем не

нуждаюсь. Не бойся, без места не останусь. Было бы тебе известно, дорогая, что я уже получил несколько приглашений. Один приятель прислал телеграмму, зовет к себе. Можно поехать.

— Поезжай, — еле слышно произнесла Риточка, и ее большие голубые глаза потемнели.

— Никуда я не поеду, — покровительственно, удовлетворенно пообещал Николай, обняв Риточку. — Довольна? Вот выберу время и сяду за книгу очерков. Название хорошее придумал — «Открытый взгляд». Нравится?

«Мне все, все сейчас нравится, — говорили глаза Риточки. — Надоело болтаться со всякими пижонами и командированными. Полюбить хочется. Чтоб любили не за грудь и ноги, а так... С тобой хочется быть умным, гордым». Она покраснела, быстро встала, отошла к стене. Если бы она умела говорить! Не такая уж она... Ведь она не виновата, что к ней относятся... не так... Вот Коля немного уважает ее...

Но она не умела говорить о том, что чувствовала, и ушла на кухню. Николай посмотрел ей вслед и удовлетворенно подумал: «А она... она в меня, по всей вероятности, по уши... дурочка». Давно он не испытывал такого опьяняющего довольства самим собой, сознания превосходства, уверенности.

— Где же ты мне место подыскала? — посмеиваясь, спросил он вернувшуюся Риточку.

— Очень хорошее место, — взволнованно ответила она. — В железнодорожной многотиражке, там у меня знакомая...

— Ну, знаешь! — возмутился Николай. — Ты... ты просто ничего не смыслишь! Мне — в многотиражку?! Да ты с ума сошла! Извини, но надо же хоть немного сообщать. Пойми, в нашем деле самое главное — не размениваться на мелочи. Информацию или коротенький отчет, в конечном счете, и ты напишешь. В газете есть своя высшая математика. Настоящий журналист в многотиражке сидеть не будет. Задохнется. Прости, детка, но думай, когда говоришь.

— Я думаю, — неуверенно пробормотала она, — но я же не о себе... оклад большой, тысяча с чем-то, бесплатный проезд хоть в Сочи, квартира.

— Квартира у меня есть, на проезд я заработаю.

— Я не виновата, что не понимаю...

«Ольгу бы сюда! — промелькнуло в голове. — Задохнулась бы от зависти! От злости!»

Вечер провели неплохо. Но вдруг Риточка засобиралась домой.

— Ты что, детка? — обиженно удивился Николай. — Мамы испугалась?

— Мамы у меня нет, — кусая губы, ответила Риточка. — Я всю жизнь живу одна. Проводи меня... — на глазах ее показались слезы. — Проводи... Ну, как провожают девушек...

— Зачем уходить? — Николай стал ласкать Риточку, поняв, что она, чего доброго, в самом деле уйдет. — На улице холодно, а нам с тобой хорошо, тепло...

Риточка осталась, но за вечер ни разу не улыбнулась. Ночью Николай проснулся, разбуженный мыслью, которую никак не мог уловить. Он закрыл глаза, пробовал уснуть, смотрел на темный профиль Риточки и мучительно думал, зачем он связался с ней... зачем? Что у него с ней общего? Николай опустил ноги на пол. Паркет был холодный, и у Николая вскоре замерзли даже уши. Он взял подушку, халат, впотьмах прошел в соседнюю комнату и лег на диван. «Ничтожество, — подумал он о себе и о Риточке одновременно. — Темнота».

Захотелось курить, но было противно идти в соседнюю комнату, он нащупал на столе пепельницу, взял окурки и зажег спичку. Она вспыхнула необычно ярко, Николай взглянул на распахнутую дверь и ему на мгновение показалось, что в кровати лежит Ольга. Он сел, жадно затянулся дымом. Завтра же он все объяснит Риточке, попросит прощения и больше близко к ней не подойдет. Надо сказать Полуярову, что погорячился... Пусть все это тяжело, стыдно, но иначе нельзя. Он молод, умен, он хочет работать, он умеет работать. Просто ему не везет. Слишком много кругом завистников, злых, несправедливых, нечестных людей. Они мешают жить нормально, мешают ему проявить себя, отвлекают силы. Если бы не история с разводом, сколько он успел бы сделать!

Правда, нет худа без добра. Все-таки Риточка — симпатичное существо. А сложена как! Не Ольга, конечно, но в своем роде даже лучше. Она доставляет ему много приятных минут, спасает от тоски. Сердиться на нее нет никаких оснований. По-своему она даже не глупа.

Нет, жизнь налаживается... «Откуда пришло хорошее настроение?» — спросил себя Николай и направился к буфету — там стояла бутылка с остатками водки. Ну как он мог забыть?

* * *

Исполнилось почти все, о чем недавно мечтал Олег. Он жил в незнакомом городе, в отдельном номере гостиницы, без контроля родителей, свободный от семьи. Можно было приступать к осуществлению тех желаний, которыми он бредил в последние дни жизни с Ларисой. Но то, что издали казалось заманчивым, вблизи выглядело иначе.

На работу Олег устроился сразу, в день приезда. Редактор словно пропустил мимо ушей подчеркнуто открытый рассказ Олега о причинах переезда и назначил его ответственным секретарем.

Коллектив редакции был малоопытным, и в отдельные дни Олег задерживался на работе до позднего вечера. Истосковавшись по газете, он трудился самозабвенно. Он понимал, что от его усилий многое зависит в деятельности редакции. Он видел, что его ценят и уважают, и больше всего боялся потерять хотя бы каплю этого уважения. Сначала он принял было гордый вид, но молодые сотрудники с такой охотой и благодарностью принимали его замечания и советы, что он стал держаться просто и приветливо. А когда редактор разрешил отправлять в набор рукописи без своей визы, Олег преобразился. В нем появилась ранее несвойственная ему строгость, придирчивость к себе, недоверие к своим выводам. Он начал привыкать советоваться не только с редактором, но и с авторами. Он теперь отвечал не за одного себя, а за весь коллектив, думал не о своих строчках, а о чужих.

Как-то, устав за читкой рукописи, Олег заторопился домой, предвкушая удовольствие посидеть с Ларисой за кофе, рассказать ей о трудной работе, посмотреть в ласковые глаза. И больно сжалось сердце, когда он вспомнил, что Лариса далеко отсюда.

Вечерами Олег изнывал от одиночества. Книги валились из рук, музыка расстраивала, не хотелось никуда идти — ни в театр, ни в кино. Одиночество угнетало, но еще больше отпугивали приглашения в гости. Раза два он побывал в ресторане, познакомился с одной компанией,

проводил домой капризную блондинку Лялю, молодую балерину из театра музыкальной комедии. Она звонила почти каждый день, но Олег, неизвестно почему, под разными предлогами отказывался от встреч. В нем крепла потребность иметь друга, с которым можно поговорить по душам, а Ляля... не то. Из головы не выходили мысли о Ларисе. Воспоминания о ней неотступно преследовали его. Он на каждом шагу обнаруживал, что даже все его житейские привычки связаны с Ларисой.

Настраивая радиоприемник, он иногда прислушивался: не раздастся ли в ушах голос Ларисы: «Олик, поishi что-нибудь для души».

Олега мучили не угрызения совести, не стыд, не раскаяние. Наоборот, он иногда забывал, что виноват перед ней. Ему недоставало Ларисы, она была просто необходима.

Единственное, что он мог сделать, — постараться забыть ее. Олег позвонил Ляле.

— У вас сегодня спектакль?

— Пустяки. Освобожусь после первого акта. А что?

В ресторане он заказал вина, решив покурить, как бывало. Пил, не закусывая... С удивлением отмечал, что не пьянеет.

— Мне можно уйти? — услышал он обиженный голос Ляли.

— Что? — недоуменно спросил Олег, поднял голову и увидел, что Ляля кусает платок. — Простите меня, — небрежно сказал он. — Много неприятностей, и я забился.

— Мы для того и пришли сюда, чтобы забыть о неприятностях, — недовольно проговорила Ляля.

— Ну что ж, попробуем, — вяло отозвался Олег.

Он разлил вино, поднял бокал, хотел сказать что-то полагающееся в таких случаях, но выпил молча. Ляля пить не стала. Закурила. Это не понравилось Олегу: курят люди, которым приходится нервничать или много работать.

— Вы обиделись? — равнодушно спросил он.

— И не думала, — Ляля пожала плечами.

«Красивые плечи, — заметил про себя Олег. — А впрочем, все это довольно противно. Мне необходимо раскрыть душу, а эта... особа... черт с ней, с особой. Что-то, а душа моя вряд ли ее интересует».

— Господи, скука какая! — капризно воскликнула Ляля. — Идемте хоть потанцуем.

Олег вел Лялю, глядя в сторону. Едва оркестр замолчал, она опустила руки и, ничего не сказав, направилась к выходу. Олег хотел окликнуть, но раздумал и облегченно вздохнул. Он расплатился и пошел к себе в гостиницу.

Хорошо, что Ляля догадалась уйти. Знакомство можно считать законченным... Олег сидел за столом не раздеваясь. Голова была ясной. Спать не хотелось... Я никогда не устану любить тебя... Так она говорила... Только рядом со мной ты станешь настоящим журналистом... Кто больших чувств не знает, тот и пишет плохо... Смешно... Я журналист.

В недобрый час он решил возразить Ларисе. В доказательство своей правоты он вытащил из чемодана две папки со статьями, очерками, фельетонами. Раньше он любил бегло просматривать их, набираясь вдохновения и уверенности. Все-таки в каждой строчке — труд, время, старание.

Некоторые материалы ему уже не нравились, иные вообще можно было не печатать. Одни нравились тем, что были написаны с рекордной быстротой, другие — тем, что в свое время вызвали споры или несправедливые нарекания. Он перебирал вырезки, разыскивая свой лучший очерк «Требовательный талант» о певце Филиппове. Вот он. Олег прочел первые абзацы и поморщился. Закурил и стал читать дальше. Очерк был скучным, несмотря на разного рода литературные хитрости.

Олег прочитал еще два очерка и захлопнул папку. Настроение вконец испортилось. Впервые в жизни он усомнился в своей одаренности. Сильнее удара не могло и быть. Или он просто пьян? Нет.

Проснулся Олег необычно рано и сразу взялся за папки. Читать было неприятно — обыкновенные, наспех сочиненные вещички. Правда, язык хорош: легкий, неприужденный — остальное ерунда.

С утренней редакционной почтой пришло письмо от Ларисы. Олег закрылся в своем кабинете и разорвал конверт.

«Здравствуй, Олик! Мне почему-то кажется, что ты сейчас думаешь обо мне. Я в этом даже уверена, поэтому и легко у меня на душе. Вчера перебирала фотографии. Долго

смотрела на самую любимую: ты после командировки в Мысовский леспромхоз — небритый, усталый, довольный.

Как ты там? Только это меня и беспокоит. Может быть, тебе что-нибудь прислать? Напиши.

Почему ты до сих пор живешь в гостинице? Это очень дорого. Ищи частную квартиру.

Когда собираюсь писать тебе, в голову приходит столько хороших мыслей и ласковых слов, а сяду писать и задумаюсь — ты все знаешь, ничего нового я тебе не скажу. Но если все мои мысли о тебе сложить в одну фразу, то получится: «Олик, возвращайся, мне без тебя очень плохо».

Вот мне снова захотелось сказать, что я люблю тебя, что жду и верю. Верю, что будешь таким, каким я хочу тебя видеть.

Ты очень радуешь меня своими письмами, я их читаю часто, словно разговариваю с тобой. И ты знаешь, мне многое стало понятным, особенно я поняла то, что не надо было нам жить вместе. Ты лишний раз ошибся, подумав, что я стремлюсь просто привязать тебя к себе любой ценой. Нет, милый, когда я говорю, что жду тебя, я говорю, что ты полюбишь меня, и не как-нибудь, а по-настоящему.

Страшно, если ты не вернешься. Еще страшней, если я разлюблю тебя. А это обязательно случится, если я перестану в тебя верить. Пойми, что в наше время настоящим журналистом может стать только чистый, кристально честный человек.

Не работай ночами, глотая кофе. Это плохая привычка. Это вредно.

Вот и все. Пиши мне чаще.

Будь здоров, Олик. Целую тебя.

Твоя Лариса»

«Твоя Лариса», — несколько раз перечитал он два слова, написанных четким, уверенным почерком... Он прикрыл руками лицо, почему-то с ожесточением протер глаза... Ведь можно сейчас поговорить с Ларисой по телефону. Мысль была настолько неожиданна, что он не сразу решился снять трубку.

Заказ приняли, обещали вызвать к вечеру. Олег никуда не уходил из редакции, даже в столовую. В горле щипало от папиросного дыма, болела голова. Он не мог понять, что с ним происходит. Ему отчетливо вспоминался то голос Ларисы, то ее лицо.

Редакция опустела, и Олег не вынес долгого ожидания: позвонил на междугороднюю станцию.

— Линия была на повреждении, заказ перенесен на завтра, — ответил женский голос.

Олег едва не кинул трубку на пол, закричал:

— Что ж вы, черт возьми, не предупредили меня. Если повреждение, надо было... вы обязаны... — вдруг его кольнула мысль, что сегодня он не услышит Ларисы. Олег зашептал в трубку: — Девушка, милая девушка, простите меня, я очень ждал этого разговора. От него зависит... Скажите, есть какая-нибудь надежда переговорить сегодня?

— Ночью, — после паузы ответил голос.

— О, пожалуйста! В любое время. Я живу в гостинице, номер десятый. Я буду ждать...

Он с утра ничего не ел, поэтому забежал в гастроном, купил первые попавшиеся на глаза консервы, батон с изюмом, папирос, пачку кофе.

За это время он так переволновался, что, вбежав в номер, бросился на диван и лежал, пока дыхание не стало ровным... Вот если бы рядом была Лариса... Нет, это не она идет по коридору. Олег снял телефонную трубку и умоляюще заговорил:

— Милая девушка, еще раз простите меня. Вы не забыли, что я живу в гостинице... Вишняков, да.

Олег, обжигаясь, пил кофе и ходил по комнате... Ты любишь ее... Он вспоминал и вспоминал эпизод за эпизодом... Сейчас все они казались ему значительными, особенно та ночь, когда Лариса осталась у него. Она как-то очень просто, ласково и вместе с тем сурово сказала:

— Я верю тебе, Олик. Пусть будет так.

Мимо настоящей, большой любви может пройти или подлец или недалекий, не понимающий чувств, человек. Олег едва не прошел. Все хорошее, что было в нем, проснулось и потребовало, чтобы он думал о Ларисе.

Часа в два ночи Олега стало знобить. Он лег на кровать, накрывшись пальто. Правая рука лежала у телефонного аппарата. Олег боролся со сном, но веки отяжелели, и он задремал.

Звонок разбудил его среди ночи. Сначала Олег не мог ничего понять и, услышав в трубке голос Ларисы, тряхнул головой, чтобы разогнать сон.

— Кто это? Олик? Олик? Это ты?

Он закричал:

— Я! Я! А это Лариса? Лариса!

— Я! Я, Олик! Что случилось? Ой, как плохо слышно! Олик!

В трубке выло, пищало, трещало, будто телефон подсоединили к патефонной мембране с тупой иголкой. Олег потряс трубку и снова закричал в нее:

— Ты слышишь меня, Лариса! Слышишь?.. Междугородняя!

И вдруг наступила тишина. Голос Ларисы ясно и отчетливо проговорил:

— Ты слышишь меня?

— Слышу, — прошептал Олег, сдерживая дыхание. — Как ты живешь?

— Плохо, Олик, — весело ответила она.

— Я, Лариса... ты мне... пиши. Сегодня что-то такое случилось... — Олег мучался тем, что говорит несвязно и не то, что нужно.

— Говорите? — резко спросила телефонистка.

— Говорим! Говорим! — крикнули Олег и Лариса и замолчали.

— Лариса...

— Олик, ну скажи что-нибудь. Скоро нас разъедят.

— Нет...

Снова в трубке завывало, затрещало, потом наступила тишина, и бесстрастный голос произнес:

— Линия на повреждении...

* * *

Хлопнула дверь, и в коридоре раздался веселый старческий голосок:

— Ну-с, нервный юноша, показывайте вашу больную.

Вслед за этим в комнату вбежал миниатюрный старичок в белом халатике, легкий, бойкий.

Он раскланялся, взял руку Ларисы, вытащил большие часы, послушал пульс и радостно заключил:

— Оч-чень неплохо! Если вам нетрудно, вот градусник. Простудились? Я так и знал. Не нужно много петь на улице. Не пели? Напрасно. Я сказал: много петь нельзя. Температура соответственная. Позвольте вас выслушать. Дышите. Попрошу вас, еще глубже. Замечательно. Любопытно взглянуть на ваш язычок. Скажите первую букву алфавита. Бывает значительно хуже.

Старичок подскочил к столу, ловко выхватил из кармана блокнот, молниеносными росчерками написал несколько рецептов и продекламировал:

— Одно дуновение холодного воздуха, и вы разоритесь на лекарствах. Для вас опасна прохлада даже от мятных конфет. Прошу вас, берегите себя. Будьте здоровы в прямом смысле этого слова. Рад был с вами познакомиться. Прощайте.

Старичок будто улетучился. Лариса удивленно смотрела на стул, где он только что сидел.

— Прошу вас, берегите себя, — повторила Лариса. — Хорошо сказано... Но мне не везет: грипп за гриппом.

Ольга послала Валентина в аптеку.

— Завидую я вам, — ласково проговорила Лариса, — вы молодцы... Я ненавижу тех, что от любви отказываются, не придают ей, так сказать, значения в жизни. Отсутствие мечты о любви — признак бедности души. А жизнь должна быть полнокровной. И работать, и любить, и дружить, и даже делать глупости... Ты ведь очень счастлива?

— Очень, — задумчиво отозвалась Ольга. — Иногда мне кажется, что я неестественно счастлива.

— Это на первых порах. Идет время. Может быть, это банально звучит, но я часто жалею о том, что день прошел.

— А я, наоборот, всегда поражаюсь: сколько еще жить нужно!

— Ты не поняла меня, Оленька. Я хотела сказать, что нужно беречь жизнь, в молодости не утешать себя тем, что успеешь еще... Ты не считаешь, что несколько лет у тебя пропали напрасно?

— Они хорошей наукой были, — сказала Ольга, — вроде неудачного выступления на соревнованиях. Я ничего не знаю. Я точно вчера на свет родилась. Одно знаю: это надолго, навсегда.

— На Валентина можешь надеяться, как на себя. Я его знаю... У него один недостаток, — Лариса улыбнулась, — ему повзрослеть пора. А то он будет всю жизнь смотреть на тебя вот такими глазами и все.

— Мне больше ничего и не надо, — с лукавым смехом отозвалась Ольга и, зажав юбку между колен, быстро встала на руки. Но стойка не получилась, и она мягко опустилась на пол. — Скоро поеду! В Москву! На сбор!

— А свадьба?

Ольга чуть нахмурилась, ответила:

— Не надо об этом... С ним мы не говорили... пока. Потом...

Поняв, что она напрасно заговорила о свадьбе, Лариса мысленно выругала себя и перевела разговор на другую тему.

— У Вальки хорошее отношение к жизни, он всегда ею взволнован. Стоит он сейчас в аптеке и расспрашивает аптекаршу: «И как вы успеваете? Расскажите, пожалуйста, очень интересно!» Час может простоять... Он будет хорошим журналистом. Между нами говоря, для многих газетчиков характерно этакое профессиональное равнодушие, иногда даже высокомерное отношение к материалу. Дескать, мы и не такое видали, нас ничем не удивишь... А самое главное — любит он тебя...

— Боюсь, — тихо сказала Ольга, — так боюсь... Стыдно... Я и он... Только вспомню все, так...

— Зря, зря ты, Ольга, — Лариса погладила ей волосы, — вы оба хорошие. Вы хорошо жить будете...

Вернулся Валентин.

— Вы представляете, — оживленно заговорил он, потирая от удовольствия руки, — на первый взгляд, аптека — весьма обыкновенное предприятие, а сколько в ней интересного можно увидеть! Вот сейчас беседовал с фармацевтом... Что смеетесь?

— Над фармацевтом, — ответила Лариса, переглянувшись с Ольгой.

— Понятно, — насупясь, произнес Валентин. — Речь шла о восторженности. Некоторые считают ее детской или глупой. Так называемые опытные журналисты попрекают новичков за восторженное, то есть просто живое отношение к материалу. Сами зачерствели, ничего их не волнует, они и посмеиваются над нашим братом.

— Мы не смеемся над тобой, — серьезно сказала Ольга. — Наоборот, мы хвалили тебя.

Валентин покраснел и пробормотал:

— Порошки принес, капли завтра в десять будут готовы.

И вышел из комнаты.

— Он чем-то недоволен, — прошептала Ольга. — Мы, пожалуй, пойдем...

...Ночи были не по-уральски теплыми. Стихали, ухо-

дили на покой ветры. Погруженная в плотную темноту земля дышала теплом, собранным за день.

— Завтра я уезжаю, — сказал Валентин.

— Опять? — огорченно спросила Ольга. — Ведь ты недавно ездил?

— Нам сидеть на месте противопоказано.

— Ну и поезжай!

— Ты что?

— Ничего.

И хотя они разговаривали чаще о пустяках, наслаждаясь ощущением взаимного понимания и близости, от встречи к встрече. Валентин все сильнее понимал, что Ольга — единственная женщина, с которой он рано или поздно навсегда соединит свою жизнь. Они оба думали о дне, когда смогут отдать друг другу и помыслы, и страсть. Но, чистые натуры, они могли соединиться лишь тогда, когда соединятся их души и мысли. Ольга не могла быстро вычеркнуть из памяти все, что было связано с Николаем. Она и сейчас считала, что не заслужила того счастья, которое дает Валентин. Еще больше ее мучила мысль о том, что жизнь могла быть иной. Почему она раньше не оценила Валентина? Почему нельзя было без ошибки?

— Ты не сердись, — глухо проговорила Ольга. — Я не виновата, что не могу забыть... Мне стыдно перед тобой.

— Я и сам думаю, почему ты...

— Ты не пойми меня не так... Я счастлива, очень! Я как сумасшедшая. Просыпаюсь утром и хохочу. Не могу на трамвае ездить, хожу пешком — двигаться надо! Действовать! А как вспомню... ох, до чего мерзко бывает!

— Но ты же знаешь, как я отношусь к тебе...

— Вот поэтому... ну да ладно!

— Зайдем-ка в гастроном, — предложил Валентин, — купим что-нибудь.

Он купил батон, пачку рафинада и конфет. Ольга взяла батон, спросила огорченно:

— А еще что-нибудь у тебя в доме есть?

— Нет. А зачем? Обедаю в столовой, а вечером чай — так всю жизнь.

— Возьми меня под руку, — попросила Ольга.

Они молча пересекли сквер и вышли на берег. Остановились. Ольга посмотрела на Валентина опечаленным взглядом.

— Хороший ты мой, — нараспев прошептала она, — если бы ты знал... Мне так много надо сказать тебе... Ты знаешь, иногда мне даже страшно уезжать от тебя, я боюсь оставлять тебя. Вдруг... вдруг с тобой что-нибудь случится? Заболеешь, или еще что-нибудь... Я все время буду думать, что тебе плохо, что... Мало ли что придет в голову! Жалко мне тебя, Валька, то есть не жалко, а хочется для тебя сделать что-нибудь приятное. — Ольга отвернулась и добавила тихо: — Приласкать.

— Приласкай, — еле слышно отозвался Валентин.

Ольга придвинулась к нему. Ее близость взволновала Валентина, потому что рядом была не та Ольга, для которой он ничего не значил, а Ольга, которая думала о нем. Его Ольга.

— Я не умею говорить, — шептала она, — но я знаю одно: еще ни один человек... еще ни об одном человеке... ты же знаешь.

Они присели на крутом пригорке. Внизу, под обрывом, текла река. От нее тянуло холодом и сыростью.

— Я когда-нибудь удивлю тебя, — радостно произнес Валентин. — Я возьму тебя на руки и расскажу все, что передумал о тебе.

— Подождем рассвета? — спросила Ольга, положив голову ему на плечо.

— Подождем. Я люблю тебя. Очень.

— А я? — Ольга поднялась. Встав, Валентин оказался так близко, что ощутил теплоту ее груди. Ольга не шевелилась. Он прикоснулся губами к ее лбу и проговорил:

— Постоим так.

— Не надо.

— Почему?

— Ни почему... Валька, милый, я боюсь, что... я хочу, чтобы это было навсегда, чтобы ты всегда относился ко мне, как сейчас. — Она замерла и быстро, решительно взглянула Валентину прямо в глаза, положила руки на плечи, притянула к себе и проговорила: — Я для тебя такая, будто ничего и не было. Люби меня, очень прошу.

— И ты...

Есть на свете такое счастье — быть с той, которая желанней, милее всех, идти рядом с ней, знать, что доверяет тебе. Ничего не надо, кроме того, что есть. Мир наполнен светом, и свет исходит от любимой, сердце устает от счастья. Хочется взять счастье на руки и бежать вперед.

Валентин поднял Ольгу на руки и понес. Он нес ее легко и бережно.

Улица была ярко освещена, но они и не думали прятаться от случайных прохожих. Да и прохожие — а это были тоже влюбленные — отлично все понимали и отходили в темноту.

Опустив Ольгу, Валентин сказал:

— Вот...

— Если все будет хорошо, — заговорила Ольга, — мы пойдем с тобой в поход. Возьмем рюкзаки и отправимся в путь-дорогу. По лесам и полям. Смастерим плот и поплывем. Ты знаешь, как мы с тобой будем жить замечательно!.. Я себя чувствую такой же, как в тот день, когда ты меня в кино черствыми пирожными угощал. Помнишь? Ты тогда смешной-смешной был... Пойдем вернемся за батоном, поедим.

Батон лежал на скамейке. Они сели, разломали его и не сказали ни слова, пока не съели.

— Ну вот, теперь я пить захотела.

Держась за руки, они спустились к реке и отыскивали родничок. Валентин развернул пачку, сунул в рот кусок рафинада, наклонился и стал пить.

— Прелесть!

Они пили студеную воду, пока не замерзли.

Стало светать... Лучи солнца проглянули из-за леса на противоположном берегу. Густой туман над рекой пришел в движение. Чем выше поднималось солнце, тем ниже к воде опускался туман, будто впитывался в нее.

Всходило солнце.

Бывают в жизни минуты необыкновенного подъема, когда в человеке разом просыпаются все силы, когда он словно становится выше, уверенней, дерзновенней, смогрит далеко вперед. И нет для него тогда мелочей, будничных дел. Все полно глубокого смысла.

Валентин поднимался по крутому берегу, держа Ольгу за руку. Они вбежали на пригорок и остановились, тяжело дыша.

— Ты ненормальный, — проговорила Ольга, — можно было не бежать.

— Чтоб я больше не слышал этого! — шутливо пригрозил Валентин. — Если можешь взять подъем, не останавливайся, вперед! Будем жить на полной скорости...

Нам надо быть вместе, обязательно быть вместе. Мне необходимо дышать, видеть, слышать и быть с тобой...

Рассвело.

* * *

Тридцатистрочная информация лежала в кармане. Надо было сделать все, чтобы она попала в воскресный номер. В воскресенье открывалась научно-техническая конференция нефтяников. На ней должен был решиться вопрос о бурении нефтяных скважин с водой — впервые в условиях области.

Разведочная скважина около деревни Хижняки была пробурена без глины. В четверг, поздно вечером, бурильщики достигли проектной глубины. Дозвониться до редакции, даже до районного центра, не было никакой возможности. Валентин подробно расспросил о дороге и двинулся в путь.

Сначала шагалось легко. Сквозь звук шагов прорывались лесные шорохи. Потом он почувствовал ночную тишину. Кругом был лес. Валентин непроизвольно прибавил шагу, затем побежал. Он вслепую, подсознательно измеряя величину преграды, перепрыгивал через ямы и поваленные деревья. Он забыл о страхе.

Но с каждым шагом бежать становилось тяжелее. Валентин устал, дышал широко раскрытым ртом. Он настолько обессилел, что, споткнувшись о корягу, распластался на земле во весь рост, вытянув ноги, и приложился горячей щекой к влажной траве. «Усну, — с блаженством подумал он. — Усну».

У-у-ух! — раздалось вдруг над его головой. Валентин испуганно вскочил и замер. Подгоняемый страхом, он снова побежал. Впереди виднелся просвет.

Тропинка вышла на берег реки.

Шептался лес. Река тихо звенела. Сердце стало биться ровнее, Валентин прислушался чутко и настороженно.

— Вперед!

Слева — река, справа — лес. Больше всего угнетала бесконечность пути. Кто его знает, сколько километров позади, сколько — впереди.

Лес кончился неожиданно. Река вырвалась на простор. Ради того, чтобы маленькая информация во-время увидела свет и принесла хотя бы какую-то практическую

пользу, он был готов на все. Страшнее темного леса есть препятствия в жизни. Так что лес не страшен.

Валентин с облегчением отметил, что начало светать. Сразу исчезла усталость. Быстрая ходьба доставляла наслаждение.

В районный центр Валентин пришел часов в десять. Отделение связи было уже открыто.

— Город на линии с семнадцатью Москвы! — огрызнулась девушка за окошком на вопрос Валентина.

— Мне нужно сейчас, — начал объяснять он.

— Не кричите, без вас знаем! Сказано — в семнадцать!

Поругавшись с начальником конторы, Валентин понял, что связисты ничем не помогут — надо действовать самому. Сейчас же отправляться на железнодорожную станцию и всеми правдами и неправдами сесть на курьерский поезд Владивосток — Москва. Ждать пригородного долго, опоздаешь.

До отхода курьерского оставалось минут тридцать. Валентин вышел на середину тракта.

Из-за поворота вылетела полуторка. Валентин поднял руку.

— Чего на середку вылез? — крикнул шофер. — Все одно не посажу!

— Не кричите, — высокомерно сказал Валентин и, не обращая внимания на шофера, стал осматривать радиатор. — Я из областной автоинспекции. Машина очень грязная, следить надо.

— Да где уж тут уследишь, товарищ инспектор! — растерянно пробормотал шофер, не сводя глаз с красных корочек корреспондентского удостоверения, которое Валентин держал в руках.

— Мотор в исправности?

— Как часы. Недавно из капремонта.

— Куда едете?

— На станцию тороплюсь, товарищ инспектор.

— Я туда же.

— Мигом доедем!

Зеленый цельнометаллический состав курьерского поезда уже лязгнул вагонами, трогаясь в путь, когда Валентин выбежал на перрон. Прямо перед ним медленно катился вагон-ресторан. На размышление не оставалось ни секунды. Валентин прыгнул на подножку и вошел

в тамбур, обшарил карманы и обнаружил лишь шестнадцать рублей.

Поколебавшись, он шагнул в ресторан и небрежно поллюбопытствовал:

— Пиво есть?

— Пиво есть, — многозначительно, как показалось Валентину, ответил официант.

Валентин мысленно благословил себя на удачу, сел на свободный стул и подозвал официанта.

— В купе страшная духота. Две бутылки пива. А то аппетит пропал.

— А вы — сто грамм, — посоветовал официант.

— Это уж к вечеру.

Судя по всему, официант не заметил, что Валентин зашел с чемоданчиком.

Пиво было немного горьковато, но прохладно, как ключевая вода. Доказать бы официанту, что ему, Валентину, ничего не надо, кроме бутерброда с икрой.

...Кругом темнота. Лес зловещ. Валентина бросило в дрожь. Вон от стены леса отделяется фигура. Идет навстречу. Валентин хочет бежать, но ноги словно онемели, он не может пошевелиться.

— Гражданин, ваш билет! Гражданин!

Валентин с трудом открыл глаза, сладко зевнул и сказал, потянувшись:

— Нет у меня билета, товарищ.

— Документы.

Контролер прочитал корреспондентское удостоверение, проговорил:

— В газетах всех критикуете, а сами...

— Везу срочный материал. Сегодня должен быть в городе. Хотите казните, хотите — милуйте.

— Казнить не имеем права, а оштрафуем с удовольствием.

Семьдесят пять рублей!... Внести не позднее, чем через месяц... Ладно, внесем. Зато скоро дома, в редакции.

Глава тринадцатая, последняя

Соседка прибежала утром к Ларисе и сообщила, что в центральном универмаге продают чудесные детские коляски.

— Вовка! — затормошила Лариса сына. — Поехали за

коляской. Надо встретить папку во всей красе. Ты должен иметь коляску. Ты ведь ни чей-нибудь сын, а наш.

Сын ничего не ответил, зевнул.

— Одевайся! — командовала Лариса, натягивая на толстого, неповоротливого малыша распашонку. Вовка недовольно сучил ногами и с тоской смотрел на мамину грудь.

В трамвае они сели у окна. Вагон стремительно неся мимо деревьев с темнозеленой листвой. Вовка сначала закрыл один глаз, потом — второй и засопел.

— Приветствую вас, — услышала Лариса хриплый голос и, подняв голову, увидела на сидении напротив полного мужчину в железнодорожной форме, с багровым лицом.

— Рогов?! — изумилась Лариса. — Как вы...

— Да, — обиженно и самодовольно протянул Николай. — Повзрослел? Вас можно поздравить? Сын или дочь? Между прочим, не к ночи будь сказано, в отца. Где он?

— С нами.

— А я неплохо устроился. Заместителем редактора железнодорожной многотиражки. Работы уйма. Спать некогда. Оклад очень приличный, не то, что в «Смене». Квартиру дали хорошую. Бесплатный проезд... Мне пора выходить. А вам?

— Нет.

— Ну, будьте здоровы. Привет супругу. Заходите в гости.

— Нет.

— Ну... была бы честь предложена.

Трамвай рванул с места, словно торопился куда-то. Лариса поцеловала Вовку и подумала: «Стать плохим человеком легче, чем хорошим».

Вагон качнуло на стыке, и Вовка, будто в знак согласия, кивнул головой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Глава первая	3
Глава вторая	21
Глава третья	44
Глава четвертая	74
Глава пятая	96
Глава шестая	123
Глава седьмая	144
Глава восьмая	171
Глава девятая	185
Глава десятая	216
Глава одиннадцатая	234
Глава двенадцатая	259
Глава тринадцатая, последняя	278

Лев Иванович Давыдычев
ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ

Редактор *В. Г. Александров*
 Техн. редактор *К. И. Лапрун*
 Корректор *Т. И. Давыдова*

Сдано в набор 7/II 1955 г. Подписано к печати 6/V 1955 г.
 Бумага 84×92¹/₃₂ — 4,37 б. л. = 17,5 п. л. Уч.-изд. 15,01 л.
 ЛБ06290 Тираж 25 000. Цена 5 руб. 50 коп.

2-я книжная типография Облполиграфиздата.
 Гор. Молотов, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 171.

Цена 5 руб. 50 коп